

МИФЫ
ДРЕВНИХ
СЛАВЯН

Александр Николаевич Афанасьев

Мифы древних славян

Русская мифология – это совершенно особый и удивительный мир. Сейчас заметно повышается интерес к родной культуре наших предков – ведам, язычеству, обычаям, праздникам древних славян и языческой культуре с культом почитания бога Солнца и других. Обо всем этом вы сможете прочитать в книге, которую мы представляем вашему вниманию. Как был сотворен белый свет и возникли славянские народы, откуда «есть пошла земля Русская»; как поклонялись богам, умилюствовали лесных и водяных духов, почитали языческих богов и святых, совершали семейные обряды и справляли праздники? На эти вопросы вы найдете ответы в нашей книге. Также в книге представлен весь пантеон древних славянских богов – от бога золота и богатства Велеса до бога Солнца Ярилы. Удивительные картины художника и знатока древней славянской мифологии Андрея Гусельникова подарят вам незабываемые впечатления от знакомства с древними богами наших предков.

Содержание

#1	0005
Происхождение мифов, метод и средства их изучения	0006
Свет и тьма	0047
Небо и земля	0083
Стихия света в ее поэтических представлениях	0104
Солнце и богиня весенних гроз	0140
Гроза, ветры и радуга	0167
Живая вода и вещее слово	0230
Ярило	0269
Илья-громовник и огненная Мария	0291
Баснословные сказания о птицах	0303
Облако	0338
Баснословные сказания о зверях	0370
Небесные стада	0401
Собака, волк и свинья	0430

Александр Афанасьев

Мифы древних славян

© Оформление. ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Происхождение мифов, метод и средства их изучения

Богатый и, можно сказать, единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями. Чтобы показать, как необходимо и естественно создаются мифы (басни), надо обратиться к истории языка. В жизни языка, относительно его организма, наука различает два различных периода: период его образования, постепенного сложения (развития форм) и период упадка и расчленения (превращений).

Всякий язык начинается с образования корней или тех основных звуков, в которых первобытный человек обозначал свои впечатления, производимые на него предметами и явлениями природы. Возникавшее понятие пластически обрисовывалось словом как верным и метким эпитетом. Еще до сих пор в наших областных наречиях и в памятниках уст-

ной народной словесности слышится та образность выражений, которая показывает, что слово для простолюдина не всегда есть только знак, указывающий на известное понятие, но что в то же время оно живописует самые характеристические оттенки предмета и яркие, картинные особенности явления. Приведем примеры: зыбун – неокрепный грунт земли на болоте, пробежь – проточная вода, леи (от глагола лить) – проливные дожди, сеногной – мелкий, но продолжительный дождь, листодер – осенний ветер, поползуха – мятель, которая стелется низко по земле, одран – тощая лошадь, лизун – коровий язык, куроцап – ястреб, каркун – ворон, холодянка – лягушка, полоз – змей, изъедуха – злобный человек, и проч.; особенно богаты подобными речениями народные загадки: мигай – глаз, сморкало, сопай и нюх – нос, лепетайло – язык, зевало и ядало – рот, грабилки и махалы – руки, понура – свинья, лепета – собака, живулечка – дитя и многие другие, в которых находим прямое, для всех очевидное указание на источник представления. Так как различные предметы и явления легко могут

быть сходны некоторыми своими признаками и в этом отношении производят на чувства одинаковое впечатление, то естественно, что человек стал сближать их в своих представлениях и придавать им одно и то же название или, по крайней мере, названия, производные от одного корня. Предмет обрисовывался с разных сторон и только во множестве синонимических выражений получал свое полное определение. Но должно заметить, что каждый из этих синонимов, обозначая известное качество одного предмета, в то же самое время мог служить и для обозначения подобного же качества многих других предметов и таким образом связывать их между собою. Здесь-то именно кроется тот богатый родник метафорических выражений, чувствительных к самым тонким оттенкам физических явлений, который поражает нас своею силою и обилием в языках древнейшего образования и который впоследствии, под влиянием дальнейшего развития племен, постепенно иссякает. В обыкновенных санскритских словарях находится пять названий для руки, 11 – для света, 15 – для облака, 20 –

для месяца, 26 – для змеи, 35 – для огня, 37 – для солнца и т. д.

Теперь представим, какое смешение понятий, какая путаница представлений должны были произойти при забвении коренного значения слов; а такое забвение рано или поздно, но непременно постигает народ. Более и более удаляясь от первоначальных впечатлений и стараясь удовлетворить вновь возникающим умственным потребностям, народ обнаруживает стремление обратить созданный им язык в твердо установившееся и послушное орудие для передачи собственных мыслей. А это становится возможным только тогда, когда самый слух утрачивает свою излишнюю чуткость к произносимым звукам, когда силою долговременного употребления, силою привычки слово теряет наконец свой исконный живописующий характер и с высоты поэтического, картинного изображения нисходит на степень абстрактного наименования – делается ничем более, как фонетическим знаком для указания на известный предмет или явление, в его полном объеме, без исключительного отношения к тому или

другому признаку. Большая часть названий, данных народом под наитием художественного творчества, основывалась на весьма смелых метафорах. Но как скоро были порваны те исходные нити, к которым они были прикреплены изначально, метафоры эти потеряли свой поэтический смысл и стали приниматься за простые, непереносные выражения и в таком виде переходили от одного поколения к другому. Понятные для отцов, повторяемые по привычке детьми, они явились совершенно неразгаданными для внуков. Сверх того, переживая века, дробясь по местностям, подвергаясь различным географическим и историческим влияниям, народ и не в состоянии был уберечь язык свой во всей неприкосновенности и полноте его начального богатства: старели и вымирали прежде употребительные выражения, отживали как грамматические формы, одни звуки заменялись другими родственными, старым словам придавалось новое значение. Вследствие таких вековых утрат языка, превращения звуков и подновления понятий, лежавших в словах, исходный смысл древних речений становился

все темнее и загадочнее, и начинался неизбежный процесс мифических обольщений, которые тем крепче опутывали ум человека, что действовали на него неотразимыми убеждениями родного слова. Светила небесные уже не только в переносном, поэтическом смысле именуются «очами неба», но в самом деле представляются народному уму под этим живым образом, и отсюда возникают мифы о тысячеглазом, неусыпном ночном страже Аргусе и одноглазом божестве солнца; извивистая молния является огненным змеем, быстролетные ветры наделяются крыльями, владыка летних гроз – огненными стрелами. Смотря на громоносную тучу, народ уже не усматривал в ней Перуновой колесницы, хотя и продолжал рассказывать о воздушных поездах бога-громовника и верил, что у него действительно есть чудесная колесница. Там, где для одного естественного явления существовали два, три и более названий, каждое из этих имен давало обыкновенно повод к созданию особенного, отдельного мифического лица, и обо всех этих лицах повторялись совершенно тождественные истории – так, напри-

мер, у греков рядом с Фебом находим Гелиоса.

Ничто так не мешает правильному объяснению мифов, как стремление систематизировать, желание подвести разнородные предания и поверья под отвлеченную философскую мерку, чем по преимуществу страдали прежние, ныне уже отжившие методы мифотолкования. Не имея прочных опор, руководясь только собственной, ничем не сдержанной догадкой, ученые, под влиянием присущей человеку потребности уловить в бессвязных и загадочных фактах сокровенный смысл и порядок, объясняли мифы каждый по своему личному разумению; одна система сменяла другую, каждое новое философское учение рождало и новое толкование старинных сказаний, и все эти системы, все эти толкования так же быстро падали, как и возникали. Миф есть древнейшая поэзия, и, как свободны и разнообразны могут быть поэтические воззрения народа на мир, так же свободны и разнообразны и создания его фантазии.

Следя за происхождением мифов, за их исходным, первоначальным значением, исследователь постоянно должен иметь в виду и

их дальнейшую судьбу. В историческом развитии своем мифы подвергаются значительной переработке. Каждое явление природы, при богатстве старинных метафорических обозначений, могло изображаться в чрезвычайно разнообразных формах; формы эти не везде одинаково удерживались в народной памяти: в разных ветвях населения выказывалось преимущественное сочувствие к тому или другому сказанию, которое и хранилось как святыня, тогда как другие сказания забывались и вымирали. Что было забываемо одною отраслью племени, то могло уцелеть у другой, и наоборот, что продолжало жить там, то могло утратиться здесь. Те поэтические образы, в каких рисовала народная фантазия могучие стихии и их влияние на природу, почти исключительно были заимствуемы из того, что окружало человека, что по тому самому было для него и ближе и доступнее; из собственной житейской обстановки брал он свои наглядные уподобления и заставлял божественные существа творить то же на небе, что делал сам на земле. Но как скоро утрачено было настоящее значение метафо-

рического языка, старинные мифы стали пониматься буквально, и боги мало-помалу унизились до человеческих нужд, забот и увлечений и с высоты воздушных пространств стали низводиться на землю, на это широкое поприще народных подвигов и занятий. Шумные битвы их во время грозы сменились участием в людских войнах; ковка молниеносных стрел, весенний выгон дождевых облаков, уподобляемых дойным коровам, борозды, проводимые в тучах громами и вихрями, и рассыпание плодоносного семени = дождя заставили видеть в них кузнецов, пастухов и пахарей; облачные сады и горы и дождевые потоки, вблизи которых обитали небесные боги и творили свои славные деяния, были приняты за обыкновенные земные леса, скалы и источники, и к этим последним прикрепляются народом его древние мифические сказания.

Каждая отдельная часть племени привязывает мифы к своим ближайшим урочищам и чрез то налагает на них местный отпечаток. Низведенные на землю, поставленные в условия человеческого быта, воинственные боги

утрачивают свою недоступность, нисходят на степень героев и смешиваются с давно усопшими историческими личностями. Миф и история сливаются в народном сознании; события, о которых повествует последняя, вставляются в рамки, созданные первым; поэтическое предание получает историческую окраску, и мифический узел затягивается еще крепче.

С развитием народной жизни, когда в отдельных ветвях населения обнаруживается стремление сплотиться воедино, необходимо возникают государственные центры, которые вместе с тем делаются и средоточиями духовной жизни; сюда-то приносится все разнообразие мифических сказаний, выработанных в различных местностях; несходства и противоречия их бросаются в глаза, и рождается естественное желание примирить все замеченные несогласия. Принимая указания мифов за свидетельства о действительной жизни богов и их творческой деятельности и стараясь по возможности устранить все сомнительное, они из многих однородных редакций выбирают одну, которая наиболее соот-

ветствует требованиям современной нравственности и логики; избранные предания они приводят в хронологическую последовательность и связывают их в стройное учение о происхождении мира, его кончине и судьбах богов. Так возникает канон, устрояющий царство бессмертных и определяющий узаконенную форму верований. Между богами устанавливается иерархический порядок; они делятся на высших и низших; самое общество их организуется по образцу человеческого, государственного союза, и во главе его становится верховный владыка с полной царственной властью.

Итак, зерно, из которого вырастает мифическое сказание, кроется в первоизданном слове; там, следовательно, и ключ в разгадке басни, но чтобы воспользоваться им, необходимо пособие сравнительной филологии. Так называемые индоевропейские языки, к отделу которых принадлежат и наречия славянские, суть только разнообразные видоизменения одного древнейшего языка, который был для них тем же, чем позднее для наречий романских был язык латинский, с тою, однако

ж, разницей, что в такую раннюю эпоху не было литературы, чтобы сохранить нам какие-нибудь остатки этого праязыка. Племя, которое говорило на этом древнейшем языке, называло себя ариями, и от него-то, как многоплодные отрасли от родоначального ствола, произошли народы, населяющие почти всю Европу и значительную часть Азии. Каждый из новообразовавшихся языков, развиваясь исторически, многое терял из своих первичных богатств, но многое и удерживал, как залог своего родства с прочими арийскими языками, как живое свидетельство их былого единства.

Хотя наука и далека еще от тех окончательных выводов, на которые имеет несомненное право, тем не менее, сделано много. Тщательный разбор слов, происхождение которых относится к арийскому периоду, свидетельствует, что племя, гением которого они созданы, обладало языком вполне образовавшимся и чрезвычайно богатым, что оно вело жизнь наполовину пастушескую, кочевую, наполовину земледельческую, оседлую, что у него были прочные семейные и обществен-

ные связи и известная степень культуры: оно умело строить села, города, пролагать дороги, делать лодки, готовить хлеб и опьяняющие напитки, знало употребление металлов и оружия, знакомо было с некоторыми ремеслами; из зверей – бык, корова, лошадь, овца, свинья и собака, из птиц – гусь, петух и курица уже были одомашнены. Большая часть мифических представлений индоевропейских народов восходит к отдаленному времени ариев; выделяясь из общей массы родоначального племени и расселяясь по дальним землям, народы, вместе с богато выработанным словом, уносили с собой и самые воззрения и верования.

Летописные свидетельства о дохристианском быте славян слишком незначительны, и, ограничиваясь ими, мы никогда не узнали бы родной старины, тогда как указанные источники дают возможность начертить довольно полную и верную ее картину. Поэтому считаем небесполезным предпослать несколько кратких заметок о памятниках народной литературы, свидетельствами которых придется нам постоянно пользоваться.

1. Загадка. Народные загадки сохранили для нас обломки старинного метафорического языка. Вся трудность и вся сущность загадки именно в том и заключается, что один предмет она старается изобразить чрез посредство другого, какой-нибудь стороною аналогического с первым. Кажущееся бессмыслие многих загадок удивляет нас только потому, что мы не постигаем, что мог найти народ сходного между различными предметами, по видимому столь непохожими друг на друга; но как скоро поймем это уловленное народом сходство, то не будет ни странности, ни бессмыслия. Приведем несколько примеров: «черненька собачка, свернувшись, лежит: ни лает, ни кусает, а в дом не пускает» (замок); «лежит баран – не столько шерсти на нем, сколько ран» (колода, на которой дрова рубят), «в хлеву у быка копыта на рогах, а хвост на дворе у бабы в руках» (ухват с горшком); «сивая кобыла по полю ходила, к нам пришла – по рукам пошла» (сито); «сквозь лошадь и корову свиньи лен волокут» (тачать сапоги).

Так как происхождение загадок тесно свя-

зано с образованием метафорического языка, то понятно, какой важный материал представляют они для наследований мифологических, и особенно те из них, которые наименее доступны непосредственному пониманию, а требуют для своего разъяснения ученого анализа. В них запечатлел народ свои старинные воззрения на мир божий: смелые вопросы, заданные пытливым умом человека о могучих силах природы, выразились именно в этой форме. Такое близкое отношение загадки к мифу придало ей значение таинственного ведения, священной мудрости, доступной преимущественно существам божественным. У греков задает загадки чудовищный сфинкс; в скандинавской Эдде боги и великаны состязаются в мудрости, задавая друг другу загадки мифического содержания, и побежденный должен платить своей головою. Славянские предания загадыванье загадок приписывают Бабе-яге, русалкам и вилам; как лужицкая полудница наказывает смертью того, кто не сумеет отвечать на ее мудреные вопросы, так и наши русалки готовы зачекотать всякого, кто не разрешит заданной ими загадки. Отве-

ты древних оракулов, поучения кельтских друидов, предсказания вещей людей обыкновенно облекались в этот таинственный язык и в кратких изречениях ходили в народе, как выражения высшего разума и правдивого взгляда на жизнь и природу. Хитрое припира-ние загадками составляет любимый эпиче-ский прием у всех младенческих народов; на нем основаны многие произведения старин-ной книжной литературы, народные сказки, песни и знаменитый стих о Голубиной книге, исполненный любопытных космогонических преданий.

2. **Пословицы, поговорки, присловья, прибаутки** мало представляют осязательных намеков на языческие верования; но они важны как выразительные, меткие, по самой форме своей наименее подверженные иска-жению образцы устной народной речи и как памятники издавна сложившихся воззрений на жизнь и ее условия. Пословицы и поговор-ки сливаются со всеми другими краткими из-речениями народной опытности или суеве-рия, как-то: клятвами, приметам, истолкова-ниями сновидений и врачебными наставле-

ниями. Эти отрывочные, нередко утратившие всякий смысл изречения примыкают к общей сумме стародавних преданий и в связи с ними служат необходимым пособием при объяснении различных мифов.

Примета всегда указывает на какое-нибудь соотношение, большею частью уже непонятное для народа, между двумя явлениями мира физического или нравственного, из которых одно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего, долженствующего сбыться в скором времени. Главным образом приметы распадаются на два разряда:

а) во-первых, приметы, выведенные из действительных наблюдений. По самому характеру первоначального быта пастушеско-земледельческого, человек всецело отдавался матери-природе, от которой зависело все его благосостояние, все средства его жизни. Понятно, с каким усиленным вниманием должен был он следить за ее разнообразными явлениями, с какою неустанною заботливостью должен был всматриваться в движение небесных светил, их блеск и потухание, в

цвет зари и облаков, прислушиваться к ударам грома и дуновению ветров, замечать вскрытие рек, распускание и цветение деревьев, прилет и отлет птиц, и проч. и проч. Не зная естественных законов, народ не мог понять, почему известные причины вызывают всегда известные последствия; он видел только, что между различными явлениями и предметами существует какая-то таинственная близость, и результаты своих наблюдений, своей впечатлительности выразил в тех кратких изречениях, которые так незаметно переходят в пословицы и так легко удерживаются памятью. Приметы эти более или менее верны, смотря по степени верности самых наблюдений, и многие из них превосходно обрисовывают быт поселянина. Приведем несколько примеров: если в то время, когда пашут землю, подымается пыль и садится на плечи пахаря, то надо ожидать урожайного года, т. е. земля рыхла и зерну будет привольно в мягком ложе. Частые северные сияния предвещают морозы; луна бледна – к дождю, светла – к хорошей погоде, красновата – к ветру; огонь в печи красен – к морозу, бледен – к

оттепели; если дым стелется по земле, то зимою будет оттепель, летом – дождь, а если подымается вверх столбом – это знак ясной погоды летом и мороза зимою: большая или меньшая яркость северных сияний, цвет луны и огня и направление дыма определяются степенью сухости и влажности воздуха, отчего зависят также и ясная погода или ненастье, морозы или оттепель, на том же основании падение туманов на землю сулит непогоду, а туманы, подымающиеся кверху, предвещают вёдро. Если зажженная лучина трещит и мечет искры – ожидай ненастья, т. е. воздух влажен и дерево отсырело;

б) но, сверх того, есть множество примет суеверных, в основании которых лежит не опыт, а мифическое представление, так как в глазах язычника – под влиянием старинных метафорических выражений – все получало свой особенный, сокровенный смысл. Между этими приметами, на которые наталкивали человека его верования и самый язык, и приметами, порожденными знакомством с природою, таится самая тесная связь. Древнейшее язычество состояло в обожании природы,

и первые познания об ней человека были вместе и его религией; поэтому действительные наблюдения часто до того сливаются в народных приметах с мифическими воззрениями, что довольно трудно определить, что именно следует признать здесь за первоначальный источник. Многие приметы, например, вызваны, по-видимому, наблюдением над нравами, привычками и свойствами домашних и других животных. Народы пастушеские и звероловные, обращаясь постоянно с миром животных, не могли не обратить внимания на эти признаки и должны были составить из них для себя практические приметы. Но с другой стороны, если взять в соображение ту важную роль, какую играют в мифологии зооморфические олицетворения светил, бури, ветров и громовых туч, то сам собою возникает вопрос: не явились ли означенные приметы плодом этих баснословных представлений? О некоторых приметах, соединяемых с птицами и зверями, положительно можно сказать, что они нимало не соответствуют настоящим привычкам и свойствам животных, а между тем легко объясня-

ются из мифических сближений, порожденных старинным метафорическим языком; так, например, рыжая корова, идущая вечером впереди стада, предвещает ясную погоду на следующий день, а черная – ненастье.

В важных случаях жизни, когда народ или отдельные лица нуждались в указаниях свыше, вещи люди приступали к религиозным обрядам: возжигали огонь, творили молитвы и возлияния, приносили жертву и по ее внутренностям, по виду и голосу жертвенного животного, по пламени огня и по направлению дыма заключали о будущем или выводили посвященных богам животных и делали заключения по их поступи, ржанию или мычанию; точно так же полет нарочно выпущенных священных птиц, их крик, принятие и непринятие корма служили предвестиями успеха или неудачи, счастья или беды. Совершалось и множество других обрядов, с целью вызвать таинственные знамения грядущих событий. Подобно тому как старинное метафорическое выражение обратилось в загадку, так эти религиозные обряды перешли в народные гадания и ворожбу. Сюда же относим

мы и сновидения: это та же примета, только усмотренная не наяву, а во сне; метафорический язык загадок, примет и сновидений один и тот же. Сон был олицетворяем язычниками, как существо божественное, и все виденное во сне почиталось внушением самих богов, намеком на что-то неведомое, чему суждено сбыться. Поэтому сны нужно разгадывать, т. е. выражения метафорические переводить на простой, общепонятный язык. Чтобы нагляднее показать то важное влияние, какое имели на создание примет, гаданий, снотолкований и вообще поверий язык и склонность народного ума во всем находить аналогию, мы приведем несколько примеров.

Не должно кормить ребенка рыбою, прежде нежели минет ему год; в противном случае он долго не станет говорить: так как рыба нема, то суеверие связало с рыбною пищею представление о долгой немоте ребенка.

Не должно есть с ножа, чтобы не сделаться злым – по связи понятий убийства, резни и кровопролития с острым ножом.

Если при весеннем разливе лед не тронет-

ся с места, а упадет на дно реки или озера, то год будет тяжелый; от тяжести потонувшего льда поселяне заключают о тяжелом влиянии грядущего лета: будет или неурожай, бескормица, или большая смертность в стадах, или другая беда. Вообще падение сулит несчастье, так как слово «падать», кроме своего обыкновенного значения, употребляется еще в смысле умереть: падеж скота, падаль. Если упадет со стены образ – это служит знаком, что кто-нибудь умрет в доме.

На святой неделе стелят на лавку полотенце, на которое ставятся принесенные из церкви образа; по окончании обычного молитвословия хозяйка просит священника вскинуть это полотенце на крышу избы, чтобы лен родился долгий (высокий); если полотенце не скатится с крыши, то лен уродится хороший. В Германии, при посеве льна, хозяйка взлезает на стол и прыгает на пол: «So hoch sie niedersprang, so hoch sollte der Flachs wachsen». У литовцев на празднике, после уборки хлеба, рослая девушка становилась на скамью на одной ноге и, поднявши левую руку вверх, призывала бога Вайсганта: «Возрасти нам такой

же длинный лен, как высока я теперь, чтобы мы не ходили голые!» За недобрую приметку почиталось, если бы она пошатнулась при этом обряде.

В случае пореза обмакивают белую ветошку в кровь и просушивают у печки: как высыхает тряпица, так засохнет, т. е. затянется, и самая рана. Сушить ветошку надо слегка, не на сильном огне, а то рана еще пуще разболится. В былое время даже врачи не советовали тотчас после кровопускания ставить кровь на печку или лежанку, думая, что от этого может усилиться в больном внутренний жар, воспаление.

Когда невеста моется перед свадьбою в бане и будут в печи головешки, то не следует бить их кочергою, не то молодой муж будет бить свою суженую. Для пояснения этой приметы прибавим, что пламя очага издревле принималось за эмблему домашнего быта и семейного счастья. Подружки раздевают невесту, моют и парят ее, избегая всякого шума и приговаривая: «Как тихо моется раба Божия (такая-то), так да будет тиха ее жизнь замужняя!» В Литве думают, что вымытые детские

пеленки не должно катать на скалке, а потихоньку перетирать в руках, чтобы не мучили ребенка желудочные боли.

Два человека столкнутся нечаянно головами – знак, что им жить вместе, думать заодно (Воронежская губерния). Принимая часть за целое, народные приметы соединяют с волосами представление о голове: не должно остриженных волос жечь или кидать зря, как попало – от этого приключается головная боль. Крестьяне собирают свои остриженные волосы, свертывают вместе и затыкают под стреху или в тын. Чьи волосы унесет птица в свое гнездо, у того будет колтун, т. е. волосы на голове собьются так же плотно, как в птичьем гнезде. Вместе с тем волосы сделались эмблемою мысли, думы и самого характера человека.

Нога, которая приближает человека к предмету его желаний, обувь, которою он при этом ступает, и след, оставляемый им на дороге, играют весьма значительную роль в народной символике. Понятиями движения, поступи, следования определялись все нравственные действия человека; мы привыкли

называть эти действия поступками, привыкли говорить: войти в сделку, вступить в договор, следовать советам старших, т. е. как бы идти по их следам; отец ведет за собою детей, муж – жену, которая древле даже называлась водимою, и, смотря по тому, как они шествуют за своими вожатыми, составляется приговор о их поведении; нарушение уставов называем проступком, преступлением, потому что соединяем с ним идею соращения с настоящей дороги и переступания законных границ: кто не следует общепринятым обычаям, тот человек беспутный, непутевый, заблуждающийся; сбившись с дороги, он осужден блуждать по сторонам, идти не прямым, а окольным путем. Выражение «перейти кому дорогу» до сих пор употребляется в смысле: повредить чьему-либо успеху, заградить путь к достижению задуманной цели. Отсюда примета, что тому, кто отправляется из дому, не должно переходить дороги; если же это случится, то не жди добра. Может быть, здесь кроется основа поверья, по которому перекрестки (там, где одна дорога пересекает другую) почитаются за места опасные, за посто-

янные сборища нечистых духов. В тот день, когда уезжает кто-нибудь из родичей, поселяне не метут избы, чтобы не замести ему следа, по которому бы мог он снова воротиться под родную кровлю. Как метель и вихри, заметая проложенные следы и ломая поставленные вехи, заставляют плутать дорожных людей, так стали думать, что, уничтожая в доме следы отъехавшего родича, можно помешать его возврату. По стародавнему верованию, колдун может творить чары «на след»; «повредить или уничтожить след» означало метафорически: отнять у человека возможность движения, сбить его с ног, заставить слечь в постель.

И на Руси, и в Германии чара эта совершается одинаково: колдун снимает широким ножом след своего противника, т. е. вырезывает землю или дерн, на котором стояла его нога, и вырезанный ком сжигает в печи или вешает в дымовой трубе: как сохнет дерн и земля, так высохнет = исчахнет и тот несчастный, на чей след творится чара; лошадь, по немецкому поверью, может охрометь, если воткнуть гвоздь в ее свежий след. Литовцы вынутый

след зарывали на кладбище и верили, что человек ради этого должен умереть в скором времени, т. е. отправиться по своему следу в жилище усопших. На Руси мать завязывает дочери глаза, водит ее взад и вперед по избе и затем пускает идти, куда хочет. Если случай приведет девушку в большой угол или к дверям – это служит знаком близкого замужества, а если к печке – то оставаться ей дома, под защитою родного очага. Большой угол потому предвещает свадьбу, что там стоят иконы и оттуда достается образ, которым благословляют жениха и невесту. Сваха, являясь с предложением к родителям невесты, старается усесться на лавку так, чтобы половица из-под ее ног шла прямо к двери, – думают, что это содействует успеху дела, что родители согласятся выдать невесту. Кто, выходя из дому, зацепится в дверях или споткнется на пороге, о том думают, что его что-то задерживает, притягивает к этому дому, и потому ожидают его скорого возврата. Любопытна еще следующая примета: перед поездом к венцу невеста, желающая, чтобы сестры ее поскорее вышли замуж, должна потянуть за скатерть, которою

покрыт стол. Метафорический язык уподобляет дорогу разостланному холсту; еще доньше говорится: полотно дороги. Когда кто-нибудь из членов семейства уезжает из дому, то остающиеся на месте махают ему платками, чтобы «путь ему лежал скатертью» – был бы и ровен, и гладок. «Потянуть скатерть» означает, следовательно, потянуть за собою в дорогу и других родичей. Подобные представления должны были заявить себя и в юридической обстановке быта. По древнегерманскому праву, слуга, переходя во власть нового господина, и невеста, вступающая в брачный союз, обязаны были «in den Schuh des Gebieters treten» – в ознаменование того, что они будут шествовать одною с ним жизненною дорогою, ходить вслед за ним, т. е. покоряться его воле и с нею сообразовать свои поступки. Я. Grimm указывает на обряд, в силу которого кающийся в грехах наступал на правую ногу исповедника, изъявляя тем свою готовность идти по его праведным стопам У нас замечают: кто из молодой четы – жених или невеста – вступит во время венчания прежде на разостланный плат, тот и будет властвовать в

доме; здесь как бы решается вопрос, кто из новобрачных за кем будет следовать по жизненному пути. О мужьях, послушных женам, говорится, что они «под башмаком», «под туфлю».

Если чешутся глаза – придется плакать, если лоб – кланяться с приезжим, губы – кушать гостинец, ладонь – считать деньги, ноги – отправляться в дорогу, нос – слышать о новорожденном или покойнике; понятия «слуха» и «чутья» отождествляются в языке: малоросское чую – слышу, наоборот, великорусы говорят: «слышу запах»; у кого горят уши – того где-нибудь хулят или хвалят, т. е. придется ему услышать о себе худую или хорошую молву.

Вместе с одеждою снимается и самая хворь, и вместе с нею передается она другому. Страдающий куриною слепотою идет на перекресток, садится наземь и притворяется, будто ищет чего-то. На вопрос прохожего «Что ищешь?» должно отвечать: «Что найду, то тебе отдам!» – и при этих словах утереть глаза рукою и махнуть на любопытного; этого достаточно, чтобы болезнь оставила одного и

перешла на другого.

Если мертвец лежит с открытыми глазами, если гроб для покойника сделан велик, если западет могила, т. е. образуется в ней яма, – все эти приметы служат предвещанием, что вскоре еще кто-нибудь умрет в семье. Об открытых глазах покойника думают, что они высматривают, кого бы увести с собой на тот свет, и потому на Руси и в Литве закрывают умершему веки и накладывают на них медные монеты; гроб велик – значит, есть еще место для другого покойника, а яма в могиле – знак, что она требует новой жертвы; крестьяне, как только заметят, что могила запада, тотчас же засыпают ее снова и заравнивают.

Если муж бьет жену, то надо положить под мертвеца осколок того орудия, которым он дрался, и тогда он делается кротким (Калужская губерния): злоба его скончается. Если муж распутен, то жена должна взять с какой-нибудь могилы щепоть земли, всыпать ее в напиток и попотчевать мужа: распутство в нем замрет навсегда. Кто прикасался к мертвому, тот не должен сеять: зерно замрет в его

руках и не даст всходов. Мыло, которым обмывали покойника, называется у знахарей мертвым; этим мылом они очерчивают у человека, пораженного сибирской язвой, больные места; натирают им шнуры, из которых делаются петли для ловли зайцев; намазывают капканы, приготовляемые на волков и других зверей. Смысл тот, что действием «мертвого мыла» сибирская язва замирает = уничтожается, а петли и капканы приобретают мертвящую силу: попавшийся зверь уже не вырвется!

3. Заговоры суть обломки древних языческих молитв и заклинаний и потому представляют один из наиболее важных и интересных материалов для исследователя доисторической старины. В них встречаем мы много странного, загадочного, необъяснимого с первого взгляда, что близорукие любители народности привыкли принимать за бесполезный хлам, но что при более серьезной критике оказывается отголосками поэтических воззрений глубочайшей древности. Они непригодны для забавы и, как памятники вещего, чародейного слова, вмещают в себе

страшную силу, которую не следует пытаться без крайней нужды, иначе наживешь беду. Заговоры поэтому вышли из общего употребления и составили предмет тайного ведения знахарей, колдунов, лекарок и ворожеек; к ним и обращается народ в тех случаях, когда необходимо прибегнуть к помощи старинных заклятий. Могучая сила заговоров заключается именно в известных эпических выражениях, в издревле узаконенных формулах; как скоро позабыты или изменены формулы – заклятие недействительно.

4. Из отдела **народных лирических песен** для исследователя старины особенно важны обрядовые, названные так потому, что ими сопровождаются семейные и праздничные обряды. Это песни свадебные, похоронные заплачки и причитания, колядки, веснянки, троицкие, купальские и т. п. Они служат необходимым пояснением различных церемоний и игрищ, совершаемых в том или другом случае, и сохраняют любопытные указания на старинные верования и давно отживший быт. Основа их – древнее мифическое сказание, и если станем ближе в них всмат-

риваться и сличать их вариации, живущие там и здесь у народов родственных, то непременно убедимся, что влияние христианства и дальнейшей исторической жизни коснулось только имен и обстановки, а не самого содержания: вместо мифических героев подставлены исторические личности или святые угодники, вместо демонических сил – названия враждебных народов да в некоторых местах прибавлены позднейшие бытовые черты.

Неразлучным товарищем эпической песни были у славян гусли, до сих пор составляющие необходимую принадлежность почти каждого дома в гористых местах Сербии, Боснии, Герцеговины и Черногорья; у малороссиан для этого служит бандура. Старинные поэтические сказания возглашались под звуки музыкальных инструментов; размер стихов и напев постоянно оставались неизменными, а чуткость уха, любовь к мелодии заставляли дорожить каждым словом.

Народные эпические герои – прежде чем низошли до человека, его страстей, горя и радостей, прежде чем явились в исторической обстановке – были олицетворениями стихий-

ных сил природы; отсюда объясняются и те громадные размеры, и та сверхъестественная сила, которые придаются им в былинах и сказках; и в этом нет ничего странного, антихудожественного: поэтический образ создавался фантазией согласно с громадностью и могуществом естественных явлений и надолго удерживал за собою их существенные признаки. Воспевая подвиги богатырей, народный эпос рассказывает, как единым взмахом меча-кладенца побивают они несчетные рати и как за единый дух выпивают чару зелена вина – в полтора ведра. Видеть в этих подробностях апофеозу грубого насилия и пьянства может только тот, кто не потрудился вникнуть в мифические основы сказаний, живописующих перед нами борьбу бога-громовника с демоническими силами дожденосных туч. Как в Ведах Индра, а в Эдде Тор, богатыри наши поражают враждебные рати несокрушимым мечом-молнией и не в меру упиваются дождем, который метафорически назывался медом и вином. На древние мифические основы сказаний и у славян, как у всех других народов, историческая жизнь накладывает

свое клеймо.

Народные духовные песни, известные на Руси под именем стихов, могут дать полезные указания для разъяснения мифов, так как мотивы христианские более или менее сливаются в них с древнеязыческими. Откуда бы ни были принесены к нам апокрифические сочинения – из Византии или Болгарии, – суеверные подробности, примешанные ими к библейским сказаниям, большею частью коренятся в глубочайшей древности, в воззрениях арийского племени, и потому должны были найти для себя родственный отголосок в преданиях нашего народа. Этим объясняется и то особенное сочувствие, какое издавна питал народ к статьям «отреченным»: они были для него доступнее, ближе, не шли вразрез с его верованиями и действовали на его воображение знакомыми ему образами. Из числа духовных песен, сбереженных русским народом, наиболее важное значение принадлежит стиху о Голубиной книге, в котором что ни строка – то драгоценный намек на древнее мифическое представление. Некоторые из преданий, занесенных в означенный

стих, встречаются в старинных болгарских рукописях апокрифического характера, появившихся на Руси после принятия христианства; не заключать отсюда, что предания эти чужды были русским славянам и проникли к ним только чрез посредство литературных памятников, было бы грубою ошибкою. Суеверные сказания, передаваемые стихом о Голубиной книге, составляют общее достояние всех индоевропейских народов, находят свое оправдание в истории языка и совершенно совпадают с древнейшими мифами индусов и с показаниями Эдды – свидетельство в высшей степени знаменательное! Происхождение их, очевидно, относится к арийскому периоду, и рукописные памятники могли только подновить в русском народе его старинные воспоминания. Самая форма, в какой передается содержание стиха – форма вопросов или загадок, требующих разрешения, – отзывается значительною давностью.

5. До последнего времени существовал несколько странный взгляд на народные **сказки**. Правда, их охотно собирали, пользовались некоторыми сообщаемыми ими по-

дробностями, как свидетельством о древнейших верованиях, ценили живой и меткий их язык, искренность и простоту эстетического чувства; но в то же время в основе сказочных повествований и в их чудесной обстановке видели праздную игру ума и произвол фантазии, увлекая ющейся за пределы вероятности и действительности. Сказка – складка, песня – быль, говорила старая пословица, стараясь провести резкую границу между эпосом сказочным и эпосом историческим. Извращая действительный смысл этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтический обман, имеющий единою целью занять свободный досуг небывалыми и невозможными вымыслами. Что творится произволом ничем не сдержанной фантазии, то не в состоянии произвести такого полного согласия и не могло бы уцелеть в такой свежести; творчество не остановилось бы на скучном повторении одних и тех же чудес, а стало бы выдумывать новые. Доказательством служат все искусственные подделки под народные рассказы, подделки, в которых чудесное близко граничит с нелепицей и бессмыслием. И к чему

народ стал бы беречь, как драгоценное наследие старины, то, в чем сам бы видел только вздорную забаву?

Итак, сказка не пустая складка; в ней, как и вообще во всех созданиях целого народа, не могло быть и в самом деле нет ни нарочно сочиненной лжи, ни намеренного уклонения от действительного мира. Точно так же старинная песня не всегда быль; она, как уже замечено выше, большею частью переносит сказочные предания на историческую почву, связывает их с известными событиями народной жизни и прославившимися личностями и чрез то вставляет стародавнее содержание в новую рамку и придает ему значение действительно прожитой быliny. Сказка же чужда всего исторического; предметом ее повествований был не человек, не его общественные тревоги и подвиги, а разнообразные явления всей обоготворенной природы. Оттого она не знает ни определенного места, ни хронологии; действие совершается в некое время – в тридевятом царстве, в тридесятом государстве; герои ее лишены личных, исключительно им принадлежащих характери-

ческих признаков и похожи один на другого как две капли воды. Чудесное сказки есть чудесное могучих сил природы; в собственном смысле оно нисколько не выходит за пределы естественности, и если поражает нас своею невероятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь с древними преданиями и их живое понимание.

Как народная песня, так и сказка не раз обращалась к христианским представлениям и отсюда почерпала материал для новой обстановки своих древних повествований. Заимствование событий и лиц из библейской истории, самый взгляд, выработавшийся под влиянием священных книг и отчасти отразившийся в народных произведениях, придали этим последним интерес более высокий, духовный; песня обратилась в стих, сказка – в легенду. Разумеется, и в стихах, и в легендах заимствованный материал передается далеко не в должной чистоте. Это, во-первых, потому, что источниками, из которых брал народ данные для своих легендарных сказаний, были по преимуществу сочинения апокрифиче-

ские, составлявшие его любимое чтение; а во-вторых, – потому, что новые христианские черты, налагаемые на старое, давно созданное содержание, должны были подчиняться требованиям народной фантазии и согласоваться с преданьями и поверьями, уцелевшими от эпохи доисторической.

Свет и тьма

Языческие представления имеют свою историю; они создаются не вдруг, а постепенно – вместе с поступательным движением народной жизни, с медленным усвоением уму и памяти внешних явлений природы. Отделив себя от остального мира, человек увидел всю свою слабость и ничтожность пред тою неодолимою силою, которая заставляла его испытывать свет и мрак, жар и холод, наделяла его насущною пищею или карала голодом, посылала ему и беды и радости. Природа являлась то нежною матерью, готовою вскормить земных обитателей своею грудью, то злою мачехой, которая вместо хлеба подает твердый камень, и в обоих случаях всеильною властительницею, требующею полного и безотчетного подчинения. Поставленный в совершенную зависимость от внешних влияний, человек признал ее за высочайшую волю за нечто божественное и повергся перед нею с смиренным младенческим благоговением.

Всякое явление, созерцаемое в природе, де-

далось понятным и доступным человеку только чрез сближение с своими собственными ощущениями и действиями, и как эти последние были выражением его воли, то отсюда он естественно должен был заключить о бытии другой воли (подобной – человеческой), кроющейся в силах природы. Иной образ мышления, который мог бы указать ему в природе те бездушные стихии, какие мы видим в ней, был невозможен, ибо требует для себя уже готового отвлеченного языка, который бы не властвовал над фантазией, а был бы покорным орудием в устах человека.

На сущность мысли наших доисторических предков язык оказывал чарующее влияние; для них достаточно было, следуя замеченному сходству явлений, сказать: «буря воет», «солнце восходит», как тотчас же возникали в мыслях и те орудия, при посредстве которых совершаются подобные действия человеком и другими животными. Следовательно, при самом начале творческого создания языка силам природы уже придавался личный характер. Чтобы лишить природу ее живого, одушевленного характера, чтобы в быстроне-

сущихся облаках видеть одни туманные испарения, а в разящей молнии – электрические искры, нужно насилие ума над самим собою, необходима привычка к рефлексии, а следовательно, до известной степени искусственное образование. Потому-то и дитя и простолюдин не способны к отвлеченному созерцанию, мыслят и выражаются в наглядных пластических образах. Ушибется ли ребенок о какую-нибудь вещь, в уме его тотчас же возникает убеждение, что она нанесла ему удар, и он готов отплатить ей тем же; катящийся с пригорка камень кажется ему убегающим, журчание ручья, шелест листьев, плеск волны – их говором.

Человек невольно переносил на божественные стихии формы своего собственного тела или знакомых ему животных, разумеется, формы более совершенные, идеальные, соответственно действительному могуществу стихий. Понятно, что в воззрениях древнейшего народа не могло быть и не было строгого различия между побуждениями и свойствами человеческими и приписанными остальной природе; в его мифах и сказаниях

вся природа является исполненной разумной жизни, наделенною высшими духовными дарами: умом, чувством и словом; к ней обращается он и с своими радостями, и с своим горем и страданиями и всегда находит сочувственный отзыв. В шепоте древесных листьев, свисте ветра, плеске волн, шуме водопада, треске распадающихся скал, жужжании насекомых, крике и пении птиц, реве и мычании животных – в каждом звуке, раздающемся в природе, поселяне думают слышать таинственный разговор, выражения страданий или угроз, смысл которых доступен только чародейному знанию вещей людей.

Противоположность света и тьмы, тепла и холода, весенней жизни и зимнего омертвения – вот что особенно должно было поразить наблюдающий ум человека. Чудная, роскошная жизнь природы, громко звучащая в миллионах разнообразных голосов и стремительно развивающаяся в бесчисленных формах, обуславливается силою света и тепла; без нее все замирает. Подобно другим народам, наши праотцы обоготворили небо, полагая там ее

вечное царство, ибо с неба падают солнечные лучи, оттуда блистают и луна и звезды и проливается плодотворящий дождь. В большей части языков слова, означающие небо, в то же время служат и названиями бога. В наших заговорах слышатся такие молитвенные обращения: «ты, Небо, слышишь! ты, Небо, видишь!» Во всех религиях небо – жилище божества, его седалище, престол, а земля – подножие. Галицкая пословица говорит: «Знает (или: бачить) Бог с неба, що кому треба»; а русские поговорки утверждают, что «до Бога высоко» и «который Бог замочит (дождем), тот и высушит (солнцем)»; в народной песне встречаем следующее выражение: «А ему як богови, що живе высоко на небе!» Народная фантазия, создавшая для разнообразных явлений, связанных с небом, различные поэтические олицетворения, представляла их и в едином, нераздельном образе. Варуна, божество неба, по индийским преданиям, устроляет свет и времена, выводит в путь солнце и звезды; солнце – его глаз, а ветер, колеблющий воздух, – его дыхание. По литовскому преданию, божество это олицетворялось в женском об-

разе королевы Каралуни. Каралуни – богиня света, юная, прекрасная дева; голову ее венчает солнце; она носит плащ, усеянный звездами и застегнутый на правом плече месяцем; утренняя заря – ее улыбка, дождь – ее слезы, падающие на землю алмазами. По указаниям, сохраненным для нас в высшей степени любопытным стихом о Голубиной книге, такое воззрение, общее всем индоевропейским народам, не чуждо и славянам: солнце красное (читаем в этом стихе) от лица божьего, млад светел месяц от груди божиих, звезды частые от риз божиих, зори белые от очей господних, ночи темные от опашня Всевышнего, ветры буйные от его дыхания, громы от его глаголов, дробен дождик и росы от его слез. По другим свидетельствам, светила суть очи небесного божества, молнии – его огненные стрелы, оружие, которым оно разит демонов, облака и тучи – его кудри или облекающая его одежда. Народ до сих пор повторяет, что «небо – нетленная риза господня».

У славян отец-Небо получил название Сварога: он верховный владыка Вселенной, родоначальник прочих светлых богов, прабог.

Подмечая различные проявления элемента тепла и света, анализируя их, ум человеческий должен был раздробить блестящее, светлое небо и присущие ему атрибуты на отдельные божественные силы. Такое деление, вносимое познающую способностью, не противоречило поэтическому чувству, которое стремится облекать все в живые образы. Дело ума поэтически выразилось в естественной форме рождения новых богов от Сварога. В Ипатьевской летописи находим вставку из греческой хроники Малалы, где Гелиос переводится Даждьбогом: «...и после (после Сварога) царствовал сын его именем Солнце, его же наричють Даждьбог... Солнце-царь, сын Сварогов, еже есть Даждьбог, бе бо мужь силен». Даждьбог, упоминаемый Нестором, Словом о полку и другими памятниками в числе славянских богов, есть, следовательно, солнце, сын неба, подобно тому как Аполлон почитался сыном Зевса; сербская песня называет солнце – чадом божиим. Слово «даждь» есть прилагательное от даг (готск. *dags*, нем., *tag*, санскр. *ahan* вместо *dahan*) – день, свет, родственного с санскр. корнем *dah* – жечь и литовск. глаго-

лом degu – горю. Другой сын Сварога-неба был огонь = молния (Агни=Индра), о котором выражается неизвестный христолюбец: «Погневи молятся, зовут его Сварожичем». На новых богов, рожденных отцом-Небом, переносятся его различные атрибуты и признаки; вместе с этим им присвоается и владычество над миром; Сварог, по древнему сказанию, предается покою, предоставляя творчество и управление вселенною своим детям.

Обожание солнца славянами засвидетельствовано многими преданиями и памятниками. Исчезающее вечером, как бы одолеваемое рукою смерти, оно постоянно каждое утро снова является во всем блеске и торжественном величии, что и возбудило мысль о солнце как о существе неувядаемом, бессмертном, божественном. Как светило вечно чистое, ослепительное в своем сиянии, пробуждающее земную жизнь, солнце почиталось божеством благим, милосердым; имя его сделалось синонимом счастья. Галицкая поговорка: «И в мое оконце засветить сонце» («Колись и на нас сонечко гляне»), русская: «Взойдет солнце и к нам на двор» (*вар.* «Придет солнышко и к

нашим окошечкам»), польская: «Bedzie i przed naszymi wrotami sfonce», сербская: «Doh'lie sunce и пред наша врата», хорватские: «Razswetii se sonce i na wratich mojich», «Sonce moje schaја» имеют значение: будет и на нашей стороне счастье! Напротив: «Sonce mi je pomerknelo» (*хорват.*), «pomirklo mi je sunce» (*хорват.*) значит: померкло, закатилось мое счастье. Отсюда объясняется мифическая связь солнца с судьбою, в руках которой людское счастье. Солнце – творец урожаев, подаватель пищи и потому покровитель всех бедных и сирых. Детское причитание, обращенное к солнцу, молит:

Солнушко-ведрушко!
Выглянь в окошечко.
Твои детки плачут,
Есть-пить просят.

В народных сказках к солнцу, месяцу и звездам обращаются герои в трудных случаях жизни, и божество дня, сострадая несчастью, помогает им. Вместе с этим солнце является и карателем всякого зла, т. е. по первоначальному воззрению – карателем нечистой силы мрака и холода, а потом и нравственного

зла – неправды и нечестия. С этой стороною мифического представления слилась мысль о вредоносном влиянии жаров, производящих засуху, истребляющих жатвы и влекущих за собою неурожай и моры. Губительное действие зноя приписывалось гневу раздраженного божества, наказующего смертных своими огненными стрелами = жгучими лучами. Выражение «воспылать гневом» указывает, что чувство это уподоблялось пламени. Самые названия солнца, указывающие на понятия огня, горения, порождали в уме мысль о его разрушительных свойствах: как в разведенном пламени видели пожирание горючих материалов всеистребляющим огнем (слова «гореть» и «жрать» мифологически тождественны), так нередко и солнце в народных преданиях представляется готовым пожрать тех сказочных странников, которые приходят к нему с вопросами.

В русском простонародье есть любопытное сказание о том, как некогда божество наказало за непочтение к солнцу. Это было давно, у Бога еще не было солнца на небе, и люди жили в потемках. Но вот, когда Бог выпустил из-

за пазухи солнце, дались все диву, смотрят на солнышко и ума не приложат... А пуще бабы – повынесли они решета, давай набирать света, чтобы внести в хаты да там посветить: хаты еще без окон строились. Поднимут решето к солнцу, оно будто и наберется света полным-полно, через край льется, а только что в хату – и нет ничего! А божье солнышко все выше да выше подымается, уже припекать стало. Вздурели бабы, сильно притомились за работой, хоть света и не добыли, а тут еще солнце жжет – и вышло такое окаянство: начали на солнце плевать! Бог прогневался и превратил нечестивых в камень.

Ночные светила: месяц и звезды, как обитатели небесного свода и представители священной для язычника светоносной стихии, были почитаемы в особенных божественных образах. Увидевши молодой месяц, простолюдины наши до сих пор крестятся и сопровождают этот обряд различными причитаньями на счастье и здоровье; у германцев же было в обычае преклонять колена и обнажать головы перед новорожденным месяцем. Наравне с солнцем, в заговорах находим частые обраще-

ния и к звездам и к месяцу: «Месяц ты красный! звезды вы ясныя! солнышко ты привольное! сойдите и уймите раба божьего (от запоя)»; «Месяц, ты месяц! сними мою зубную скорбь» и проч. Обоготворение светил и ожидание от них даров плодородия, ниспосылаемого небом, влекли простодушных пахарей и пастухов древнейшей эпохи к усиленным наблюдениям за ними.

Русские поселяне узнают время ночи по течению звезд, преимущественно по Большой Медведице, и создали себе много разных замечаний о погоде и урожаях по сиянию звезд и месяца: яркий свет их сулит плодородие. У германцев был обычай: отходя вечером ко сну, посылать прощальный привет звездам, с чем согласно новогреческое обыкновение: исправлять перед сном молитву не прежде, как взойдет вечерняя звезда.

В одном из русских заговоров читаем: «Встахом заутра и помолихсе Господу Богу и дьннице».

И у нас, и у немцев простолюдины, завидев падающую звезду, творят молитву, будучи убеждены, что всякое желание, выска-

занное в то короткое время, пока звезда катится, непременно исполнится. Кометы причислялись также к звездам и назывались хвостатыми звездами или зирками с метлою. Таким образом, на основании различных уподоблений световой полосы, отбрасываемой ядром кометы, язык придает ей хвост, метлу или бороду. Редкое явление комет заставило непривычный к ним народ соединять с этими хвостатыми звездами мысль о божественном предвещании грядущих бед за людские грехи и о призыве смертных к покаянию.

Солнце и Месяц были представляемы в родственной связи – или как сестра и брат, или как супруги. Форма полумесяца невольно наводила фантазию на думу о рассеченном его лике; в наших областных наречиях умягчающийся после полнолуния месяц называется перекрой (от кроить – резать). Беспрестанные изменения, замечаемые в объеме месяца, породили мысль об его изменчивом характере, о непостоянстве и неверности в любви этого обоготворенного светила, так как и нарушение супружеских обетов выражается словом «измена». В ярко-багряном диске восходяще-

го солнца видели пламенеющий гневом лик небесной царицы; чистота солнечного блеска возбуждала представление о девственной чистоте богини, выступающей на небо в пурпуровой одежде зари и в сияющем венце лучей, как богато убранная невеста. В славянских преданиях мы находим черты, вполне соответствующие литовскому сказанию. Олицетворяя солнце в женском образе, русское поверье говорит, что в декабре месяце, при повороте на лето, оно наряжается в праздничный сарафан и кокошник и едет в теплые страны; а на Иванов день (24 июня) Солнце выезжает из своего чертога на встречу к своему супругу Месяцу, пляшет и рассыпает по небу огненные лучи: этот день полного развития творческих сил летней природы представляется как бы днем брачного союза между Солнцем и Месяцем.

По народному поверью, Солнце и Месяц с первых морозных дней (с началом зимы, убивающей земное плодородие и, так сказать, расторгающей брачный союз солнца) расходятся в разные стороны и с той поры не встречаются друг с другом до самой весны; Солнце

не знает, где живет и что делает Месяц, а он ничего не ведает про Солнце. Весною же они встречаются и долго рассказывают друг другу о своем житье-бытье, где были, что видели и что делали. При этой встрече случается, что у них доходит до ссоры, которая всегда оканчивается землетрясением; наши поселяне называют Месяц гордым, задорным и обвиняют его, как зачинщика ссоры. Встречи между Солнцем и Месяцем бывают поэтому и добрые и худые: первые обозначаются ясными, светлыми днями, а последние – туманными и пасмурными. Заметим, что в весенних грозах, сопровождающих возврат солнца из дальних странствований в царстве зимы, воображению древнейших народов рисовались, с одной стороны, брачное торжество природы, поливаемой семенем дождя, а с другой – ссоры и битвы враждующих богов; в громовых раскатах, потрясающих землю, слышались то клики свадебного веселья, то воинственные призывы и брань.

Как по литовскому, так и по славянским преданиям от божественной четы Солнца и Месяца родились звезды. Малорусские коляд-

ки, изображая небесный свод великим чертогом или храмом, называют видимые на нем светила: месяц – домовладыкою, солнце – его женою, а звезды – их детками.

Солнце постоянно совершает свои обороты: озаряя землю днем, оставляет ее ночью во мраке; согревая весною и летом, покидает ее во власть холоду в осенние и зимние месяцы. Где же бывает оно ночью? – спрашивал себя древний человек, куда скрываются его животворные лучи в зимнюю половину года? Фантазия творит для него священное жилище, где божество это успокоивается после дневных трудов и где скрывает свою благодатную силу зимою. По общеславянским преданиям, сходным с литовскими и немецкими, благотворное светило дня, красное Солнце, обитает на востоке – в стране вечного лета и плодородия, откуда разносятся весною семена по всей земле; там высится его золотой дворец, оттуда выезжает оно поутру на своей светозарной колеснице, запряженной белыми, огнедышащими лошадьми, и совершает свой обычный путь по небесному своду. Подобно грекам, сербы представляют Солнце молодым и кра-

сивым юнаком; по их сказаниям, царь-Солнце живет в солнечном царстве, восседает на золотом, пурпуровом престоле, а подле него стоят две девы – Зоря Утренняя и Зоря Вечерняя, семь судей (планеты) и семь вестников, летающих по свету в образе «хвостатых звезд»; тут же и лысый дядя его – старый Месяц. В наших сказках царь-Солнце владеет двенадцатью царствами (указание на двенадцать месяцев в году или на двенадцать знаков зодиака); сам он живет в солнце, а сыновья его – в звездах; всем им прислуживают солнцевы девы, умывают их, убирают и поют им песни.

Заметим, что в свисте ветров и вое бури простодушному язычнику слышались песни духов, а в прихотливом полете облаков и в крутящихся вихрях виделись их пляски и свадебное веселье. Солнцевы девы умывают солнце и расчесывают его золотые кудри (лучи), т. е. разгоняя тучи и проливая дождь, они прочищают лик дневного светила, дают ему ясность. Тот же смысл заключается и в предании, что они метут двор месяца, т. е. размечают вихрем потемняющие его облака. Обладая

бессмертным напитком (живою водою дождя), солнцевы девы сами представляются вечно прекрасными и никогда не стареющими.

Зоря олицетворялась у славян в образе богини и называлась сестрою Солнца.

В заговорах, которые обыкновенно произносятся на восток – при восходе солнца, ее называют красною девицею: «Зоря-Зоряница, красная девица, полунощница» (т. е. рано пробуждающаяся, предшествующая дневному рассвету). Подобно богине-Солнцу, она восседает на золотом стуле, расстилает по небу свою нетленную розовую фату или ризу, и в заговорах доселе сохраняются обращенные к ней мольбы, чтоб она покрыла своею фатою от волшебных чар и враждебных покушений. Как утренние солнечные лучи прогоняют нечистую силу мрака, ночи, так верили, что богиня Зоря может прогнать всякое зло, и надеялись ее тем же победоносным оружием (огненными стрелами), с каким выступает на небо светило дня; вместе с этим ей приписывается и та творческая, плодородящая сила, какая разливается на природу восходящим

солнцем. Крестьяне выставляют семена, назначенные для посева, на три утренние зори, чтобы они дали хороший урожай. Согласно с наглядным, ежедневно повторяющимся указанием природы, миф знает двух божественных сестер – Зорю Утреннюю и Зорю Вечернюю; одна предшествует восходу солнца, другая провожает его вечером на покой, и обе таким образом постоянно находятся при светлом божестве дня и прислуживают ему. Утренняя Зоря выводит на небесный свод его белых коней, а Вечерняя принимает их, когда оно, совершивши свой дневной поезд, скрывается на западе.

Та же творческая, плодородящая сила, какую созерцал язычник в ярких лучах летнего солнца, виделась ему и в летних грозах, проливающих благодатный дождь на жаждущую землю, освежающих воздух от удушливого зноя и дающих нивам урожай. Множество разнообразных поверий, преданий и обрядов несомненно свидетельствует о древнейшем поклонении славян небесным громам и молниям. Торжественно-могучее явление грозы, несущейся в воздушных пространствах, оли-

цетворялось ими в божественном образе Перуна-Сварожича, сына прабога Неба; молнии были его оружие – меч и стрелы, радуга – его лук, тучи – одежда или борода и кудри, гром – далеко звучащее слово, глагол божий, раздающийся свыше, ветры и бури – дыхание, дожди – оплодотворяющее семя. Как творец небесного пламени, рождаемого в громах, Перун признается и богом земного огня, принесенного им с небес в дар смертным; как владыка дождевых облаков, издревле уподоблявшихся водным источникам, получает название бога морей и рек, а как верховный распорядитель вихрей и бурь, сопровождающих грозу, – название бога ветров (см. ниже). Эти различные названия придавались ему первоначально, как его характеристические эпитеты, но с течением времени обратились в имена собственные; с затемнением древнейших воззрений они распались в сознании народном на отдельные божеские лица, и единый владыка грозы раздробился на богов грома и молний (Перун), огня (Сварожич), воды (Морской царь) и ветров (Стрибог). Вместе с низведением мифических представлений и сказа-

ний о небесном пламени молний на земной огонь, о дождевых потоках на земные источники само собой возникло обожание домашнего очага, рек, озер и студенцов.

В таких образах поклонялся славянин все-созидающим силам природы, которые для живого существа суть благо, добро и красота. Человеку естественно чувствовать привязанность к жизни и страх к смерти. Обоготворив, как благое, все связанное с плодородием, развитием, он должен был инстинктивно, с тревожною боязнию отступить от всего, что казалось ему противным творческому делу жизни. С закатом дневного светила на западе как бы приостанавливается вечная деятельность природы, молчаливая ночь охватывает мир, облекая его в свои темные покровы, и все погружается в крепкий сон – знамение навсегда усыпляющей смерти; с помрачением ярких лучей солнца зимними туманами и облаками начинаются стужи и морозы, небо перестает блистать молниями и посылать дожди, земная жизнь замирает и человек осуждается на тяжелые труды: он должен строить жилище, селиться у домашнего очага, заготавливать пи-

цу и теплую одежду. У первобытных племен сложилось убеждение, что мрак и холод, враждебные божествам света и тепла, творятся другою могучею силою – нечистою, злою и разрушительною. Так возник дуализм в религиозных верованиях; вначале он истекал не из нравственных требований духа человеческого, а из чисто физических условий и их различного воздействия на живые организмы; человек не имел другой мерки, кроме самого себя, своих собственных выгод и невыгод. Нравственные основы вырабатываются позднее и прикрепляются уже к готовым положениям дуализма, порожденного древнейшим воззрением на природу. Таким образом, отдаленные предки наши, круг понимания которых необходимо ограничивался внешнею, материальною стороною, все разнообразие естественных явлений разделили на две противоположные силы.

Слова, означающие свет, блеск и тепло, вместе с тем послужили и для выражения понятий блага, счастья, красоты, здоровья, богатства и плодородия; напротив, слова, означающие мрак и холод, объемлют собою поня-

тия зла, несчастия, безобразия, болезни, нищеты и неурожая. Прилагательное белый (Бел-бог) собственно значит: светлый, ясный. В заговорах упоминается бел-горюч камень алатырь; колесницу Солнца возили белые кони. Согласно с этим древним значением, с корнем бел = бил соединяется идея плодородия. Опираясь на приведенные указания языка, приходим к заключению, что Белбог должен быть тождествен с Све(я)товитом, богом дневного и весеннего (= ясного) неба; без сомнения, первоначально это были только фонетически различные, но существенно равносильные прозвания одного и того же божества. В дальнейшем ходе развития за Световитом удержано древнейшее представление владыки неба, который не только блистает солнечным светом, но и творит весенние грозы, сражаясь с темными тучами; а с именем Белбога, кажется, по преимуществу сочеталось понятие дневного света = солнца. Солнце уподоблялось блестящему венцу, короне на главе небесного бога; оно называлось царем, властителем света и дня, и подобно тому как впоследствии в народном эпосе «красное сол-

нышко» служило предикатом князю Владимиру, так в договоре Олега упоминаются светлые князи и в народе доселе говорится: белый царь, т. е. от небесного владыки эпитет переносится на земного.

Красный первоначально означало: светлый, яркий, блестящий, огненный; прилагательное это стоит в родстве с словами: крес – огонь, кресины – время летнего поворота солнца, кресник – июнь месяц, когда этот поворот совершается. Как постоянный эпитет, подновляющий коренной смысл слов, принятых за названия небесных светил и солнечного сияния, прилагательное это употребляется в следующих эпических выражениях: красное солнце, красная зоря, красный день (ясный, солнечный день называется также украсливым, хорошая погода – украсливая), красный месяц, красная весна, красное лето, Красная горка – весенний праздник, в поучении Мономаха «красный свет»; светлая, с большими окнами изба называется красною (= светлицею) и окно со стеклами, в отличие от волокового, слывет красным. В Ярославской губернии красить употребляется в смыс-

ле: светить, сиять: «По-глядзи-тко ты в восточную сторонушку, не красит ли красное солнышко?» От понятия о свете слово «красный» перешло к означению яркой краски, точно так, как прилагательное жаркий употребляется в областном языке в смысле: оранжевый, а в Пермской губернии ягода клюква, ради ее красного цвета, называется жаравихой. Восходящее солнце, озаряя своими лучами мир, дает возможность созерцать все его великолепие; теплые дни, приводимые весенним солнцем, согревают землю и наряжают ее, словно невесту, роскошными цветами и зеленью. Естественно, что с представлениями света и солнца должна была сочетаться идея красоты: прекрасный, красовитый, красовитушко – приветствие милому, любимому человеку; сравни: сугрево – тихая, теплая погода и сугревушка – ласкательное название, даваемое женщине.

Слово «чистый» однозначительно с «светлым» и также совмещает в себе понятия небесного сияния и святости: небо чистое, небо прочищается, чисть – то же, что яшень (вёдро): «На небе такая чисть!» чистое злато и

серебро (сравни: красное золото), Пречистая Дева; очищение было религиозным обрядом, состоявшим в прыгании чрез зажженные костры, в окуривании и омовении ключевой водою: огонь – символ небесной молнии, вода – символ дождя. Как весенняя гроза выводит из-за туч и туманов яркое солнце, прочищает небо, так действием огня и воды прогоняются от человека темные, враждебные, демонические силы; позднее обряд этот получил значение нравственного очищения от грехов (чистилище, очистительная молитва и присяга, чистота душевная). С отрицанием *не* – нечистый есть название дьявола; нечистая сила – сила мрака, холода и всего враждебного человеку; подобно тому и слово «черный», противоположность которого «белому» так резко запечатлелась в предании о Черно-боге и Белбоге, употребляется как эпитет злых духов. В заговорах упоминаются «черные духи, нелюдимые» и творятся заклятия «от черных божиих людей»; а Густинская летопись приводит показания старинных кудесников: «Наши бози живут в безднах, видом черни, крилаты, з хвостами, летают под небо слушающе ва-

ших богов». За темнотою до сих пор удерживается в простонародье представление чего-то таинственно страшного; обычная заметка «Не к ночи будь сказано» есть род заклятия, чтобы неосторожно сказанное вечером слово не вызвало какой беды; темною комнатою старые няни пугают детей; нечистые духи разгуливают по ночам и во мраке творят людям и животным зло, солнечных же лучей они боятся и тотчас разбегаются при утреннем рассвете. Темное царство демонов (=ад) представлялось на западе – там, где заходит солнце, где потухают его светлые лучи. Так как мрак скрывает все под своей непроницаемой пеленою, то злему духу приписываются свойства и названия укрывателя, таителя, хищника.

С светлыми, белыми божествами славянин чувствовал свое родство, ибо от них ниспосылаются дары плодородия, которыми поддерживается существование всего живого на земле; народ называет хлеб даром божиим; наше жито одного корня с словами: живот (жизнь) и Жива – богиня весны. Напротив, с темною силою природы, с черными божества-

ми было соединяемо все старое, безобразное, лукавое и злое; они враждебны жизни и ее нравственным основам. Черная душа означает человека бесчестного, криводушного; мрась – негодяй; черный день – день бедствия, несчастья.

Краледворская рукопись сравнивает Смерть с ночью и зимою. Здесь кроется, между прочим, основание той тесной связи, в какую поставила народная фантазия болезни, особенно повальные, с нечистою силою, почему она олицетворяет их в безобразных, уродливых формах и почему простолюдины до сих пор почитают недуги испорченностию, насланною при содействии злых духов, а животных, родившихся с каким-нибудь физическим недостатком, – порождением той же демонической силы. Все чары, при совершении которых призываются злые духи, и собиране волшебных зелий, на пагубу людей и животных, совершаются в полночь. Ненавистница жизни, исконный враг праведных светлых богов, нечистая сила, по русскому поверью, не знает семейных уз, этих единственных форм, которые у племен патриархальных

поддерживали и воспитывали нравственные отношения; она блуждает по свету, не имея мирного пристанища. Понятно, почему Чернобог отождествлялся с дьяволом; с именем его народные верования славян должны были сочетать представления ночи, зимы и потемняющих небо туч, с которыми сражается молниеносный Перун.

Между богами света и тьмы, тепла и холода происходит вечная, нескончаемая борьба за владычество над миром. День и Ночь представлялись первобытным народам высшими, бессмертными существами, как День – первоначально верховное божество света = солнце, с которым слово это тождественно и по названию, так Ночь – божество мрака.

В самой природе рассвет дня сопровождается свежим веянием утреннего ветра, прохладным колебанием воздуха, и это обыкновенное явление принималось поэтически настроенною фантазиею древнего народа за шум при разрыве наложенных ночью богиной уз и за шелест шагов бога дня, шествующего по воздушным пространствам. Сбросив с себя путы, День разрывал темный покров

Ночи и гнал ее с неба.

Подобно тому как дневной свет и жар, ночная тьма и прохлада определялись суточным движением солнца, так летняя ясность и теплота, зимние туманы, помрачающие небо, и всемертвящие морозы – годовым его движением. Как с утром соединялось представление о пробуждающемся солнце, о благотворной росе, падающей на нивы, поля и дубравы, о воскресающей повсюду деятельности, так с весною связывалась мысль о воскресении согревающей силы солнца, о появлении грозных туч, проливающих на землю дождь, о восстании природы от зимнего сна: земля наряжается в зелень и цветы, из далеких стран прилетают птицы, мир насекомых наполняет воздух и животные, подверженные спячке, встают из своих нор. С другой стороны, и во время ясного летнего дня собирающиеся на небо тучи вдруг помрачают солнечный свет и как бы превращают день в ночь, и пока не будут разбиты могучим оружием гневного Перуна – задерживают в своих затворах золотые лучи солнца и драгоценную влагу дождевых ливней. Эти аналогические признаки, запе-

чатленные в языке родственными названиями (сличи сумерки, мрак ночной и морок – облако, туман, тьма ночная, темень – тучи, туман и мн. др.), послужили к сближению и даже отождествлению в мифических представлениях всех означенных явлений. Весеннее просветление солнца и явление его из-за мрачных туч стали уподобляться утреннему рассвету, весна и богиня летних гроз – утренней зоре или восходящей деве солнца, а зима и тучи – темной ночи; та же борьба, какую созерцал человек в ежедневной смене дня и ночи, виделась ему и в смене лета и зимы, и в громозвучных ударах Перуна, умолкающих на зиму и снова раздающихся с приходом весны.

В июне месяце, в пору самого полного развития творческой деятельности природы, солнце, следуя неперемennomу закону судеб, поворачивает на зимний путь, дни постепенно умягаются, а ночи увеличиваются; власть царственного светила мало-помалу ослабевает и уступает зиме. В ноябре зима уже «встает на ноги», нечистая сила выходит из пропастей ада и своим появлением производит хо-

лода, метели и вьюги: земля застывает, воды сковываются льдами, и жизнь замирает. Но в декабре, когда, по-видимому, зима совсем победила, солнце «поворачивает на лето», и с этого времени сила его снова нарождается, дни начинают прибывать, а ночи умягаться. Как бы чувствуя возрастающее могущество врага, зима истощает все свои губительные средства на борьбу с приближающимся летом: настают трескучие морозы, страшные для садов и озимых посевов, умножаются простудные болезни и падежи скота. Вот почему накануне Крещения простолоюдины на всех окнах и дверях выжигают огнем (или чертят мелом) кресты, чтобы нечистые духи не имели доступа к их дворам; в некоторых местах носят при этом два пирога, что, может быть, намекает на древнейшее жертвоприношение. Перед Рождеством крестьяне до сих пор потчуют мороз киселем, с просьбою не касаться их засеянных полей. Тщетно зима напрягает усилия; в свое время является весна, воды сбрасывают ледяные оковы, воздух наполняется живительной теплотою, согретая солнечными лучами земля получает дар производи-

тельности и возрожденная природа представит в чудном великолепии летних уборов, пока новый поворот солнца не отдаст ее снова во власть злой зимы. Возврат весны сопровождается грозами; в их торжественных знаменьях всего ярче представлялись фантазии те небесные битвы, в какие вступало божество весны, дарующее ясные дни, плодородие и новую жизнь, с демонами стужи и мрака.

В черных тучах признавали нечистую силу, затемняющую ясный лик солнца и задерживающую дожди; подобно ночи, туча в поэтических сказаниях народа есть эмблема печали, горя и вражды. В Томской губернии, ожидая несчастья, говорят: «Господи! прониеси тучу мороком»; когда кого-нибудь постигают бедствия, белорусы выражаются в такой эпической форме: «Собралися тучки в кучки!», а на Украине: «Як хмара на нас спала!» В раскатах грома слышались древнему человеку удары, наносимые Перуном демонам-тучам, в молниях виделся блеск его несокрушимой палицы и летучих стрел, в шуме бури — воинственные клики сражающихся. По русскому поверью, черти бьются на кулачки в

полночь, т. е. нечистая сила выступает на борьбу во мраке туч, подобных черной ночи. Бог-громовник разит ее своими огненными стрелами и, торжествуя победу, возжигает светильник солнца, погашенный лукавыми демонами (туманами и облаками). Оба явления: сияние летнего солнца и блеск молнии – возбуждали так много сходных, одинаковых впечатлений, что необходимо должны были сливаться в мифических представлениях.

Солнце растит нивы, от него столько же зависят урожаи, как и от дождей, изливаемых владыкою молний; засуха, истребляющая нивы, столько же приписывалась жарким лучам солнца, как и Перуну, скрывающему дождевые облака; значение божества карающего равно прилагается и к дневному светилу, которое своими лучами, словно стрелами, прогоняет ночь и туманы, и к громовнику, поражающему мрачные тучи; поэтические выражения об утреннем рассвете, как о треске разрываемых божеством дня цепей, нашли соответствующее себе представление – в звуках громовых ударов, разбивающих зимние. Тесная связь весеннего солнца с грозой вырази-

лась в том родстве, в какое поставил его миф в отношении к облачным нимфам, известным у литовско-славянского племени под именем солнцевых дочерей и сестер.

В противоположность дневному светилу, месяц – представитель ночи, а так как ночь принималась за метафорическое название темных, грозовых туч, то на него были перенесены атрибуты бога-громовника. При весенней встрече своей с солнцем он бывает зачинщиком ссоры, которая потрясает землю.

Солнечные и лунные затмения были объясняемы тою же борьбою светлых богов с темными, как и небесные грозы. Эти чрезвычайные, редкие явления, к которым не так легко мог привыкнуть человек, как к ежедневному захождению солнца и к естественной смене годовых времен, постоянно возбуждали тревожное чувство страха: нечистая сила напала на божественное светило, захватывала его в свою пасть и готовилась пожрать пред очами смущенного язычника. «Погибе, съедается солнце!» – вот обычное выражение, с которым старинные летописцы относились к солнечному затмению. В затмениях солнца и

луны до самого позднейшего времени видели «недобрые знамения».

Такое двойственное воззрение на природу, в царстве которой действуют и добрые и злые силы, должно было наложить свою неизгладимую печать на все религиозные представления. Поклоняясь стихийным божествам, человек одни и те же явления различал по мере участия их в создании и разрушении мировой жизни, по степени ближайшей или отдаленнейшей связи их с элементами света и тепла. Так опустошительные бури и зимние вьюги почитались порождением нечистой силы = рыщущими по полям бесами, тогда как весенние ветры, пригоняющие дождевые облака и очищающие воздух от вредных испарений, признавались благодатными спутниками Перуна, его помощниками в битвах с злыми духами; из далекой страны вечного лета они приносили на своих крыльях семена плодородия на землю, навевали в сердца юношей и дев горячую любовь и своим дыханием восстанавливали здоровье болящих.

Небо и земля

Небо, видимое очами смертного, представляется огромным блестящим куполом, обнимающим собою и воды и сушу, круглую прозрачную чашею, опрокинутою над землею. Потому обыкновенно оно называется небесным сводом. По народному воззрению, небо – терем божий, а звезды – очи взирающих оттуда ангелов; эпическая поэзия воспользовалась этими данными и дает прекрасное изображение космоса теремом, а небесных светил – обитающею там семьею.

Округло-выпуклая форма небесного свода послужила основанием, опираясь на которое доисторическая старина уподобила его с одной стороны черепу человеческой головы, а с другой – высокой блестящей горе.

Дым, застилающий небо, в народной загадке сравнивается с кудрявыми волосами: «мать – гладуха, дочь – красуха, сын – кучерявый» (печь, огонь и дым); а очи, закрытые ресницами и бровями = нахмуренные, русский язык уподобляет небесным светилам, помраченным тучами; сравни хмура и хмара.

Сравнивая небо с горою, народная фантазия породила эти разнородные понятия и в языке и в мифе. Слово «горе» (*малоросс.* вгору, *болг.* згоре) значит: вверх, к небу. В народной загадке, означающей «дым», небо называется горою: «Без ног, без рук на гору дерется».

В разных местностях русской земли крестьяне уверяют, что, обрезавая ногти, не должно кидать их, а напротив – собирать и прятать эти обрезки за пазуху; на том свете они пригодятся: по смерти каждому придется взлезать на высокую крутую гору, столь же гладкую, как яйцо. С помощью сбереженных ногтей это можно будет сделать и удобнее, и скорее. В других местах убеждены, что большие ногти всякому необходимы по смерти для того, чтобы лезть на небо или в Царство Небесное – на Сионскую гору: очевидно, что гора и небо здесь тождественны. Раскольники, между которыми долее и живее берегаются старинные суеверия, доньше носят в перстнях и ладонках обрезки собственных ногтей и когти филина.

В одном заговоре читаем следующую заклинательную формулу: «Еду на гору высо-

кую, далекую, по облакам и водам, а на горе высокой стоит терем боярский, а во тереме боярском сидит красная девица (= Зоря)... Закрой ты, девица, меня своею фатою от силы вражией, от пищали, от стрел, от борца, от кулачного бойца». Эта высокая гора, на которую надо ехать по облакам и водам (= дождевым источникам), есть небесный свод. Итак, небо представлялось горою. Эта мифическая гора часто упоминается в сказочных преданиях славян и германцев.

В солнце, месяце и звездах древний человек видел сияющие в небесном чертоге драгоценные камни и золотые или серебряные украшения; блеск неба, озаренного яркими лучами солнца, напоминал ему блеск металлов, и финский эпос сообщает предание, что небесный свод был выкован хитрым кузнецом божественной породы. В лубочной сказке «о золотой горе», или «трех царствах: медном, серебряном и золотом», повествуется о том, как царевич, отправляясь в означенные царства, достиг страшно высокой и крутой горы и взлез на нее с помощью железных когтей, прикрепленных к ногам и рукам.

Олицетворяя грозовые явления хищными птицами и зверями, фантазия, сблизившая молнии с острыми стрелами, начинает видеть в этих стрелах железные когти; только, вооруженный такими когтями, сказочный герой (= древний громовник) может взойти на небо и освободить из-под власти злых демонов чудную красавицу – богиню весны.

Кроме сбережения ногтей, которые должны были помогать усопшему подняться на высокую гору небес, для той же цели, по народному убеждению, могли служить и лестницы. По свидетельству жития князя Константина Муромского, вместе с умершими полагались в могилу сплетенные из ремней лестницы: «...и по мертвых ременные плетения древолазные с ними в землю погребающе». Еще доныне в некоторых уездах родственники умершего, собираясь в сороковой день после его кончины творить поминки, ставят на стол, вместе с блинами и кануном, нарочно сделанную из теста лесенку; а выходя за ворота провожать душу покойника, выносят с собой испеченные лесенки и думают, что по ним душа восходит на небо = в рай. В

Воронежской губернии в самый день похорон приготовленная из пшеничного теста и запеченная лестница, величиною в аршин, ставится при выносе гроба, чтобы усопшей душе легче было взойти на небо. В Курской губернии поминальные пироги с маком и медом называются «лестовки». На праздник Вознесения, в память восшествия Спасителя на небо, крестьяне пекут большие продолговатые пироги, верхняя корка которых выкладывается поперек перекладинами: пироги эти называют «лесенки». Их приносят в церковь, и после молебна часть отдают священнику и причту, а другую – нищим. В некоторых деревнях приготавливаемые на Вознесение лесенки имеют семь ступеней, что стоит в связи с сказанием о седьми небесах; после обедни крестьяне всходят на колокольню и бросают их оттуда на землю, замечая, как упадет лесенка – вдоль или поперек к церкви, останется цела, надломится или вовсе разобьется, и поэтому делают свои заключения, на какое небо попадут они по смерти. Если все семь ступеней останутся целы – быть в раю, а разобьется лестница вдребезги – это знак великих гре-

хов, заграждающих путь в Царство Небесное.

Рядом с представлениями неба, как блаженной обители богов и праведных, оно было олицетворяемо и в живом божественном образе. Плодотворящая сила солнечных лучей и дождевых ливней, ниспадающих с небесного свода, возбуждает производительность земли, и она, согретая и увлажненная, растит травы, цветы, деревья и дает пищу человеку и животным. Это естественное и для всех наглядное явление послужило источником древнейшего мифа о брачном союзе неба и земли, причем небу придан воздействующий, мужской тип, а земле – воспринимающий, женский. Летнее небо обнимает землю в своих горячих объятиях, как невесту или супругу, рассыпает на нее сокровища своих лучей и вод, и земля становится чреватой и несет плоды; не согретая весенним теплом, не наполненная дождями, она не в силах ничего произвести. В зимнюю пору она каменеет от стужи и делается неплодной; с приходом же весны земля, по народному выражению, «принимается за свой род». «Не земля родит, а небо» – выражается пахарь пословицею, обозначая

тем, что без влияния благоприятных условий, посылаемых небом, земля бессильна дать урожай.

Почти во всех языках земле даются имена женского рода. Небо же у древних славян олицетворялось в мужском образе Сварога. Сварог, как олицетворение неба, то озаренного солнечными лучами, то покрытого тучами и блистающего молниями, по указанию наших памятников, признавался отцом солнца и огня. Во мраке туч он возжигал пламя молний и, таким образом, являлся творцом небесного огня; земной же огонь, по древнему преданию, был божественный дар, низведенный на землю в виде молнии; отсюда понятно, почему славянин молился огню, как сыну Сварога. Далее: разбивая громовыми стрелами тучи, Сварог выводил из-за них ясное солнце, или, выражаясь метафорическим языком древности, возжигал светильник солнца, погашенный демонами тьмы; это картинное, поэтическое представление прилагалось и к утреннему солнцу, выходящему из-за черных покровов ночи, так как ночной мрак постоянно отождествлялся с потемняющими небо тучами.

чами. С восходом солнца, с возжжением его светильника, соединялась мысль о его возрождении, и потому Сварог есть божество, дающее жизнь Солнцу = рождающее Дажьбога.

Теперь мы должны обратить внимание на те немногие места памятников, в которых ученые наши, под влиянием христианских воззрений, думают видеть свидетельство, что, рядом с поклонением божествам стихийным, славяне веровали в единого верховного бога и что в этом веровании высказывается темное сознание о едином истинном Творце Вселенной. Мнение это, в подтверждение которого ссылаются на Прокопия, Гельмольда и договоры первых русских князей с греками, не может быть принято наукою. Прокопий (VI век) выражается, что только одного бога, производителя молнии, почитают они (славяне) единственным владыкою Вселенной. Вслед за этим сказано, что они поклонялись также рекам, нимфам и другим божествам. Что этот бог, творец молнии, не был Перун, доказательством тому приводят известие Гельмольда, который знал Перуна и между тем отличает его от верховного бога богов. «Между раз-

личными божествами (говорит он), во власти которых состоят поля и леса, печали и наслаждения, славяне не отрицают и единого бога на небесах, повелевающего прочими. Он самый могущественный, заботится только о небесном; а прочие боги, исполняющие возложенные на них обязанности, происходят от его крови, и чем кто знатнее, тем ближе к этому богу богов».

Почти у всех народов слова, означавшие небо, обратились в нарицательные названия божества; следовательно, наоборот, говоря о боге, древние язычники могли исключительно разумеать верховного представителя и владыку небесного свода. Отсюда само собой вытекает заключение, что «Бог», упоминаемый договорами Игоря и Святослава, есть греческий Зевс, славянский Див или Сварог; именно об этом божестве говорит Гельмольд, приписывая ему владычество над небом; о нем же говорит и Прокопий как о правителе Вселенной и создателе молний. Это бог богов, их родоначальник, или, как доньше называют его славяне, великий (= старейший), старый бог, прабог (сравни: пра-дед, пра-щур) = отец-

небо, в отношении к которому все другие стихийные божества представлялись его детьми, прибогами (т. е. младшими, от него происшедшими; сравни: при-го-род). От него (= прабога) родились боги солнца, молнии, облаков, ветров, огня и вод (первоначально: дождевых потоков).

В другом месте своей хроники Гельмольд называет богом богов Святовита, бога земли руянской, получившего первенство между всеми славянскими божествами. Свято– или Световит – имя, образовавшееся по той же форме, как и другие названия языческих богов: Поревит, Яровит, Руевит; последний слог составляет суффикс, указывает в Святовите божество, тождественное Диву (div – divinus) и Сварогу: это только различные прозвания одного и того же высочайшего существа. В 1851 году сделался известным ученому миру открытый на Збруче Святовитов истукан, грубой работы, с четырьмя лицами, все, что было посвящено Святовиту арконскому, на этом истукане изображено в рисунке (чертами): на одной стороне бог держит в правой руке рог, на другой – висит у пояса меч, а под ним вид-

но изображение коня с подбрюшником. Четыре головы Святовита, вероятно, обозначали четыре стороны света и поставленные с ними в связи четыре времени года (восток и юг – царство дня, весны, лета; запад и север – царство ночи и зимы); борода – эмблема облаков, застилающих небо, меч – молния, поезда на коне и битвы с вражьими силами – поэтическая картина бурно несущейся грозы; как владыка небесных громов, он выезжает по ночам, т. е. во мраке ночеподобных туч, сражаться с демонами тьмы, разит их молниями и проливает на землю дождь. С этим вместе он необходимо признается и богом плодородия; к нему воссылались мольбы об изобилии плодов земных; по его рогу, наполненному вином (вино = символ дождя), гадали о будущем урожае. Таким образом, у славян, как и у прочих арийских народов, с верховным божеством неба связывались представления ожесточенной борьбы с демонами и благодатного плодородия, разливаемого им по земле; вот почему время зимнего поворота солнца, предвещающее грядущее торжество Святовита над нечистой силою, получило название свя-

ток, а весенний праздник пробуждения природы, появления молниеносных облаков и дождевых ливней – название Святой или Светлой недели. Те же самые представления соединяла фантазия и с отдельным олицетворением бога-громовника (Перуна); так как именно в весенней грозе видел древний человек источник жизни, начало мирового творчества, то понятно, что воинственный громовержец должен был выдвинуться в его сознании вперед и занять первостепенное, почетнейшее место между другими богами. Вместе с главнейшими атрибутами божества неба, на него переносится и понятие о старейшинстве; он является творцом и правителем Вселенной, получает имя деда (см. ниже) и представляется в виде бородатого старца.

Признавая небо и землю супружескою четою, первобытные племена в дожде, падающем с воздушных высот на поля и нивы, должны были увидеть мужское семя, изливаемое небесным богом на свою подругу; воспринимая это семя, оплодотворяясь им, земля чреватее, порождает из своих недр обильные, роскошные плоды и питает все на ней

сущее. Мелкий и частый дождь поселяне называют «севень»; народная песня выражается о дожде, что он или ситечком сеет, или ведром поливает; следовательно, дождевые капли уподобляются хлебным зернам, бросаемым в мать сыру землю на будущий урожай. Слово «семя» означает в нашем языке: и зерно растительного царства, и оплодотворяющие соки человека и животных; с другой стороны, и понятие зерна распространяется отчасти на царство животное, ибо о рыбах говорится, что они «мечут зерно»; жидкой икре дается название «зернистой». При таком воззрении на дождь как на родительское семя понятно, что в молнии, разящей тучи и чрез то низводящей на землю небесные воды, фантазия первобытных народов узнавала мужской детородный член; понятно также, что оплодотворяющая сила неба почти исключительно присвоилась божествам весенних гроз – у германцев Водану и Тору, у славян – Перуну: к ним обращались с молитвами об урожае, в честь их совершались на пашнях и жнивах религиозные обряды, от их непосредственного участия зависели успехи земледелия.

лия.

Вместе с представлением весенней грозы в мужском образе бога-оплодотворителя в ту же незапамятную старину и под тем же влиянием поэтических сравнений и метафорического языка возникло представление о богине облачного неба, которая носит в своей утробе (= тучах) зародыши юной жизни и с которою бог-громовник вступает в брачный союз в благодатное время весны. Носясь над землею, богиня рассыпает на нее обилие своих даров, поит ее росой и дождями и воспитывает жатвы. Как богиня, творящая земные урожаи, как супруга небесного бога, носителя молний и проливателя дождей, она мало-помалу слилась в народном сознании с плодородящею матерью-землею, супругою неба.

На древнем поэтическом языке травы, цветы, кустарники и деревья назывались волосами земли. Признавая землю за существо живое, самодействующее (она родит из своей материнской утробы, пьет дождевую воду, судорожно дрожит при землетрясениях, засыпает зимою и пробуждается с возвратом весны), первобытные племена сравнивали широкие

пространства суши с исполинским телом, в твердых скалах и камнях видели ее кости, в водах – кровь, в древесных корнях – жилы, наконец, в травах и растениях – волосы.

С указанными метафорами тесно связывается поверье о зеленых волосах русалок, водяных и леших и тот часто встречаемый в народных сказках мотив, по которому щетка, кинутая героем во время бегства от враждебных преследователей, превращается в лес: из каждого волоска вырастает дерево. Русалки, как водяные нимфы, наделены зелеными косами, подобно римским божествам рек и финскому царю волн (Ahto), которые представлялись с травяными бородами; т. е. зелень, растущая по берегам рек и источников, рассматривалась, как волосы водяных богов и богинь. Доселе уцелел обычай связывать, во время жатвы, пук несрезанных колосьев и оставлять его на ниве в честь древнего бога плодородия; это называется: завивать Волосу бороду.

Богиня земного плодородия, вступающая в брак с богом небесных гроз в счастливое время весны, теряет своего супруга в период хо-

лодной зимы и прекращает свои роды. В зимнюю пору и жарким летом, во время засухи = бездождия земля являлась воображению древнего человека печальной вдовой.

Из всего сказанного очевидно, что рядом с поклонением небу должно было возникнуть и утвердиться религиозное почитание земли. Следы этого обоготворения сохранились и у славян. Старинный проповедник восстает против нарицания земли богом. В XIV столетии новгородские стригольники учили каяться в грехах не священнику, а земле, за что константинопольский патриарх их впоследствии жестоко ругал. Но для простого, неразвитого народа, воспитанного на старинных эпических преданиях, земля вовсе не была бездушной; он наделял ее чувствами и волею. Богатыри, поражающие лютых змеев, в ту минуту, когда им грозит опасность быть затопленными кровью чудовища, обращаются к земле с просьбою: «Ой, ты еси мать сыра земля! расступися на четыре стороны и пожри кровь змеиную», – и она расступается и поглощает в себя потоки крови. Староверческие толки: беспоповщина и нетовщина – до

позднейшего времени продолжали следовать стригольникам и исповедовали свои грехи, зря на небо или припадая к земле. Старообрядцы перед обедом и ужином, за неимением воды, умывают себе руки землею, следовательно, приписывают ей такую же очистительную силу, как и воде.

Весною, когда земля вступает в брачный союз с небом, поселяне празднуют в ее честь Духов день; они не производят тогда никаких земляных работ, не пашут, не боронят, не руют земли и даже не втыкают кольев, вследствие поверья, что в этот день земля – именинница и потому надо дать ей отдых. Больные лихорадкою отправляются на то место, где, по их мнению, пристала к ним болезнь, посыпают вокруг себя ячменной крупой и, кланяясь на все стороны, говорят: «Прости, сторона мать сыра земля! вот тебе крупиц на кашу» – и уверены, что земля простит их и избавит от лихорадки. «Выздороветь, исцелиться от болезни» на старинном языке выражалось словами: получить от Бога прощение. Иногда выходят больные на перекресток, падают ниц и просят мать сыру землю исцелить

их от недуга. В Нижегородской губернии крестьяне, получившие при падении наземь какое-нибудь повреждение или ушиб, ходят прощаться на то место, где упали, т. е. молить наказующую землю о прощении. В разных сторонах Руси жницы, окончив работу, катаются по ниве, приговаривая: «Нивка-нивка! отдай мою силку, что я тебя жала, силку роняла». Эта обращенная к земле просьба воротить силу, потраченную на жнитве, напоминает греческое сказание о великанах, которые, падая в пылу битвы, как только прикасались к матери-земле, тотчас же восставали с новою силою. На вешний Юрьев день также в обычае у наших крестьян кататься по нивам. Земля, смоченная слюною (метафора дождя), признается средством, заживляющим раны; при головной боли берут из родника песку и прикладывают к голове с приговором: «Как здорова земля, так бы моя голова была здорова!» Как всеобщая кормилица, земля есть источник сил и здоровья; она же растит и целебные травы. Тот, кто приступает к собиранию лекарственных зелий и корней, должен пасть ничком наземь и молить мать сы-

ру землю, чтоб она благоволила нарвать с себя всякого снадобья.

Чтобы нечистая сила не поселилась в нивах и не выжила с пастбища стад (т. е. не повредила бы тем и другим), хозяева в августе месяце выходят раннею зарею на поля с конопляным маслом и, обращаясь на восток, говорят: «Мать сыра земля! уйми ты всяку гадину нечистую от приворота и лихого дела»; затем выливают на землю часть принесенного масла. Обращаясь на запад, продолжают: «Мать сыра земля! поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие, в смолу горючую»; на юг произносят: «Мать сыра земля! утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со мятелью» – и, наконец, на север: «Мать сыра земля! уйми ты ветры полуночные со тучами, содержи (сдержи) морозы со мятелями». За каждым обращением льют масло, а в заключение бросают и самую посудину, в которой оно было принесено.

По свидетельству Дитмара (1018 г.), славянские жрецы, нашептывая какие-то слова, раскапывали пальцами землю и по встречающимся приметам гадали о будущем. Народ-

ные русские сказки упоминают о старинном обычае: произнося клятву, есть землю, чтобы таким действием еще тверже скрепить нерушимость произносимого обета или справедливость даваемого показания. Хроника Дитмара говорит, что славяне при утверждении мирных договоров подавали пучок сорванной травы или клочок обрезанных волос; трава, как волосы матери-земли, и волосы, как метафора травы, употреблялись здесь за символические знамена самой богини – в удостоверение того, что мир будет соблюден свято и границы чужих владений останутся неприкосновенными.

В старину на Руси, вместо обыкновенной присяги, долгое время в спорных делах о земле и межах употреблялся юридически признанный обряд хождения по меже с глыбой земли: один из тяжущихся клал себе на голову кусок земли, вырезанный вместе с растущей на ней травой на самом спорном поле, и шел с ним по тому направлению, где должна была проходить законная граница; показание это принималось за полное доказательство.

От общего представления о Земле народ

земледельческий переносит свое религиозное почитание на отдельные родовые участки, подобно тому как культ огня склонился к обоготворению домашнего очага; земля, на которой селился род, которая возделывалась его руками и которая действительно была его кормилицей, становилась ему родною. Уходя на чужбину, древние предки наши брали с собою горсть родной земли и хранили ее как святыню – обычай, доселе соблюдаемый болгарями. К ней тяготели общие интересы родичей; даруя им необходимые средства жизни, она тем самым привязывала их к определенной местности и теснее скрепляла семейный союз.

Стихия света в ее поэтических представлениях

Солнечный свет дает возможность видеть и различать предметы окружающего нас мира, их формы и краски, а темнота уничтожает эту возможность. Подобно тому зрение позволяет человеку осматривать и распознавать внешнюю природу, а слепота погружает его в вечный мрак; без глаз так же нельзя видеть, как и без света. От того стихия света и глаза, как орудие зрения, в древнейшем языке обозначались тождественными названиями: зреть, взор, зоркий, зорить – присматриваться, наблюдать, прицеливаться, зорька – прицел на ружье, обзариться – промахнуться из ружья, зырить – зорко смотреть, зирять – оглядываться, зирк – глядь, зирок = зрачок, зорный – имеющий хорошее зрение, и зо(а)ря, зирка (малоросс.) – звезда, зирка с метлою – комета, зо(а)рница (зирныця, зарянка) – утренняя или вечерняя звезда, планета Венера; зарница – отдаленная молния = малоросс. блискавиця, которой приписывают влияние

на созревание нив и которую потому называют хлебозоркою.

Из такого сродства понятий света и зрения, во-первых, возникло мифическое представление светил небесных – очами, а во-вторых, родилось верование в чудесное происхождение и таинственную силу глаз. Представление светил очами равно принадлежит народам и Старого и Нового Света. Первобытные племена обожали в стихиях их живую творческую силу, и как в самой природе различные явления неразрывно связаны между собою и сопутствуют друг другу, так и в мифических представлениях они нередко сливаются в одно целое. Религиозное чувство древнего человека по преимуществу обращалось к весеннему небу, которое являлось его воображению во всем божественном могуществе: одетое грозowymi тучами, оно вещало в громах, разило в молниях, изливало семена плодородия в дожде и, взирая с высоты на дольний мир ясным солнцем, пробуждало природу к новой жизни. Яркие лучи весеннего солнца возвращались миру вместе с дождями и молниями, и вместе с ними похищались на

зиму злыми демонами; от того и в народных поэтических сказаниях мифы солнечные и грозные взаимно переплетаются и спутываются.

Давно когда-то, повествует сказка, заплутали двое детей в лесу, развели огонь и сели греться. Вдруг послышался страшный треск, и затем показались три великана, вышиной с дерево; у всех трех был один глаз, и они пользовались им по очереди: у каждого великана было во лбу отверстие, куда и вставлялся общий всем глаз. Ловкие дети успели одного из великанов ранить в ногу, а других напугать так, что тот, который держал глаз во лбу, уронил его наземь; мальчик тотчас же подхватил его. Глаз был так велик, что не уложить и в котел, и так прозрачен, что мальчик видел сквозь него все, будто в светлый день, хотя и была темная ночь. Предания об одноглазых великанах составляют общее достояние всех индоевропейских народов, а потому не чужды и славянам.

Стих о Голубиной книге повествует, что зори утренняя и вечерняя, светел месяц и частые звезды зачались от очей божиих, или по дру-

тому варианту – что свет у нас светится от господних очей.

В нашем языке окно (уменьш. окошко, оконце), как отверстие, пропускающее свет в избу, лингвистически тождественно с словом «око»; окно, следовательно, есть глаз избы. С восходом солнца-небо, до той минуты погруженное в ночной мрак, прозревает; на востоке вспыхивает красная зоря, и вслед за нею показывается самое светило. Появляясь на краю горизонта, оно как будто выглядывает в небесное окно, открытое ему богинею Зорею.

У всех народов существует убеждение, что небесные боги взирают с высоты на землю, наблюдают за поступками смертных, судят и наказуют грешников. Из этих данных объясняются сказочные предания: а) о чудесном дворце, из окон которого видна вся Вселенная, а владеет тем дворцом прекрасная царевна (= Солнце), от взоров которой нельзя спрятаться ни в облаках, ни на суше, ни под водами; б) о волшебном зеркальце, которое открывает глазам все – и близкое и далекое, и явное и сокровенное. Там, где в русской сказке завистливая мачеха допрашивает волшеб-

ное зеркальце, в подобной же албанской сказке она обращается прямо к солнцу. Народные загадки уподобляют глаза человеческим зеркалам и стеклам: «стоят вилы (ноги), на вилах короб (туловище), на коробе гора (голова), на горе два стекла (или зеркала = глаза)».

В древности зеркала были металлические; а потому мифическое представление солнца зеркалом, известное еще греческим философам, совпадало с уподоблением его золотому щиту. Раскольники уверяют, что в зеркало по ночам смотрится нечистая сила, т. е. во время ночи блестящий щит солнца закрывается демонами мрака. Вероятно, и примета, что разбитое зеркало предвещает несчастье или смерть, указывает на солнечное затмение, когда, по народному воззрению, нечистая сила нападает на это светило и стремится уничтожить его.

Не только с солнцем, но и с месяцем и звездами соединялась мысль о небесных окнах. Небо, по народному выражению, терем божий, а звезды – окна, из которых смотрят ангелы. Связывая это представление с верою в зависимость судьбы человеческой от звезд,

поселяне наши утверждают: как только народится человек, то Господь тотчас же велит прорубить в небе окошечко и посадит к нему ангела наблюдать за делами и поступками новорожденного в продолжение всей его жизни; ангел смотрит и записывает в книгу, а людям кажется, что то звезда светится. А когда человек умрет – окно запирается и звезда исчезает = падает с неба.

В народной сказке, замечательной по свежести древнемифических представлений, Иван-царевич, будучи преследуем злою ведьмою, скачет к теремам Солнцевой сестры (= Зори) и просит укрыть его: «Солнце, Солнце! отвори оконце». Приготовляя с вечера опару для поминальных блинов, крестьянки становятся против месяца и шлют к нему такое воззвание: «Месяц, ты Месяц, золотые твои рожки! выглянь в окошко, подуй на опару».

По преданию русского народа, сам Бог научил человека делать окна. Долго люди не знали, как бы предохранить себя от непогоды и стужи; наконец черт ухитрился и выстроил для них избу: всем бы хороша – и тепло, и уютно, да темно, хоть глаз выколи! Сколько

ни возился лукавый, а этому горю не помог. Но явился Господь и прорубил окно; с тех пор люди стали строить избы с окнами. Это один из древнейших мифов, примененный позднее, при забвении метафорического языка, к жилью человека. В грядях зимних облаков нечистая сила созидала свои постройки, по-мрачающие светлое небо; но весной являлся бог-громовник, рубил молниями тучи и давал миру свет, или, выражаясь метафорически, прорубал окно в небесном чертоге.

Называя солнце глазом, народ невольно должен был соединить с его закатом мысль о сне, смежающем очи, а с восходом – мысль о пробуждении. У нас это представление выразилось в пословице: «Чем черт не шутит, когда бог спит», т. е. ночью, когда перестает светить солнце и всем овладевает нечистая сила мрака. «С Успеньева дня (15 августа), говорят великорусские крестьяне, солнце засыпается», т. е. ночь удлиняется, а день становится меньше.

Как свет уподоблялся зрению, так, в свою очередь, зрение нередко получало значение света. Из древнеязыческих преданий о созда-

нии человека видно, что сродство этих понятий послужило основой весьма знаменательного мифа о происхождении человеческих глаз. По свидетельству старинных славянских и немецких памятников, восходящих до XII столетия, очи человеческие создались от солнца; верование это известно было и древним индусам. Если рукописные свидетельства говорят о происхождении глаз от солнца, то следующие слова одного из записанных мною заговоров приписывают это творческое дело звездам: «Господи Боже, благослови (принять) от синя моря – силу, от сырой земли – резвоты, от частых звезд – зренья, от буйна ветра – храбрости».

Стремительность света, скорый полет птицы и мгновенная передача предметов глазом породили одно общее понятие о быстроте, и потому как солнце олицетворялось в виде птицы, так и «глаза» народная загадка изображает в такой метафоре: «сидит птица, без крыльев, без хвоста; куда ни взглянет – правду скажет».

В смелой поэтической картине живописует русская сказка ночь, блестящую звездными

очами: злая мачеха посылает падчерицу за огнем к Бабе-яге. Поздним вечером приходит она к избушке ведьмы; вокруг избы – забор, на заборе торчат человеческие черепа, а в тех черепах блестят глаза и озаряют поляну; к утру глаза потухают, а с вечера снова зажигаются и светят во всю ночь. Девушка сняла один череп с горящими очами, вздела его на палку и, освещая перед собою дорогу, пустилась назад. Воротившись домой, она вошла в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее родных дочерей, так и жгут огнем: куда ни прятались бедные, глаза везде находили и к утру превратили их в черный уголь.

Такое сближение понятий света и зрения проведено в народной речи до мельчайших подробностей. Так кривого человека, лишившегося одного глаза, называют «полусветье», ибо понятие полного света соединяется с двумя глазами. Наоборот, о солнце, когда оно начинает опускаться к западу, говорят, что оно косится. Кроме того, умаление дневного света, когда заходит солнце или тучи заволакивают небо, уподобляется нахмуренным, полузакрытым очам: а) сумерки (сумрак) – время

солнечного заката; морок (обморок) – мгла, туман, облака, паморок (паморока, паморка) – пасмурная погода с мелким дождем, морочный и паморочный – пасмурный, туманный, заморочило – небо покрылось тучами или туманами; и б) мороком – незаметно, невидимо, сумериться – нахмуриваться, надвигать брови на глаза, сумеря – кто смотрит на хмурясь, сердито; подобно тому невыгляд – угрюмый человек.

До сих пор слышится в разговорной речи выражение: смотреть или нахмуриться сентябрем, т. е. смотреть исподлобья, надвинув на глаза брови. Такой суровый взгляд уподобляется сентябрьскому солнцу, отуманенному осенними облаками. Наоборот, о ненастной погоде, предвещающей дождь, говорят: небо хмурится; следовательно, облака и тучи, издревле называемые на метафорическом языке волосами, здесь сравниваются с бровями и ресницами, а солнце – с глазом.

Утрата зрения приравняется к темным тучам и непроглядной ночи. Вместе с этим, как шумно пролившийся дождь выводит из-за туч ясное солнце, или, говоря мифическим

языком, возвращает способность зрения этому всесветному глазу, и как роса, падающая на утренней зоре, предвещает скорое пробуждение солнца, так думали и верили, что весенний дождь и утренняя роса могут исцелять слепоту очей. Народная русская сказка сообщает нам предание о живой воде, возвращающей слепому царю зрение; в основе этого предания кроется древнейший миф о весеннем дожде, в ливнях которого умывается пробужденный от зимнего сна царь-Солнце. В другой сказке («О правде и кривде») упоминается гремачий ключ, наделенный чудесною силою восстанавливать потерянное зрение. «Гремачими» источниками называются те, которые, по народному поверью, произошли от удара молнии: в первоначальном значении это – дождевые потоки.

В Оренбургской и других губерниях умывают больные глаза водою, взятою из святого колодца; в Калужской и смежных губерниях страдающий глазами идет к роднику, бросает в него копейку как жертву водяному боже-ству и почерпает в склянку воды, приговаривая: «Как чиста эта вода, так были чисты и

мои очи!» Потом достает со дна источника горсть песку, с приговором: «Как здорова эта земля, так были бы здоровы и мои очи!» Песок этот прикладывают к больным глазам, а водою промывают их три раза в сутки.

Наши сказки знают могучего старика с огромными бровями и необычайно длинными ресницами; брови и ресницы так густо у него заросли, что совсем затемнили зрение; чтобы он мог взглянуть на мир божий, для этого нужно несколько силачей, которые бы смогли поднять ему брови и ресницы железными вилами. Этот чудный старик напоминает малороссийского вия – мифическое существо, у которого веки опускаются до самой земли, но если поднять их вилами, то уже ничто не утаится от его взоров; слово «ви» означает: ресницы. В таком грандиозном образе народная фантазия рисовала себе бога-громовника (деда Перуна); из-под облачных бровей и ресниц мечет он молниеносные взоры и посылает смерть и пожары. Иногда вместо длинных ресниц и бровей, закрывающих глаза громовника, служит ему повязка, т. е. облачный покров. Тождественные пред-

ставления, созданные фантазией для «ночи» и «грозы», повели к слиянию этих различных явлений природы в области мифа.

То, что прежде говорилось о небесных очах, впоследствии понято буквально – перенесено человеком на самого себя. Знойный блеск солнечного ока производит засуху, неурожай и болезни; сверкающие взоры Перуна посылают смерть и пожары, та же страшная сила усвоена и человеческому зрению. Отсюда родилась вера в призор или сглаз, общая всем индоевропейским народам.

Недобрый глаз влечет за собою болезни, убытки и разного рода несчастья, и такое действие его не зависит даже от воли человека. Недобрыми очами считаются: а) косые, б) выглядывающие из-за больших, нахмуренных бровей, с) черные (бойся черного да карего глаза; черный глаз – опасный) и d) глаза, чрезмерно выкатившиеся или глубоко впавшие. Косые глаза придают лицу неприятное выражение; старинному человеку они напоминали солнечный закат, умаление дневного света, близящееся торжество нечистой силы. Поэтому слову «прикос» дается значение «сглаза»

(оприкосить – сглазить, оприкосливый – боящийся дурного глаза, порчи; коситься на кого – смотреть неприязненно); в заговорах просят защиты «от уроков и прикосов».

Способностью зрения, по понятиям язычников, наделяли человека боги света и добра; с недостатком и еще более с отсутствием этого дара соединялась мысль о нравственном несовершенстве, лукавстве и злобе. Оттого косою употребляется в смысле дьявола: «Косою те возьми!» Между другими зловещими приметами издревле признавалась и встреча с слепцом. Еще теперь слепота нередко принимается за верный признак связей с нечистой силою: от слепого знахаря ограждаются заклятиями; о нечуй-траве рассказывают, что ее могут находить только слепые от рождения – в глухую полночь под Васильев вечер, когда нечистые духи, гуляя по рекам и озерам, разбрасывают эту волшебную траву.

Нахмуренные брови, как метафора потемняющих небо облаков, и глаза, светящиеся из-за этих бровей – из глубоких впадин, или глаза черные, навывкате, яркий блеск которых особенно живо напоминал молнию (припом-

ним выражения: «сверкающий взор», «молниеносный взгляд», «метать стрелы из глаз»), должны были получить тот же демонический характер, какой обыкновенно соединялся с тучами. У колдунов и ведьм, заправляющих грозами и бурями, по народному поверью, «недобрый» глаз.

Недобрые глаза считаются завистливыми, потому что зависть невольно обнаруживается во взорах, пристально обращенных на предмет желания; почему зариться означает: сильно желать, завидовать, зазорный – завидливый; глаза разгорелись, т. е. жадно смотрят; «у него черный глаз» = он полон зависти.

И сон и смерть равно смежают очи, равно лишают их дневного света. Признанные в мифических представлениях как родные братья, сон и смерть дали обильный материал для сравнения естественных явлений природы с спящим и умирающим человеком. Мы уже указали, что в закате солнца предки наши усматривали его сон, а в восходе – пробуждение; но рядом с тем существовало и другое воззрение, будто солнце, нарождаясь ежедневно, восходит поутру прекрасным младен-

цем, мужает в полдень и к вечеру умирает дряхлым стариком.

Очевидная для всех аналогия небесного света с светом обыкновенного огня повела ко многим весьма знаменательным мифическим сближениям, которые главным образом и придали стихии земного огня священный характер. Солнце, луна, звезды, зоря и молнии противодействуют тьме под небесным сводом – точно так же, как горящая лампада или свеча под домашнею кровлею.

Между нашими поселянами существует поверье, в котором нельзя не признать отголоска глубокой древности, что каждое светило имеет своего ангела: один ангел носит по небу солнце, другие луну и звезды; вечером всякий ангел зажигает свою звезду, как лампаду, а перед рассветом тушит ее. Звезды простой народ называет божьими огоньками. О месяце народная загадка говорит: «За морем (или: на небе) огонь добро-ясно горит», а поэты продолжают называть луну «ночною лампадою». В одной песне тоску ющая девица умоляет Бога засветить на небесах восковую свечу, чтобы ее милый мог переправиться че-

рез Дунай-реку. Старинное поучение уверяет, что солнце, луна и звезды сотворены Богом «из неведущего, рекше: негасимого огня». «Что без огня горит?» – спрашивает народная загадка и отвечает: солнце; а сказки повествуют, как ходил добрый молодец к Солнцевой матери за разрешением заданных ему вопросов и как вынужден был спрятаться в ее теремах под золотое корыто, чтоб не сожгло его Солнце, воротившееся из дневного странствования.

Молнии также уподоблялись горящим светочам. Народная загадка изображает «грозу» в такой поэтической картине: «гроб плывет, мертвец поет, ладон пышет и свечи горят»; гроб – туча, песнь – гром, свечи – молнии.

С светом и теплотой первобытные народы связывали идею жизни, а с отсутствием того и другого – идею смерти. При вечернем закате, при наплыве туч и во время затмений солнце казалось потухающим; а когда огонь гаснет – это и есть для него смерть.

Дневное движение солнца играло весьма важную роль в древнейших верованиях, отголосок которых замечаем в доселе уцелевшем

пристрастии раскольников к церковным выходам (с Евангелием и дарами) посолонь и в некоторых народных обычаях и приметах. На свадьбах жених и невеста, их родичи и гости выходят из-за стола «по солнцу»; купленную скотину покупщик трижды обводит около столба «по солнцу», чтобы она пришла к нему на счастье; гадая о чем-нибудь, поднимают на пальцах ржаной хлеб и смотрят: в какую сторону станет он вертеться?

Если «по солнцу» – задуманное сбудется, и нет – если «против солнца». Солнечным движением определились страны света: а) восток (области, веток, сток) от глагола теку – иногда заменяется словами «всход» и «солновосход», из которых последнее означает также «утро». Это сторона, где рождается солнце, откуда несет оно дневной свет и жизнь миру, и потому сторона – счастливая, благодатная. Сербь говорят: «Солнце на восход, а Бог на помощь!» Пословица: «Взойдет солнце и к нам на двор» у всех славян употребляется в смысле: будет и нам счастье (см. выше). Но обращались и продолжают обращаться с молитвами и заклятиями; заговоры большею частию и начинают-

ся эту формулюю: «На заре было на утренней, на востоке красна солнышка». На восток строятся храмы; в старину покойников полагали лицом к востоку – в ожидании великого утра всеобщего воскресения мертвых, знаменем которого служил ежедневный восход (= пробуждение) накануне почившего солнца. С востоком со единялось представление рая, блаженного царства вечной весны, неиссякаемого света и радостей. Наоборот, б) запад (от глагола: западать) называют «заход» и «солносяд» и связывают с ним идею смерти и ада, печального царства вечной тьмы. Где умирало солнце, туда – казалось древнему человеку – удалились и все усопшие предки, там ожидает судьба и его по смерти. По сказанию Иосифа Волоцкого о ереси жидовствующих, новгородский архи епископ Геннадий приказал посадить уличенных еретиков на коней – лицом к лошадиным хвостам, «яко да зрят на запад в уготованный им огонь». В послании другого новгородского архиепископа – Василия сказано, что рай был насажден на востоке, «а муки и ныне суть на западе». Любопытна народная примета: когда корова принесет

теленка, то прежде всего обращают внимание, как он лежит: если голова его обращена к востоку – теленок вырастет, а если на запад – то непременно падет; с) юг крестьяне называют «солнопек» (солнопечный – знойный, солнопека и пекунство – место, открытое для солнечных лучей) и полдень: это сторона, где полуденное солнце блестит наиболее ярким светом и откуда веют теплые весенние ветры. Паисиевский сборник (в «Слове св. Григория») указывает на требы, совершаемые огню как эмблеме солнца («огнь творит спорыню, сушит и зреет» нивы); d) Север же – сторона холодных ветров, зимней вьюги и ночного мрака; на областном языке она называется «полночь» и «сивер»; сравни с словами: сиверко – холодно, сивер и сиверик – холодный, резкий ветер, сиверка – ветреная, сырая погода. Как восток противоплагается западу, так юг – северу; подобно западу, север в народных преданиях представляется жилищем злых духов; по поверью, не должно ставить ворот на полночь, не то нечистая сила выживет из дому.

С рассветом дня соединяется все благое,

все предвещающее жизнь, урожай, прибыль, а с закатом солнца, с ночью – все недоброе: смерть, бесплодие, убыток, несчастье. Отсюда объясняется и поговорка, так часто повторяемая в наших сказках: «Утро вечера мудренее», т. е. при солнечном восходе всякое дело, всякий подвиг совершаются удачнее.

Народные приметы дают обильные свидетельства: солнышко закатилось – не бросай на улицу сора, пробросаешься = разоришься; не починай тогда и новой ковриги, а то хлеб будет не спор, да, пожалуй, и все хозяйство расстроится. Если уже необходимо приняться за ужин за целый хлеб, то первую отрезанную горбушку не едят, а после трапезы приставляют ее к початой ковриге, чтоб она казалась нетронутой. Отдавать деньги к ночи – нехорошо, не будут водиться; по захождении солнца крестьяне, из боязни обеднеть, не сводят счетов, не ссужают в долг и не дают из дому никакой вещи. Не гляди в окно до утренней зори – грешно; не оставляй на ночь на столе нож – лукавый зарежет. Когда мать купает ребенка на ночь, то не должна выливать воды до утреннего рассвета; несоблюдение

этого правила может повредить ребенку. На ночь следует покрывать кадку с водою и кринки с яствами, чтобы не нагадил в них нечистый.

По солнечному движению человек определил и свое собственное отношение к окружающему миру, что очевидно из совпадения понятий левого с северным и правого с южным. Указанная противоположность юга и севера сочеталась в народных поверьях и с сторонами правой и левой. По убеждению простолюдина, с правой руки человека стоит добрый ангел, а с левой – злой; не плюй направо, чтобы не отогнать от себя ангела-хранителя; плюнешь налево – попадешь в черта, и потому советуют, вставая поутру с постели, плевать в левую сторону и растирать слюну ногою: этим средством прогонишь нечистого, и в тот день он уже не будет записывать за тобою грехи. Спать на правом боку почитают за грех, ибо можно задавить ангела-хранителя (Полтавская губерния). Вставать с постели должно правою ногою, встанешь левою – весь день будешь не в духе: брюзглив и невесел; обуваясь и снимая обувь, следует начинать с

правой ноги; кто, входя в дом, ступит наперед правую ногою, того ждет хороший прием; при древних гаданиях славяне наблюдали, какую ногою переступит священный конь через положенные жерди – правой или левой, и в первом случае ожидали успеха, в последнем – неудачи; кто упадет на правый бок – тому не будет помехи в делах, а кто на левый – того ждет беда.

Увидать народившуюся луну с правой стороны – знак, что получишь неожиданную прибыль или в продолжение целого месяца будешь счастлив во всех предприятиях; а кто усмотрит ее слева, тот испытает неудачи. Крик и полет вещей птицы с правой руки принимался у славян, немцев, греков и у других народов за счастливую примету, и наоборот, если предвещание шло с левой стороны. Чешется правый глаз – на милого смотреть, левый – к плачу; чешется правая ладонь – получать деньги (прибыль), левая – отдавать (убыток); правое ухо горит – слышать добрые вести или похвалу, левое – слышать худые вести и брань; в правом ухе звенит – вспоминают друзья, в левом – корят недруги, и т. д.

Поэтические представления о рождении и смерти солнца были прилагательны и к судьбам его в течение года. Потеря солнцем плодотворной теплоты и помрачение его блеска в осенние и зимние месяцы послужили основой мифа, что светило это с окончанием летнего времени утрачивает свои силы и погибает (= гаснет). С поворотом на зиму (в июне) оно видимо стареет и начинает уступать демонам тьмы: дни сокращаются, ночи увеличиваются; одряхлевшее, оно умирает. Но при следующем повороте (в декабре), вместо старого солнца нарождается новое.

Рядом с указанным представлением о возрождении солнца было другое, совершенно аналогичное с первым, что при повороте на лето оно воскресает к новой жизни. Как слово «погаснуть» метафорически означает умереть, так выражение «возжечь пламя» должно было получить значение ожить, восстать от смерти, что и подтверждается на самом деле; ибо воскресать (вскрешати, крьснти, кресити) происходит от крес – пламя, огонь. Вновь народившееся или воскресшее светило постепенно крепнет в своих силах; боже-

ственный младенец растет и мужает и при начале весны является прекрасным и могучим юношею. С весенним солнцем нераздельно понятие молодости; народные сказания изображают его в грозовой обстановке: оно купается в живой воде дождевых потоков, очищается в блеске молний и, просветленное, несет миру дары плодородия. Когда солнце закрывается белыми = летними облаками, оно, по народному выражению, замолодело. В грозе видели его благодатное обновление: погашаемый демонами мрака (= тучами), светильник солнца снова возжигается молниеносным Перуном, разгоняющим враждебные рати нечистых духов.

У нас до сих пор в некоторых деревнях крестьяне выходят встречать новый месяц и обращаются к нему с мольбами о счастье, здоровье и урожае; иные уговариваются с священниками освящать у них на дому воду в первый воскресный день по новолунии в продолжение целого года (Черниговская губерния). Как с восходом солнца связывались добрые предвещания, а с закатом – худые, так и месяцу придано счастливое значение в пери-

од его возрастания (от рождения до полнолуния), и несчастливое – в период ущерба. Когда увидят в первый раз молодой месяц, то нарочно хватаются за карман или вынимают оттуда деньги и «кажут их месяцу» – верят, что после этого богатство станет возрастать и деньгам перевода не будет. О ребенке, родившемся в новолуние, думают, что он долговечен.

Время возрастания луны считается у наших крестьян наиболее удачным для начала работ и предприятий, а время ущерба – менее или и совсем неблагоприятным. Свиней стараются резать в полнолуние – в том убеждении, что тогда туши бывают полнее, а во время ущерба умяляются. И всякую другую скотину лучше колоть в полнолуние; на исходе же месяца она бывает худее и в костях ее меньше мозга. При стареющем месяце, а равно и в день лунного и солнечного затмения не начинают посевов. Постройку избы не советуют начинать во время лунного ущерба – не будет добра; рубить строевой лес и хворост для плетня и складывать печи должно в новолуние: тогда червь не будет точить дерева, ха-

та будет тепла и не станет гнить. Отдел сыновей на особое житье совершается обыкновенно во время новолуния – для того, чтобы имущество нового хозяина так же прибывало и увеличивалось, как увеличивается молодой месяц.

О звездах также думают, что более яркий блеск их сулит плодородие. Ясное, звездное небо 24 декабря обещает в будущее лето изобилие ягод и грибов; на Рождество, Новый год и Крещение звезды ярким сиянием предвещают хорошее роенье пчел и урожайный год; особенно же сиянию звезд приписывают урожай гречихи и приплод овец. Есть даже поговорка: «Ярки звезды породят белые ярки (ягнята)», на создание которой оказал несомненное влияние язык. Яркий блеск звезд пророчит плодovitость (ярость – похоть): урожай ярового хлеба, счастливое роенье ярых пчел и умноженье ягнят (ярок). В половине февраля овчары окликают звезды: «Ты освети, звезда ясная, негасимым огнем бело-ярых овец у раба Божиего (имярек). Как по поднебесью звездам несть числа, так бы у раба Божиего (имярек) уродилось овец более то-

го».

Тесная связь, в какую поставил язык понятия небесного света и земного огня, выразилась в мифе о родстве этих стихий. Небо имело двух детей: Солнце и Огонь. По свидетельству Ипатьевской летописи, указанному впервые Шафариком, у Сварога (неба) был сын Дажьбог (солнце); а в Слове христюбца сказано: «...и огневи молятся, зовут его Сварожичем». Эта отечественная форма указывает, что Огонь был также принимаем за сына Сварога.

Отождествляя земной огонь с небесным светом, фантазия усвоила за ним то же самое уподобление глазу. Народная загадка «Днем спит, ночью глядит» означает «огонь от свечи». Болотные (блуждающие) огни белорусы представляют одноглазыми малютками: глазки их сверкают, как огонек. Наоборот, другие предания, уже приведенные выше, рассказывают о глазах, которые светят в ночной тьме и производят пожары.

Уподобление небесного света блеску металлов повело к созданию разнообразных мифических представлений. Всех светлых богов

своих человек наделил золотыми и серебряными атрибутами, потому что боги эти обитали на небесах и олицетворяли собою блестящие светила и сверкающие молниями облака. Эпитеты «золотой» и «серебряный» остаются за ними при всех превращениях: примет ли божество образ быка – оно является туром – золотые рога; если обернется конем – то непременно златогривым и златохвостым, если вепрем – то с золотой и серебряной щетиной, если птицею – то с золотыми перьями (жар-птицею) и т. д.

В этом отождествлении неиссякаемого богатства солнечного света, каждое утро вновь возрождающегося на востоке, с золотом кроется основание веры в «неразменный червонец», который сколько ни трать – он все цел. Аналогичное с этим поверьем предание о «неисчерпаемом кошельке (или кошельке-самотресе), из которого сколько ни бери, он все полон золотом, объясняется из поэтического представления тучи, закрывающей небесные светила и рассыпающей золотистые молнии, сумкою или мешком.

Народные сказки, изображая блаженную

страну весны, говорят о садах с золотыми яблоками, об источниках, текущих серебром и золотом, о дворцах медном, серебряном и золотом, хранящих несметные сокровища. По славянским преданиям, Солнце живет на востоке в золотых палатах; на праздник Купалы оно выезжает на небесный свод на трех конях: серебряном, золотом и бриллиантовом. Красная девица Зоря, по свидетельству заговоров, восседает на золотом стуле, держа в руках серебряное блюдо (= солнце); древние греки давали ей название златотронной.

К месяцу русские заговоры обращают такое воззвание: «Месяц, месяц-серебряные рожки, золотые твои ножки!» По выражению песни, «у молодого месяца перво-золоты рога». На основании внешнего сходства в оконечностях молодого, серповидного месяца фантазия признала его золотые ноги или рога, – точно так же, как в лучах, бросаемых восходящим солнцем, усматривала она простираемые из мрака руки, которыми дневное светило силится захватить небо.

Как золото и серебро служили для обозначения небесных светил и молнии, так, с дру-

гой стороны, этим металлам были придаваемы свойства, принадлежащие свету и огню. «Не все то золото, що ся светить», – говорит пословица, приписывая золоту способность светить. Народная загадка спрашивает: «Что горит без пламени?» – и отвечает: золото или деньги; другие загадки прибегают к той же метафоре: «Чернец-молодец по колена в золоту стоять» – горшок в жару; «Полна коробочка золотых воробышков» – горячие уголья в печке; «Сидит курочка на золотых яичках, а хвост деревянный» – сковорода на горячих угольях и сковородник; «Вышла таторья из подполья, зачала золото загребать» – помело и жар в печи; «Колокольня нова, колокольня бела, под маковкой черно, маковка золота» или «Горенка нова, головка черна, шапочка золоченая» – зажженная свеча; «На улице анбар, в анбаре сундук, в сундуке синь плат, в синем плату золото» – дом, печь и огонь.

В одной из русских сказок копейка, заработанная долгою и трудною службою, горит пламенем, так что от нее можно зажечь свечу; в другой сказке черт дает человеку кулек жару, а потом в кульке оказывается чистое

золото. Наоборот, в других народных рассказах деньги, полученные от нечистого, превращаются в уголья.

И немцы, и славяне равно убеждены, что клады, заключающие в себе золото, серебро, деньги и разные драгоценности, испускают от себя огненный блеск; на том месте, где зарыт под землю клад, всегда горит огонек или свеча. Рассказывают, что многие, которым удалось находить клад, решались брать себе золото, но вместо денег приносили домой одни уголья. Собственно, предания о кладах составляют обломки древних мифических сказаний о небесных светилах, скрывааемых нечистою силою в темных пещерах облаков и туманов; но с течением времени, когда народ утратил живое понимание метафорического языка, когда мысль уже не угадывала под золотом и серебром блестящих светил неба, а под темными пещерами – туч, предания эти были низведены на землю и получили значение действительных фактов. Так было и со множеством других верований; небесная корова заменилась простою буренкою, ведьма-туча – деревенскою бабою и т. д.

Подобно тому как в солнечном и лунном затмениях видели недобрые знамения, так то же предвещание связывали и с серебряными и золотыми вещами, оставленными любимым человеком при отъезде его в чужедальную сторону: когда металл тускнел, это принималось за верный знак, что дорогой странник погиб смертью или ему грозит великая опасность.

В народных представлениях адских мук, при распределении грешникам соразмерных наказаний, жадные ростовщики, загребавшие в сей жизни серебро и золото, на том свете караются по закону возмездия тем, что обязаны загребать голыми руками жар.

В связи с указанными данными стоят поверья о «воспалительных» болезнях. Чем древнее, первоначальное предание, тем оно живее переносит нас в глубь наивных младенческих воззрений язычника, тем полнее и ярче обнаруживается могущественное влияние слова. Болезни, рождающие в человеке сильный внутренний жар и сыпь по всему телу, народная фантазия сблизила с огнем; на такое сближение навело самое свойство того бо-

лезненного ощущения, которому подвергается захворавший. Красные пятна сыпи называются у нас огонь, огневики; горячка (от гореть) уже названием своим указывает на возбуждаемый ею жар; в областных наречиях ей придаются следующие синонимические названия: огнева (огневка, огневица) и палячка (от палить, палючий); точно так же «летучая лихорадка» слывет под именем огни, а в заговорах упоминается «седьмая» лихорадка – огненная: «та есть злая, лютая и проклятие всех». Сравнивая действие воспалительных болезней сжигающим огнем, народ необходимо должен был сблизить их с золотом и сочетать с ними эпитеты: желтый и красный, так как понятия огня, света и золота отождествлялись и в языке и в мифе. Одна из семи сестер-лихорадок (именно: пятая) в заговорах называется златеница и желтыня (желтуха, желтая); болезнь золотуха известна между крестьянами еще под следующими именами: красуха, огника, огница. По народному поверью, смерть от оспы должно почитать за особенное счастье: кто умрет от оспы, тот будет на том свете ходить в золотых ризах; каждая

оспинка на его теле обратится в блестящую жемчужину (Нижегородская губерния). Потому во многих губерниях крестьяне, особенно староверы, считают за грех прививную оспу и называют ее Антихристовою печатью; не раз случалось, что отцы и матери откупались деньгами, чтобы только не видеть на своих детях привитой оспы, или тотчас после прививки смывали ее в бане.

Этим взглядом на воспалительные болезни определились и употребляемые против них врачебные средства. Когда покажется на теле сыпь, берут кремень и огниво и высекают над болячками огонь, с приговором: «Огонь, Огонь! возьми свой огник». Глубочайшая древность этого обряда свидетельствуется тем, что в Ведах находится подобное же заклятие против болезни такман воспаляющего свойства: «Ты все тело творишь желтым, мучишь палящим огнем. Агни! прогони такман». Агни – первоначально бог небесного пламени, возжигаемого в грозových тучах, и потом бог земного огня; искры, высекаемые из кремня, были эмблемою его сверкающих молний. Метатель убийственных стрел, он

карал смертных, отмечая их своими огненными знаками (язвами) и зажигая в их теле жгучее пламя болезни, и потому к нему обращается молитва затушить внутренний жар больного = взять назад свой огник.

Солнце и богиня весенних гроз

Кругловидная форма солнца заставляла древнего человека видеть в нем огненное колесо, кольцо или щит. Колесо, старин. коло, означает круг (около – вокруг); уменьшит. кольцо – звено цепи, металлический кружок, носимый на пальце; коло у нас употребляется в значении колеса (в машинах), а у других славян в значении хороводной пляски – точно так же, как слово «круг» означает в областных наречиях и колесо и хоровод, почему и хороводные песни называются круговыми; колесо служит метафорой и для серьги: «под лесом-лесом (= волосами) колеса с повесом». Впечатлительная фантазия первобытного народа быстро схватывала всякое сходство. Колесо, обращающееся вокруг оси, напоминало ему движущееся по небесному своду солнце, которое в одной народной загадке названо птицею-вертеницею, а в другой – шаром вертлянским: «По заре зарянской катится шар вертлянский; никому его не обойти и не объе-

хати». О наступлении ночи до сих пор выражаются: «солнце закатилось»; в старинном апокрифе сказано, что «триста ангелов солнце воротят».

Поэтическое представление солнца огненным колесом вызвало обычай зажигать в известные годовые праздники колеса – обычай, доселе соблюдаемый между немецкими и славянскими племенами. Это бывает: а) в начале весны (на Масленице или на Светлой неделе), когда возжжение колеса служит символом возрождения солнца, после зимней его смерти, и б) на Иванов день, когда солнце, достигнув высшей точки своего течения, поворачивает с лета на зиму.

Русские поселяне, встречая во время Масленицы весеннее солнце, возят сани, посреди которых утверждён столб, а на столбе надето вертящееся колесо. В Сибири сажают на это колесо парня, наряженного в женское платье и кокошник, что согласно с нашими народными преданиями, олицетворяющими солнце в женском образе; в Виленском повете вместо того привязывают к колесу чучело, которое и вертится на нем. Поезд сопровождает-

ся песнями и музыкой; в иных местах славят при этом Коляду, т. е. новорожденное солнце, и палят солому.

В некоторых местностях Малороссии существует обычай, который состоит в том, что на праздник Купалы откатывают от зажженного костра колесо, выражая таким символическим знаком поворот солнца на зиму. То же выражалось и сейчас описанным скатыванием огненного колеса в реку: после поворота своего летнее солнце начинало пускаться с вершины небесной горы, и горячие лучи его точно так же погашались в дождевых потоках наступавшей осени, как пламя спущенного с горы колеса умирало в волнах реки. Разводимые на Иванову ночь костры нередко возжигаются пламенем, нарочно добываемым чрез трение сухого дерева о старое колесо. Кроме описанных нами праздничных обрядов, можно указать и на другие следы суеверного уважения к колесу как эмблеме солнца.

В Ишимском уезде уцелела поговорка: «Жили в лесу, молились колесу». В Тамбовской губернии протаскивают маленьких щен-

ков сквозь жерло колеса для того, чтобы они не могли впоследствии сбеситься; а в Смоленской губернии ни за что не станут жечь в печи старых изломанных колес, чтобы овцы не страдали кружением, вертячкою (известная болезнь у овец). Заболевших «куриною слепотою» заставляют смотреть в ступицу старого колеса и надеются, что чрез это восстановится утраченная сила зрения: всепросветляющий, колесу подобный глаз-солнце избавит больного от слепоты – так же, как избавляет он мир от ночной тьмы.

Как колесо помогает от куриной слепоты, так золотое кольцо охраняет зрение от вредного действия оспы и кори. Оба слова, «колесо» и «кольцо», лингвистически тождественны, и в означенном поверье золотое кольцо есть символ солнца.

Блестящие небесные светила: солнце, луна и звезды казались поэтической фантазии древнего человека дорогими самоцветными камнями, украшающими свод небесного чертога. Жилища богов, по мнению язычников, сияли златом, серебром и алмазами.

Вместе с олицетворением божественных

сил природы в человеческих образах блестящие светила стали рассматриваться как драгоценные наряды: солнце явилось чудесным перстнем на руке бога, ночное небо – великолепной мантией, усыпанной бриллиантами-звездами и застегнутой на груди запонкою-месяцем; богиня Весна, срывая туманные покровы, облакающие мир в зимнюю половину года, убирается в одежды, украшенные золотом, серебром и самоцветными камнями. Так понятия совершенно различные, будучи сближены между собою ради сходства только некоторых признаков, взаимно переплетаются и ведут к сложным и запутанным представлениям в области народных верований.

Древние поэты любили изображать солнце блестящим, небесным щитом. В старинной русской сказке о богатыре Еруслане выведен на сцену вольный царь Огненный Щит, выезжающий на восьминогом коне, подобно скандинавскому Одину, у которого был превосходный конь Слейпнир о восьми ногах. Вот это замечательное предание: во время отсутствия Еруслана пришел в его родную землю враг, разорил города, взял в плен отца Ерусланова

и двенадцать других богатырей, выколол им глаза и посадил в темницу. Когда Еруслан узнал о таком несчастье, он поехал за тихие воды, за теплые моря – к вольному царю Огненному Щиту и Пламенному Копию. Царь этот, по свидетельству сказки, ни в огне не горит, ни в воде не тонет; он испускает из себя пламя и пожигает своих врагов. На картине, оттиснутой в лубочном издании сказки, вольный царь изображен на коне; голова его увенчана короною, в руках – круглый щит, подобно солнцу испускающий во все стороны огненные лучи, и копье, на острие которого горит пламя. На пути Еруслан достал себе славный, богатырский меч, тем мечом рассек вольного царя надвое, вспорол у него могучую грудь и вынул желчь; совершивши подвиг, он возвращается назад, мажет добытою желчью слепые глаза своему отцу и его двенадцати богатырям – и они тотчас же прозревают. Все эти сказочные подробности не оставляют ни малейшего сомнения, что под именем вольного царя выведено здесь древнее божество грозового, облачного неба, тождественное с греческим Зевсом и немецким

Одином; живет он за теплыми морями = дождевыми тучами, молния – его пламенное копье, а солнце – его огненный щит.

Во время грозы, которая обыкновенно уподоблялась битве, солнце, охваченное облаками, казалось бранным снарядом в руках небесного бога. Тем же щитом вооружаются и другие мифические представители грозовых туч; так в одной русской сказке Баба-яга, преследуя своих врагов, палит огненным щитом на все на четыре стороны. Рядом с указанными представлениями сказка об Еруслане воспользовалась и другими поэтическими образами, созданными фантазией под непосредственным влиянием метафорического языка, и сплотила их в одно целое.

Когда дневное светило закрывалось тучами и погружало весь мир в слепоту (= во мрак), воображению древнего человека оно представлялось желчью, скрытою в недрах могучего царя, владыки облачного неба. Чтобы добыть этой желчи и вернуть миру свет зрения, нужен был несокрушимый меч Перуна, т. е. молния, разбивающая тучи и выводящая из-за них солнце. Такой подвиг сказ-

ка приписывает святорусскому богатырю Еруслану, наделяя его сверхъестественною силою бога-громовника. С необыкновенною смелостью и художественным тактом сумела она соединить в одной поэтической картине три различных уподобления солнца – всевидящему глазу, небесному щиту и желчи, и в этом сочетании разнородных представлений особенно ярко заявила ту прихотливую игру творческой фантазии, которой мы обязаны созданием многих мифов. Из одного источника с разобранною нами баснею возникло и народное поверье, признающее желчь за лучшее лекарство в глазных болезнях.

Круглый диск солнца уподобляли еще человеческому лицу. Стих о Голубиной книге говорит, что «солнце красное создалось от лица божьего»; согласно с этим и сам белый свет (первоначально свет солнечных лучей, а потом уже – мир, озаряемый небесным светом = Вселенная) зачался от лица божьего, т. е. от солнца, и от луны, как сказано в одном варианте того же стиха. Это представление солнца ликом божества, созерцающего с небесной высоты землю, известно было и

классическим народам, и немецким племенам.

Календарное обозначение солнца и луны человеческими лицами коренится в преданиях глубочайшей древности. Яркие лучи, испускаемые солнцем, породили представление о светлом нимбе, которым окружен его прекрасный лик, или о блестящей короне, которая венчает голову небесного бога. Так как в солнце с одной стороны видели драгоценный камень, украшающий небо, а с другой – верховного властелина мировой жизни, царя Вселенной, то ничего не было проще и естественнее, как дать ему золотой царский венец, убранный дорогими, самоцветными камнями.

Смотря по различным уподоблениям солнца, менялись и поэтические представления, соединяемые с его лучами: в солнце-колесе лучи казались блестящими спицами (*лат. radius* – луч и спица у колеса), а в применении к солнцу – божьему лику – не только светлым нимбом, но и золотыми волосами (*jubar* и *jubatus* – имеющий гриву). Почти у всех индоевропейских народов солнцу дается

эпитет златокудрого.

В сказаниях народного эпоса часто встречаются герои и героини с золотыми и серебряными волосами. Русская сказочная царевна Золотая коса, непокрытая краса, поднимающаяся из волн океана, есть златокудрый Гелиос. Эпическое выражение «золотая коса, непокрытая краса» весьма знаменательно. Сказочная царевна-солнце в преданиях всегда является ненаглядной и неописанной красавицей. «Непокрытая краса», т. е. не затемненная туманами и тучами, которые принимались за покровы, и потому именно блистающая своею золотою косою. Соответственно колебаниям в древнейших представлениях солнца то юношею, то девою, и в народных сказках оно является не только царевною – золотые кудри, но и злато власым добрым молодцем. Общераспространенный миф, что Солнце, рожденное поутру прекрасным ребенком, ввечеру погружается в океан дряхлым старцем, выразился в русском народном эпосе созданием дедушки – золотой головушки, серебряной бородушки.

В древнейшую эпоху создания языка лучи

солнечные, в которых фантазия видела роскошные волосы, должны были уподобляться и золотым нитям, ибо оба понятия – и волосы, и нити – язык обозначал тождественными названиями. Сравни: кудель (кужель, куделя) – моток льна, приготовленный для пряжи, и кудеря – кудря, кудло – длинная шерсть, кудлатый – человек с всклокоченными волосами, кужлявый – курчавый, волосень – шерстяная пряжа, овечья шерсть.

Смелой фантазии первобытных народов солнце, восходящее поутру из волн воздушного океана и погружающееся туда вечером, представлялось рассыпающим свои светлые кудри или прядущим из себя золотые нити, – такое представление отозвалось и в языке: пряжа и пряжити – поджаривать на сковороде (пряженный, пряженец). Древле названное вертящимся колесом, солнце в этой новой обстановке принято за колесо прялки (spinnrad), а лучи его – за нити, наматываемые на веретено. Народная загадка прямо уподобляет солнечный луч веретену: «Из окна в окно готово веретено».

В славянских сказках сохранились воспо-

минания о чудесной самопрялке, прядущей чистое золото, о золотых и серебряных нитях, спускающихся с неба. Из этих-то солнечных нитей и приготавливалась та чудная розовая ткань, застилающая небо, которую называем мы зорею.

В наших заговорах на унятие крови находим следующие любопытные обращения к богине Зоре: «На море на океане (море = небо) сидит красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, рудо-желтую, зашивает раны кровавые». – «На море-на океане, на острове на Буяне лежит бел-горюч камень; на сем камне... стоит стол престольный, на сем столе сидит красна девица. Не девица сие есть, а мать пресвятая Богородица; шьет Она – вышивает золотой иглой, ниткой шелковою. Нитка оборвись, кровь запекись!» – «На море на океане... Мать Пресвятая Богородица шелковые нитки (*вар.* самоцветные шелки) мотает, кровавые раны зашивает; нитка оторвалась – руда унялась!» или: «На море на океане, на острове на Буяне девица красным шелком шила; шить не стала – руда перестала».

Розоперстая богиня Зоря тянет рудо-желтую нитку и своей золотой иглою вышивает по небу розовую, кровавую пелену; испрашивая у ней помощи от разных недугов и вражьих замыслов, заговоры выражаются так: «Зоря-Зоряница, красная девица, полуночница! покрой мои скорбные зубы своею фатою; за твоим покровом уцелеют мои зубы»; «Покрой ты, девица, меня своею фатою от силы вражией, от пицалей и стрел; твоя фата крепка, как горюч камень алатырь!» Этой фате даются эпитеты: вечной, чистой и нетленной. Потухающая зоря заканчивает свою работу, обрывает рудо-желтую нитку, и вместе с тем исчезает с неба ее кровавая пелена, почему народное поверье и присвоило ей силу останавливать текущую кровь и зашивать действительные раны: «Нитка оборвись – кровь запекись!» – или по другому выражению: «Как вечерняя и утренняя зоря станет потухать, так бы у моего друга милого всем недугам потухать». Из приведенных заговоров видно суеверное усвоение древнеязыческих представлений о богине Зоре – Пречистой Деве Богородице; такое смешение, очень обык-

новенное в народных сказаниях, возникло само собою, под влиянием тех тождественных названий, избежать которые не было никакой возможности.

Дева (от *санскр.* div, по закону поднятия звука *i* в долгое *e* или *ъ*) означает: светлая, блистающая, чистая, а позднее непорочная = девственная. Древнейшее значение этого слова, затемнившееся с течением времени, было подновлено постоянным эпитетом: красная. Согласно женскому олицетворению Зори и ее чистейшему блеску, она называется в заговорах красною девицей, нередко даже без указания на ее нарицательное имя. Нетленная пелена девы-солнца (= утренней или вечерней зори), спасающая от всяких бед и недугов, в понятиях двоеверного народа отождествилась с покровом пресв. Богородицы. Праздник Покрова (1 октября) установлен в царствование императора Льва, в память видения Богородицы, Которая явилась на воздухе и распростерла над Царь-градом Свой покров, как знамение небесной защиты города от сарацин (*сравни:* покров и покровительство). Этому церковному преданию новообращенные сла-

вяне придали свои народные краски.

Весна на поэтическом языке есть утро года; подобно зоре, выводящей ясное солнце из темных затворов ночи, она выводит его из-за туманов зимы. Ночь, тучи и зима постоянно отождествляются в языке и в мифических сказаниях, и потому та же богиня, которая лучами восходящего солнца прогоняет ночную тьму, являлась народной фантазии и в битве весенних гроз, дарующих победу солнечному свету над зимними сумерками. Только испугавшись в утренней росе или в дождевых потоках, солнце обрело утраченный блеск и восходило на небо несказанной красавицей. Под влиянием таких воззрений дева Зоря, или весеннее солнце, получила характер богини-громовницы, разящей тучи и проливающей дожди.

В народных песнях слово «ладо» до сих пор означает нежно любимого друга, любовника, жениха, мужа, а в женской форме (лада) – любовницу, невесту и жену; с тем же значением слово это встречается и в известном причитании Ярославны и в другом месте сказания о походе северских князей: «Жены русские

всплакашась, аркучи: уже нам своих милых лад (мужей) ни мыслью смыслити, ни думою судумати, ни очима сглядати». С одной стороны, наряд нашей Царь-девицы сияет ослепительным блеском солнечных лучей, красота ее очаровательна, а капли утренней росы называются ее слезами; с другой – она выступает воинственной героинею, носится в бурях и грозе по небесным пространствам и гонит дождевые тучи. В весеннюю пору прекрасная богиня Лада вступала в брачный союз с могучим громовником, слала на землю благодатное семя дождей и оживляла природу. В этом смысле, как Фрея у немцев, так Лада у славян и литовцев почиталась покровительницею любви и браков, богинею юности, красоты и плодородия, всещедрою матерью.

В Подольской губернии около Межибожья на праздник Пасхи (светлого воскресения природы) крестьяне еще недавно воспевали царевну Ладу, а под Брестом-Литовским – королевну Ладу; 29 июня крестьяне, выходя на пригорки смотреть, как играет восходящее солнце, сопровождают слова обрядовой песни припевом: «Ой, Ладо!»

Указанные выше понятия красоты, любви и прочие суть производные, возникшие вследствие древнего воззрения на стихию света как на источник всего прекрасного и нравственно чистого. Не одни солнечные лучи уподоблялись золотым волосам и нитям; та же метафора прилагалась и к молниям, и потому естественно было в блеске сверкающих молний признать работу искусных карликов, приготовляющих богине золотые кудри.

Особенно же уважаются в народе издревле двенадцать пятниц, которые бывают перед большими праздниками: а) перед Благовещением, б) первая и с) десятая после Воскресения Христова, d) перед Троицею, e) Успением Богородицы, f) Ильиным днем, g) праздником Усекновения главы Иоанна Предтечи, h) Воздвижением, i) Покровом, k) Введением во храм Пресв. Богородицы, l) Рождеством и т) Крещением. До сих пор хранят и переписывают старинное сказание о двенадцати пятницах, почитаемое раскольниками наравне с Священным Писанием. Во время неурожая, засухи и сильных дождей, вредных для посе-

вов, а равно по случаю скотского падежа и появления червей были празднуемы «обетные» пятницы; в XVI веке писались в таких случаях целым миром заповедные записи. Так, крестьяне Тавренской волости (в 1590–1598 гг.) стоворились промеж себя и учинили заповедь на три года, чтобы «в пятницу ни толчи, ни молоти, ни камения не жечи»; а кто заповедь порушит, на том поправить 8 алтын и 2 деньги.

По народному объяснению, по пятницам не прядут и не пашут, чтобы не запылить матушку пятницу и не засорить ей кострикою и пылью глаз. Если бабы вздумают прясть и шить в этот день, то св. Пятница накажет их ногтеедою, заусеницею («черти будут драть с пальцев лыки») или болезнею глаз. Есть народная легенда о том, как одна баба не почтила пятницы, стала в этот день чесать кудель, и вот обуял ее сон – явилась св. Пятница в белой одежде, набрала в горсть кострики и запылила ей очи; с этого времени несчастная страдала глазами, и болезнь продолжалась до тех пор, пока не смиловалась Пятница и не очистила ее зрения от колючей кострики. По

словам духовного регламента, суеверы уверяли, что «Пятница гневается на непразднующих (ее дня) и с великим на оных угрожением наступает». В некоторых деревнях в пятницу не засиживаются долго при огне, потому что в этот день ходит по домам «св. Пятинка» и карает всех, кого застанет не спящим. В Малороссии рассказывают, что Пятница ходит по селам вся исколотая иглами и изверченая веретенами, так как много есть на земле нечестивых женщин, которые шьют и прядут в посвященные ей дни.

Именем св. Пятницы в простонародье называется мученица Параскева. В Четьях-Минях повествуется, что родители ее всегда чтили пятницу как день страданий и смерти Спасителя, за что и даровал им Господь в этот день дочь, которую они назвали Параскевой, т. е. Пятницей; в прежних наших месяцесловах при имени св. Параскевы упоминалось и название Пятницы; церкви, освященные в честь ее имени, до сих пор называются Пятницкими. 28 октября, когда чтится память св. Параскевы, поселяне кладут под ее икону разные плоды и хранят их до следующего года. В

«обетные» пятницы, собираясь праздновать в одно назначенное место, они выносят образ Параскевы-мученицы, обвешанный платками и лентами. На дорогах, при распутиях и перекрестках, издавна ставятся на столбах небольшие часовни с иконою св. Параскевы; часовни эти также называются «пятницами». В других местностях поверья, соединяемые с матушкою Пятницею, относят к Пречистой Деве; так бабы не прядут по пятницам, чтобы не запылить Богородицы, которая ходит тогда по избам; еще накануне поэтому подметают в избах полы. Равным образом запрещается прядь и в дни праздничные – это грех неотмолимый; но сматывать и сучить нитки не считается за грех. На воскресенье и другие праздники женщины не оставляют прядева на веретенах, чтобы не рвались нитки; а на Масленой неделе не прядут, чтобы мыши не грызли ниток и чтобы холсты не вышли гнилыми.

Подобно тому как атрибуты Перуна переданы были Илье-пророку, а поклонение Волосу перенесено на св. Власия, древняя богиня весеннего плодородия сменилась св. Параске-

вою и Богородицею. В те дни, когда шествует эта светлая богиня по земле, избегают работ, поднимающих пыль: нельзя чесать и пряхть лен, мыть белье, сверлить колеса, рыть, пахать и боронить землю, мести полы, толочь кирпич, очищать навоз. Избегают этих работ, чтобы не запылить светозарного лика и зорких глаз богини. Солнце, как мы знаем, представлялось божьим лицом, всевидящим оком и огненным колесом, а в потемняющих его грозových тучах древний человек видел работу неприязненных ведьм, которые, носясь по воздуху, вспахивают облачное небо, метут его помелом-вихрем, чешут и прядут облачные кудели, расстилают по небесному своду туманные ткани, моют их в дождевых потоках и вместе с тем отымают зрение у солнца, выкалывают его колесу подобный глаз.

Вместе с заменой древней языческой богини св. Параскевою и Богородицею народ приписал им и влияние на браки и земное плодородие. На праздник Покрова девицы, желающие выйти замуж, обращаются с мольбою о том к Пятнице: «Матушка Пятница Параскева! покрой меня (или: пошли женишка) по-

скорее». В Вологодской губернии девятой пятнице (т. е. на икону Покрова Пресв. Богородицы) взрослые девицы строят «обыденную пелену»: собравшись вместе, они теребят лен, прядут, ткут – и оканчивают работу в одни сутки. Выше было указано, что розовая пелена зори отождествлялась с покровом Богородицы; но та же метафора «небесного покрывала» прилагалась и к тучам, и когда весеннее солнце закрывалось дождевыми облаками, о нем говорили как о стыдливой деве, накинувшей на свою златокудрую голову женскую фату и готовящейся вступить в брачный союз с богом-громовником.

Покрытие головы сделалось признаком замужества. Только девица может ходить с открытою головою и красоваться своею русою косою; замужним строго запрещается выказывать хотя один волосок из-под платка или кички – быть простоволосою. Как «простовласие» считается за грех для замужних, так «самокрутье» (убирать голову по-бабьи) – для девиц. В последние времена перед кончиною мира, когда настанет общий разврат, бабы будут простоволоски, а девки – самокрутки.

Арабский писатель XIII века так описывает брачный обряд у славян: «Если кто чувствовал склонность к какой-нибудь девице, то набрасывал ей на голову покрывало – и она беспрекословно становилась его женою». То же воззрение высказывается в слове «покрытка», которым в Малороссии клеймят девицу, потерявшую невинность. Окручивание невесты составляло в старину существенную часть свадебного обряда; в захолустьях русских деревень и доныне невеста во время венчания стоит покрытая с головы до ног. Пока весеннее солнце не вступает в брак с богом грозных туч, оно является прекрасною невестою, блистающею золотыми кудрями, на радость всему миру; чистота его сияния намекала древнему человеку на чистую, незапятнанную девственность. Поэтому распущенная, открытая коса принята за символ девственности, и после венчания ее навсегда покрывает бабья кичка; свадебные обряды наглядно указывают на такое значение косы: жених обязан купить косу невесты, и сама невеста прощается с своею косою, называя ее «красой девичьей». Вот почему отрезать у девицы косу –

значит ее обесчестить. В былое время помещики наши наказывали так своих сенных девиц, не устоявших против внушений любви.

Необоримая сила языка, влиявшая на создание человеческих верований, обнаруживалась всюду, где только был к тому малейший повод. Снег, устилающий поля в зимние месяцы, возбуждал представление о белом покрове, в который одевается земля. Народные загадки называют снег скатертью: «У нас на молоду (при начале зимы) скатерть бела весь мир застлала (или: одела)»; «Матушкина столечника не скатаешь». Согласно с представлением, что зима есть смерть природы, покров этот называется саваном: «Ни хилела, ни болела, а саван надела» (земля и снег). Так как снег большею частью выпадает около 1 октября, когда празднуется Покров Пресвятой Богородицы, и так как около того же времени устраиваются и крестьянские свадьбы, то естественно было сблизить брачное покрывало небесной богини с снежным пологом. Указанная выше мольба о замужестве, обращенная к Пятнице, нередко заменяется следую-

щими воззваниями к Богородице: «Покров пресвятая Богородица! покрой мою победную голову жемчужным кокошником, золотым подзатыльником»; «Мать-Покров! покрой землю снежком, меня молодую платком» (или: женишком).

По народному убеждению, от Пятницы зависят обильные роды земли; ее молили об отращении засухи, проливных дождей, неурожаев; в дар ей приносили земные плоды. При начале жатвы в Калужской губернии одна из старух, известная легкостью своей руки, выходит ночью в поле, нажинает сноп, связывает его и до трех раз то кладет, то ставит на землю, причитывая: «Пятница-Параскева, матушка! помоги рабам Божиим (таким-то) без скорби и болезни окончить жатву; будь им заступница от колдуна и колдуницы, еретика и еретицы». Затем, взявши сноп, она старается пройти до двора никем не замеченною. Во время падежей, моровой язвы и других бедствий служат св. Пятнице общественные молебны; в народе даже ходят суеверные молитвы, сочиненные в ее честь; написанные на клочке бумаги, они носятся на шее от

недугов или привязываются к голове больного. При совершении различных церковных обрядов прежде выносили икону св. Параскевы, убрannую лентами, монистами, цветами и душистыми травами: эти цветы и травы оставались в церкви, и отвар их давали пить безнадежно больным как вернейшее средство к исцелению. Кто соблюдает пятницы, к тому, по общему поверью, не пристанет лихорадка.

В сборнике великорусских сказок господинна Худякова сообщено следующее предание о Среде: молодая баба пряла поздно вечером; уже было за полночь, когда вздумала она оставить работу, положила гребень и молвила: «Матушка Среда! помоги мне завтра пораньше встать и допрясть мои початки». Ранехонько еще до свету слышит она: кто-то в избе возится. Открыла глаза – в светце лучина горит, печка затоплена, а по избе ходит и прибирает немолодая женщина, покрытая свeрх кички белым полотенцем. Подошла к хозяйке. «Вставай! – говорит. – Я – Среда, пришла помогать тебе; нитки я отпряла, холсты выткала, теперь давай золить. Пока печка топится, сходи-ка на реку да принеси воды!» Ба-

ба взяла ведра, но отправилась посоветоваться с старухой соседкой. «Нехорошо, – сказала старуха, – на том холсте она тебя удавит». – «Что же мне делать?» – «А ты постучись в избу и закричи: на море Серединские дети погорели! Она выскочит посмотреть, а тем временем ты запишись и закрести дверь». Баба послушалась совета, и достались ей холсты даром. Из народных поверий видно, что запрещение прясть, ткать и золить холсты по пятницам распространяется отчасти и на среду, может быть, ради того тождественного значения, какое придано среде и пятнице христианскою церковью, – как дням воспоминания о страданиях и смерти Спасителя.

Гроза, ветры и радуга

Усматривая в светилах и молниях блеск металлов, из которых приготавливались воинские снаряды, фантазия первобытного народа признала в них то небесное оружие, каким светлые боги сражались с демонами тьмы. Так в сияющем диске солнца она видела золотой щит, в хвостатых кометах – пламенные мечи и копья, в молодом месяце – меч или серп; в создании этих представлений фантазия руководилась подмеченным ею внешним сходством форм. В летописи под 911 годом встречаем известие о звезде, явившейся копейным образом, т. е. о комете, хвост которой уподоблялся копью; с явлением комет издревле и доныне соединяются в народе предвестия грядущей войны.

Но преимущественно воинские представления связывались с лучами восходящего солнца, прогоняющими ночной мрак, и с молниями, разящими темные тучи. Стремительность, с какою распространяется солнечный свет и упадает с неба молния, и быстрота, с какою летит пущенная с лука стрела, страш-

ные удары молнии, несущей убийства и пожары, жгучие лучи солнца, производящие засуху и истребляющие жатвы, и насмерть поражающее острие стрелы или копья, грохот грома и вой бури во время грозы, свист летящей стрелы, шум ринутого сильной рукою копья и звон оружия в битве – все эти аналогические явления заставили сблизить солнечный луч и молнию с копьем, стрелой и другим оружием, известным в древности.

Народная загадка выражается о «молнии»: «Летит медная стрела, никто ее не поймает – ни царь, ни царица, ни красная девица», а в заговорах она называется огненной, громовой стрелой. В словах заговора: «Покроюсь (от недуга) небесами, подпояшусь светлыми зорями, обложусь частыми звездами, что острыми стрелами» слышится отголосок этого лингвистического сродства стрелы с звездой. У болгар шип – копье и молния. Итак, солнечные лучи представлялись славянину стрелами дажьбога, а молнии – стрелами бога-громовника. Яркими лучами своими солнце гонит поутру ночь и рассеивает туманы, разбивает при начале весны льды и снега, ка-

рает в летние жары землю и ее обитателей. К нему обращались с заклятиями поразить ненавистного врага («солнце б ты побило!»), и Ярославна недаром молила «тресветлое солнце» не простираť своих горячих лучей на воинов ее мужа.

Тип небесного воителя главным образом усвоился богу-громовержцу, и солнце в этом отношении уступает ему первенство – в большей части народных сказаний, идущих от глубочайшей древности. Перун, по преданию, сохранившемуся у белорусов, в левой руке носит колчан стрел, а в правой – лук; пущенная им стрела поражает тех, в кого бывает направлена, и производит пожары. Белорусские поселяне убеждены, что на месте пожара, произведенного ударом молнии, и вообще после грозы можно находить чудесную стрелку. И в других местностях России доселе живо поверье о громовой стрелке. По этому поверью, стрелы громовые, ниспадая из туч, входят далеко в глубь земли, а через три или семь лет возвращаются на ее поверхность в виде черного или темно-серого продолговатого камешка: это – или сосульки, образующиеся в

песках от удара молнии и сварки песку, или белемниты, известные в народе под именем «громовых стрелок» и почитаемые за верное предохранительное средство против ударов грозы и пожаров.

В теплые дни весны Перун являлся с своими молниями, оплодотворял землю дождями и выводил из-за рассеянных туч ясное солнце; его творческою силою пробуждалась природа к жизни и как бы вновь создавался прекрасный мир. Сверх того, именем Перуна обозначалось небо – как царство громоносных, дождевых облаков; так в одной рукописи Погодинского древлехранилища, принадлежащей XV веку, на вопрос: «Колико есть небес?» – встречаем такой ответ: «Перун есть мног». В Малороссии рассказывают, что Бог восседает на том небе, где блистают молнии.

Старинная русская поговорка: «Едет божок с перищем, стучит колесом» намекает на поезд бога-громовника; грохотом его колесницы арийские племена объясняли себе громозвучные раскаты грозы; едет он вооруженный перищем – страшным орудием, с помощью которого наносит стремительные, все раздроб-

ляющие удары. Перун – божество победоносное, карающее, явление которого возбуждает страх и трепет; огненными стрелами он поражает демонов мрака (тучи) и наказует всякое нечестие. В Псковской губернии и Белоруссии еще теперь слышатся клятвы: «Сбей тебя Перун!», «Каб цябе Перун узяв или: треснув!».

Как жгучие лучи летнего солнца, порождающие засуху, бесплодие и мор, дали представление о разгневанном Солнце – метателе губительных стрел, так то же представление должно было сочетаться и с богом-громовержцем; насылая град, бури и безвременные ливни, он карал смертных неурожаем, голодом и повальными болезнями (поветрием). В Ржевском уезде говорят «Схвати тебя перуном!» в смысле: да постигнет тебя недуг, припадок. Сибирская брань «Чтоб тебя язвило!» связывает вышеприведенные клятвы Перуном и его стрелами с понятием о моровой язве; сравни: разить и зараза.

Называя молнию небесным оружием, древнейший народ-прародитель народов индоевропейских необходимо ограничивался в своих уподоблениях теми воинскими снаря-

дами, какие только знала современная ему культура. Прежде чем были открыты металлы, орудия, служившие для нападения и защиты, готовились из дерева, камня, кости и рога. Подземные находки так называемого каменного века показали, что в борьбе с дикими животными и в житейских распрях человеку помогало не одно простое вержение каменных осколков рукою или пращою, что грубо обитые камни служили ему на войне и охоте молотами или топорами, а заостренные кремни употреблялись для наконечников стрел и копий. Вслед за этими первобытными орудиями появились металлические, приготовляемые из смеси меди с оловом и цинком, известные под именем бронзовых; золото показалось почти одновременно с медью; знакомство с серебром также принадлежит давней эпохе, но железо открыто значительно позднее. После открытия металлов каменные орудия не тотчас были вытеснены и долго еще оставались в общем употреблении наравне с металлическими. Хотя арийское племя до разделения своего на отдельные ветви уже знало медь, серебро и золото и умело их обра-

батывать, тем не менее несомненно, что и оно должно было прожить свой каменный период. Отсюда легко объясняется, почему в громе слышались древнему человеку удары, наносимые каменным молотом грозного божества, а находимые на земле остроконечные камни (белемниты) названы громовыми стрелками. Каменный или металлический крестообразный молот – необходимый атрибут бога-громовника у всех арийских народов.

Бог-громовник, разбивая своим молотом облачные скалы, высекает из них небесное пламя молний, точно так же, как сильным ударом о кремень высекаются из камня летучие искры. Народная загадка дает «огню» следующее живописное определение: «В камне спал, по железу встал, по дереву пошел – как сокол полетел».

Народный русский эпос дает сказочным героям и мифическим змеям богатырскую палицу. Слово это от понятия простой дубинки = палки перешло в название кованого, металлического бранного орудия; и здесь замечаем ту же связь между пожигающим огнем (= ка-

рающей молнией) и побивающим оружием: палица от палиги (пламя, запалить в кого мечом – ударить, паля – удар по руке линейкою), подобно тому как жезл (жъзл) от жегу (жгу) = ожог – деревянная кочерга; глаголы ожечь, жигануть употребляются не только в значении обжога, но и вообще удара и укола; от того же корня детское жижа – огонь и област. жигалка – свечка; сравни: луч и лучина (= област. луча). Как из камня огонь вызывается ударом кресала, так из дерева вызывается он трением; такой огонь, добываемый из дерева и доньше известный под названием живого, служил на земле эмблемою небесного огня молнии; соответственно тому дождь, низводимый на землю громовником, назывался живою водою. Русское предание наделяет Перуна палицею.

Древнейшие религиозные обряды большею частию возникли как подражание тем действиям, какие созерцал человек в небесной сфере; в грозе представлялась ему битва Перуна и подвластных ему духов с полчищами облачных демонов, – и вот, когда наступала весна и приводила с собой дождевые тучи,

предки наши приветствовали их появление играми, символически означавшими борьбу стихий, и были убеждены, что воинскими кликами и стуком оружия они пробуждают бога-громовника на его творческий подвиг; во время летней засухи тот же обряд вызывал Перуна начать битву с тучами и пролить на поля освежающий дождь.

Сухое дерево, трением которого добывается «живой огонь», получило в заговорах символическое значение молнии. Так если покажется на теле веред или чирей, то очерчивают больное место сосновым суком или безымянным пальцем, приговаривая: «Как сук сохнет, так бы сох у раба Божия (имярек) чирей!» Иногда вместо того обводят безымянным пальцем правой руки сук у дверного или оконного косяка с приговором: «Как сохнет и высыхает сук, так сохни и высыхай веред. От перста ни огня, от чирья ни ядра!» Когда нападут на стадо черви, крестьяне берут одного из таких червей, обертывают шерстью и кладут в расщелину засохшего дерева так, чтобы он не мог вылезть; после того, по народному поверью, все черви посохнут и про-

падают (Калужская губерния). Если мы припомним, что в воспалительных болезнях высекают над болячками огонь или прикладывают к ним «громовые стрелки» (Новгородская губерния), то для нас не останется ни малейшего сомнения насчет настоящего смысла указанных обрядов: прикосновением сухого дерева, т. е. силою Перуновой палицы, присыхают болезненные нарывы и гибнут вредные насекомые. Не бей ребенка лучиною, советует народная примета; не то он иссохнет, как эта лучина = впадет в сухотку. Не должно также разбалтывать приготавливаемой похлебки лучиною, не то разоришься – иссохнет и пойдет прахом все богатство (Архангельская губерния).

Интересно сблизить с этими поверьями следующий обряд очистительной клятвы у чувашей: подозревая кого-нибудь в совершенном проступке, они заставляют его перешагнуть через сухую, зажженную с обоих концов палку. Переступая через нее, заподозренный должен сказать: «Да буду я так же сух, как эта палка, если показал неправду!» Значение этих слов то же самое, что и в древнерусской

клятве золотом, т. е. да поразит меня за неправду небесный огонь (молния). Пламя молний иссушает дождевые тучи, и так как дождь на метафорическом языке назывался кровью, то отсюда возникло поверье: чтобы остановить идущую кровь (чтобы она запеклась), надо зажать сучок на бревенчатой стене.

Русские предания наделяют пламенным мечом Илью-пророка, на которого перенесено в христианскую эпоху древнее поклонение Перуну. То же мифическое значение соединяется поверьями и с острым ножом. Так в Астраханской губернии, когда приходит священник исповедовать труднобольного, то нарочно кладут на стол нож, чтобы явившаяся за душою Смерть (= нечистая сила) устрашилась и отступила от своей жертвы.

Огненные стрелы, копьё, молот, топор, палица и меч служат богу-громовнику для борьбы с великанами туч и зимних туманов; поражая их, он низводит на жаждущую землю дождевые потоки и дает простор ясному солнцу.

Славянские предания свидетельствуют о

том же; не касаясь множества поверий, о которых будет сказано в других главах этого труда, обращаем внимание на доселе уцелевшую поговорку: «После дождичка в четверг». В четверг, посвященный Перуну, язычник ожидал грозы и почитал этот день особенно счастливым, легким для начала всякого предприятия, обещающим исполнение желания и успех; позднее, когда пали древние верования, означенной поговоркою стали выражать сомнение: когда-то еще сбудется! По народному представлению, во время грозы разъезжает по небу в колеснице разгневанный Бог и преследует молниеносными стрелами дьявола.

Русские, сербы, поляки, литовцы и немцы одинаково убеждены, что молния есть стрела божия и всегда бьет в то место, где бывает дьявол; во время грозы нечистый заботится только об одном, как бы укрыться от ее пламенного острия: он спешит в горы или в лес, прячется там под деревья, залезает в пустое дупло, а нередко ищет убежища и в жилых домах; этим объясняют, почему громовые удары всего более падают на высокие деревья

и строения. От грома небесного дьявол и за иконою не спрячется.

Боязливые и набожные хозяева опрокидывают во время грозы порожнюю утварь (горшки, кадки) и затворяют двери и окна, чтобы злые духи, гонимые молниеносными стрелами, не спрятались в избе и не привлекли на нее громового удара. Рыская по земле и выискивая себе более безопасного убежища, черти (как думают на Руси и в Литве) укрываются в косматых животных, преимущественно в собаках и кошках, и потому, когда бывает гроза, и тех и других выгоняют из хаты, чтобы избежать небесного пламени. Такой взгляд на грозу как на божью кару, вызываемую дьяволом, отразился и в одном из сербских церковных служебников, где помещена молитва, силою которой прогоняются нечистые духи, вызывающие град и громы; тот же характер замечается и в молитве: «Егда гром гремит», занесенной в рукописные сборники XV века (Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей): «Высокий царю, ходяй в грому, обладали молниями, призывая воду морьскоую, проливая на лице всея земля

дождь, о великий и страшный боже! сам соуди и врагоу диаволоу» (вариант по списку XVII века – «сам казни врага своего диявола).

Наши простолюдины верят, что убитый грозой человек очищается от своих грехов, потому что бывает невинною жертвою укrywшегося за ним дьявола. Гроза называется в народе божьей милостью и божьим милосердием: «загорелось от божьей милости», «его убило божьей милостию», «поставьте свечу к образам да молитесь, детушки! божья милость заходит». Заслыша гром, крестьянин спешит перекреститься. В некоторых местностях гасить пожары, происшедшие от грозы, считается за грех – в этом видят сопротивление воле божией.

Болезни, издревле признаваемые за действие нечистой силы, прогоняются «громовыми стрелками»; вода, в которую брошена «громовая стрелка», получает животворящее свойство весеннего дождя и употребляется в деревнях для опрыскивания и обливания недужных. Так называемая прострел-трава, стебель которой, по народному суеверию, пронзила небесная молния, служит для за-

живления ран.

В Нижегородской губернии во время заразы, когда несут хоронить умершего, одна из женщин берет косырь и несколько раз ударяет им по дороге, чтобы пересечь путь, ведущий на кладбище, и прекратить дальнейшее развитие мора.

Предания народные часто вспоминают о чудесном победоносном оружии, и почти у всех племен языческие боги представляются вооруженными воинами, принимающими участие в геройских битвах. Слово о полку сравнивает приближение враждебных ратей с несущимися тучами: «Черные туча с моря идут, хотят прикрыти четыре солнца (= князей русских), а в них трепещут синий млнии; быти грому великому, итти дождю стрелами с Дону великого: ту ся копием приламати, ту ся саблям потручяти о шелома половецкие». Боги весенних гроз, туч и вихрей, каковы: Сятовит, Радигаст, Сварожич и Яровит (=Ярило, Руевит?), отличаются воинственным характером. Г. Срезневский в статье своей «Об обожании солнца у древних славян» считает все эти имена за различные прозвания божества

солнца, удержанные отдельными славянскими племенами. Справедливо, что по различию признаков одно и то же божественное олицетворение обозначалось на древнейшем языке разом несколькими названиями; справедливо и то, что такие названия первоначально употреблялись как описательные эпитеты, а потом уже обращались в имена собственные, и что на этом основании единое божество не только могло называться различными именами, но с течением времени, при забвении стародавних преданий, дробилось даже на особые самостоятельные, хотя в сущности и совершенно тождественные, образы. Такой процесс необходимо должен был происходить там, где однородное племя, распадаясь на ветви, расходилось в разные стороны и каждая ветвь удерживала в памяти какое-нибудь одно название.

О русских кумирах дошли до нас такие скудные известия, что об оружии их, исключая Перуновой палицы, ничего нельзя сказать положительного; зато летописец упоминает о клятвах оружием перед кумирами: «а Ольга водиша и мужий его на роту; по русско-

му закону кляшася оружием своим и Перуном... и Волосом»; «а некрещеная Русь полагают щиты своя и мече и своенаги (обнаженные), обруче свое и прочая оружья, да кленутся о всем»; «заутра призва Игорь слы, и приде на холм, кде стояше Перун, покладоша оружие свое и щиты и золото, и ходи Игорь роте и люди его, елико поганых Руси». На нарушителей клятвы призывалось мщение громовника: да будут они кляты от бога и от Перуна и да погибнут от собственных своих мечей. В народных заговорах выражения «помолюсь» и «покорюсь» – синонимы; эта покорность воле богов заявлялась не только преклонением обнаженной головы («бить челом») и падением на колена, но и сложением перед ними, как перед владыками побед, оружия и добычи.

Отсутствие летописных свидетельств об оружии, каким наделяли русские славяне своих стихийных богов, можно отчасти восполнить из народных сказаний. Богиня Зоря выводит поутру солнце и его яркими, стреловидными лучами поражает мрак и туманы ночи; она же выводит его весною из-за темных об-

лачных покровов зимы, действуя заодно с богом-громовником; потому в народных заговорах она является воинственной, сильно вооруженною девою. Обращаясь к ней с мольбою о защите, произносят такое заклинание: «Вынь ты, девица, отеческий меч-кладенец, достань панцирь дедовский, шлем богатырский, отопри коня ворона; выйди ты в чистое поле, а во чистом поле стоит рать могучая, а в рати оружий нет сметы. Закрой ты, девица, меня своею фатой от силы вражьей, от пицали, от стрел, от борца, от кулачного бойца, от дерева русского и заморского... от кости, от железа, от уклада, от стали и меди». По свидетельству заговоров, Зоря держит в руках булатные ножички и иглу, которыми очищает и зашивает кровавые раны; ее молят забить неприятельские ружья наглухо и избавить от смерти в бою. Основной смысл предания тот: одолевая демонические рати, Зоря расстилает по небу свою светлую фату = очищает его острыми лучами весеннего солнца и тем самым прекращает грозную битву, запирает грома и останавливает дождевые потоки.

Герои народного эпоса – могучие богатыри

совершают свои славные сверхъестественные подвиги силою чудесного оружия. Сказания об этих героях суть более или менее однообразные вариации древнейшего мифа о Перуне, побеждающем демонов зимы и туч и освобождающем красавицу Весну = летнее солнце; самое слово «богатырь» указывает на существо, наделенное высшими, божескими свойствами. Русские сказки говорят о топор-саморубе и диковинной палице (дубинка-самобой, кий-бий), которые, по приказу своего обладателя, устремляются на враждебные полки, побивают несметные силы и, покончив дело, подобно Торovu молоту, возвращаются назад в его руки, в них нетрудно угадать поэтическое изображение молнии.

Место дубинки и топора занимают иногда меч-самосек или кладенец, одним взмахом поражающий целое войско, помело и клюка: где махнет помело – там в неприятельской рати улица, что ни захватит клюка – то и в плен волочет. Меч-кладенец обыкновенно выкапывается богатырем из-под высокой горы (=тучи), где он лежит скрытый от людских взоров, как драгоценный клад; в этой же горе

таются и золотые клады мифических великанов, змеев и карликов.

По словам одного заговора, богатырская сбруя сберегается огненным змеем; добыть ее весьма трудно: нужны чрезвычайные усилия и чародейная помощь; но зато счастливец, которому удастся овладеть богатырскою сбруею, становится непобедимым – его не тронут ни пицаль, ни стрелы. При дальнейшей работе фантазии эти простые первоначальные образы сливаются с другими мифическими представлениями и под влиянием той или другой обстановки обыденной жизни человека порождают более искусственные и сложные сказания. Чудесная дубинка уже не прямо сама поражает врагов, а получает волшебное свойство вызывать против них такие же или большие полчища своих ратников. Стоит только махнуть или ударить ею, как тотчас словно из земли вырастает целое воинство. Точно так же и стук молота выставляет несметные полки воинов. В одной русской сказке выведены мифические кузнецы, напоминающие циклопов, занимавшихся ковкою Зевсовых стрел. Кузнецы эти калят железо и

бьют его молотами: что ни удар, то и солдат готов – с ружьем, с саблею, хоть сейчас в битву.

Любопытное предание, доселе живущее в Заонежье, рассказывает: когда Господь (=Перун) создал землю, то нечистый дух изрыл ее непроходимыми пропастями и высокими горами. Господь ударил молотком в камень и создал свое воинство, и началась между ними великая война.

Топор-саморуб строит корабли и города: тят да ляп – и готов корабль! ударь лезом по земле – станет дворец или город, ударь обухом – нет ничего! И корабль, и город означают здесь тучу, облако; потому понятно внезапное появление и быстрое исчезание тех сказочных городов и кораблей, постройка которых приписывается чудесным свойствам топора-саморуба. Диковинка эта добывается сказочными героями от лиц мифических, олицетворяющих собою грозные явления природы: великанов, леших, чертей и вихрей.

Предание о Перуновой палице, в применении к новейшим военным снарядам, породило народные рассказы о чудесном ружье,

стреляющем без промаха; такое ружье, по малорусскому поверью, можно достать от черта. С другой стороны, верят, что черта можно убить наповал только серебряною или золотою пулею, т. е. молнией.

Тесная связь, в какую древнейшие верования, общие всем индоевропейским народам, поставили стихийных богов в отношении к металлам и кованому оружию, заставляет предполагать, что арийское племя, еще до распада своего на отдельные ветви, умело разыскивать руду и знало искусство ковать. Свидетельства языка обращают это предположение в твердо доказанный факт. В названиях меди (бронзы), серебра и золота сходится большинство индоевропейских языков, и, следовательно, знакомство с этими металлами должно отнести к эпохе, предшествовавшей разделению прародительского племени. Замечательно, что и терминыковки, литья, кузнечного дела одинаковы у самых отдаленных народов арийского происхождения, как очевидно из исследований Пикте. Но железо было узнано позднее, так как руда железная не находится в беспримесном состоянии, тре-

бует особенных розысков и процесс выделения из нее чистого металла довольно труден; в названиях, данных железу, каждое племя заявило свое частное воззрение, отпечатаło свое национальное клеймо. Называя тучи горами, небесные светила – серебром и золотом, разящую молнию – палицей и молотом, древний человек невольно пришел к созданию поэтических сказаний, по смыслу которых бог-громовник и грозовые духи (великаны и карлики) суть рудокопы и кузнецы. Своими острыми палицами они роют облачные горы и извлекают из них небесные сокровища; своими молотами они бьют по камням или скалам-тучам, как по твердым наковальням, и готовят для богов золотые и серебряные украшения и блестящее оружие.

Скрытые, затемненные тучами, небесные светила являются после грозы как бы заново сделанные богом-громовником: при содействии бурных ветров, раздувающих пламя грозы, небесный ковач куёт щит-солнце, серп-месяц, золотые светильники дня и ночи, меч-молнию и лук-радугу. По глубоко укорененному убеждению древних народов, боги

научили человека ковать металлы, готовить оружие и другие металлические поделки и пользоваться ими в домашнем и общественном быту. Народный эпос, изображая грозу кузнечной работой, заставляет сказочных героев сажать чертей в суму-облако и, кладя ее на наковальню, бить железным молотом; ничего так не боятся черти, как этой сумы и этого молота: завидя их, они с ужасом убегают в преисподнюю и наглухо запирают адские ворота.

Ломаная линия сверкающей молнии уподоблялась извивающейся змее или веревке: оба представления родственны. Отсюда возникли мифические сказания о молнии – во-первых, как о золотом ремне, на котором качается облако (в финском эпосе), и, во-вторых, как о биче, сильными ударами которого бог-громовник казнит демонов туч; хлопанье этого бича производит оглушающие раскаты грома. В «Слове о полку» встречаем выражение: «трепещут синий млнии»; сербы говорят: «пуче као сини гром». Синее пламя почиталось в древности по преимуществу священным. В церковно-служебных книгах слово

«синец» употребляется в значении беса. На одном из старинных амулетов, которые носились на Руси для предохранения от нечистой силы, изображен святой, прогоняющий бичом дьявола. Воспоминание о Перуновой плети удержалось у нас в обрядовом причитании на Васильев день (1 января).

Потрясая бичом, бог-громовник вступает в брачный союз с землею, рассыпает по ней семя дождя и дает урожаи. Этим древним представлением объясняется, почему в свадебных обрядах плеть получила такое важное значение: дружка, обязанный охранять молодую чету от нечистой силы, враждебной плодородию, сопровождает свои заклятия хлопаньем бича; тот же смысл имеет и стрельба из ружей и пистолетов во время свадебного поезда.

Итак, гром есть слово божие, которым Перун пробуждает природу от зимней смерти = творит новый весенний мир, а ветер – дух, исходящий из его открытых уст. Старинные грамотники, сравнивая человека с космосом, находили между ними полное соответствие: «В горней части его (читаем в одном рукопис-

ном сборнике), яко на небеси светила солнце и луна, гром, ветер, сице и в человеке во главе очи, и глас, и дыхание, и мгновение ока – яко молния». Из этих мифических основ образовались предания, занесенные в старые рукописи, что дыхание (=душа) человека создано от ветра, а теплота или плоть (= пламя страсти) от огня (= плодотворящей молнии). Уподобление грома слову человеческому повело к тому любопытному осложнению мифов, по которому все баснословные звери и птицы, в каких только олицетворялись громовые тучи, получили характер вещей, т. е. одаренных способностью говорить и мыслить.

Сверх того раскаты грома возбуждали в уме человека множество других самых разнообразных сравнений. Все, что только издавало сильный, оглушающий звук, служило в данном случае богатым источником для метафоры и мифических представлений. Мы уже заметили, что стук оружия в битве, звонкий удар молота по наковальне и хлопанье бича принимались за метафорические обозначения грома; в следующих главах, при разборе зооморфических олицетворений грозových

туч, увидим, что гром уподоблялся грохоту быстроедущей колесницы, топоту и ржанию коней, мычанию коров и т. д., а теперь укажем на некоторые другие не менее важные в области народной поэзии и древних верований сближения.

Одинаковое впечатление, производимое на слух раскатами грома, стуком кузнечных молотов, мельничной толчеи и молотильных цепов, и мысль о наносимых ударах, соединяемая со всеми этими различными представлениями, сблизили их между собою и породили целый ряд баснословных сказаний. Так, русские поселяне видят небесный молотильный цеп в созвездии Плеяд или Ориона, как свидетельствует придаваемое им областное название Кичига, означающее цеп и валец.

В Архангельской губернии совершается следующий обряд гадания о будущем урожае: на Новый год собираются крестьяне на гумно, принося с собою нож и парус; все садятся посредине гумна, ограждают себя круговою линией, начертанною ножом, и накрываются парусом; нож тут же втыкается в землю. Если послышится им шум бросаемых снопов и

стук молотящих цепов, то наступающий год будет изобильный, и, наоборот, тишина предвещает неурожай. Молотят в это время нечистые духи, и если кто из гадающих не досидел в круговой черте до окончания демонской работы – такого смельчака они непременно заколют ножом.

В глубочайшей древности зерна не мололись, а толклись, для чего служили простой выдолбленный камень – толчея (ступа) и толкач или пест. Жернова и мельница обозначаются в народных загадках теми же самыми метафорами, какими живописуются и грозные тучи; сближая эти различные понятия, народ выражается о «громе»: «Стукотыть, гуркотыть, як сто коней бижить». У нас в областных говорах: бус – мелкий дождь и мучная пыль, бусить – идти дождю со снегом, моросить и пылить мукою; мелкий град называется крупью, а мельница для обработки гречи, проса и ячменя – крупорушкою. У белорусов сохранилось знаменательное поверье, что горные духи (гора = туча), подчиненные Перуну и вызывающие своим полетом ветры и бурю, возят на себе громовой жернов, на кото-

ром восседает сам Перун с огненным луком в руках. Баба-яга и ведьмы летают на свои сбрища по воздуху в железной ступе, погоняя пестом (толкачом, клюкою) и заматая след помелом. Белорусы говорят, что яга погоняет огненную метлоу воздушные силы, которые приводят в движение ее ступу; когда она едет – земля стонет, ветры свищут, звери воют, нечистые духи ревут; самой ступе они дают название огненной. Баба-яга и ведьмы, как облачные жены, свободно распоряжаются естественными силами природы; их быстрые полеты, обладание волшебными конями и заматание следа помелом указывают на вихри и метели; ступа и пест тождественны с тем мифическим жерновом, на котором разъезжал бог-громовник, и с его палицей. Ступа – это грозное облако, а пест или толкач, ударом которого Баба-яга точно так же побивает недругов, как Перун своею дубинкою, – известная нам метафора молнии.

Именно в представлении тучи жерновом кроется основа предания о чертовой мельнице, доселе живущего между нашими поселянами. Известно, что суеверие ставит всех

мельников в близкую связь с водяным (=дождящий Перун) и нечистой силою; в мало-русских рассказах черти представляются в виде мирошников: нередко садятся они на столбах разрушенной мельницы или плотины, зазывают мужиков с зерновым хлебом, мелют скоро и бесплатно, но мешают с мукою песок. В народных сказках в числе трудных подвигов, возлагаемых на богатыря – победителя многоглавых змеев (=древнего громовника), упоминается также о посещении им чертовой мельницы, запертой двенадцатью железными дверями: в зимнюю пору демоническая сила овладевает громовою мельницей и налагает на нее свои замки, которые отпираются только с приходом богатыря, как отворяются облачные скалы от удара Перуновой палицы. В одной сказке о баснословной мельнице говорится, что она сама мелет, сама веет и на сто верст пыль мечет.

Рядом с поэтическими картинами, изображавшими вой ну небесной грозой, гром, как глагол божий, назывался метафорически звоном, ибо громкие звуки голоса и колокола, у которого есть свой язык, обозначались на

древнем языке родственными, тождественными выражениями. Из сближения колокольного звона с словом человеческим возникли следующие интересные поверья: когда льют колокол, то нарочно распускают молву (какую-нибудь весть), чтобы колокол был звучен и слышался везде как мирская молва; когда кто онемееет («отыметса язык»), то «добывают языка на колокольне»: обряд состоит в том, что обливают колокольный язык водою и, собравши ее в сосуд, поят больного. На том же сближении звона и речи основана и общая славянским, германским и романским племенам примета, что если звенит в ухе – это знак, что где-нибудь говорят об нас, осуждают или хвалят наши действия. Слова «трезвонить» и «колоколить» употребляются в разговорной речи в смысле: без умолку болтать, разносить вести. В народных загадках звон колокола обозначается теми же метафорами, как и громовые удары: «Стоит бык на горах (на верху церкви) о семи головах (семь колоколов?), в ребра стучат, бока говорят»; «Рыкнул вол на семь сел»; «Ржет жеребец на перегорожье, слышно его голос в Новгороде»;

«Заржал жеребец на сионской горе»; о звоне к заутрене: «Сидит петух на воротах, голос до неба, а хвост (веревка от колокола) до земли». Загадки, уподобляющие колокольный звон реву быка и ржанию коня, почти слово в слово прилагаются и к грому (сличи ниже).

Петух, как видно из приведенных лингвистических данных, самым именем своим обязан звучному голосу; как птица, предвозвещающая восход солнца, он играет весьма значительную роль в древних верованиях; крик его как бы прогоняет мрак ночи и потому сравнивается с звоном к заутрене, раздающимся на рассвете.

Во время затмений солнца и луны для отогнания демонов, пожирающих эти светила, на праздник Коляды – для отстранения тех же враждебных духов от новорожденного солнца, а равно весной, при обрядовом изгнании Мораны (смерти = зимы), крестьяне с криком и гамом бегают по селам, ударяя в бубны, тазы, сковороды и чугунные доски, брянда колокольчиками и бубенчиками, хлопая бичами и стреляя из ружей. То же хлопанье бичами, те же бешеные крики и тот же звон в та-

зы и сковороды сопровождают и обряд «опахивания», когда изгоняется из села моровая язва = всепожирающая смерть. Скоморохи, окрутники и кудесники, на которых издревле лежала обязанность участвовать в этих суеверных обрядах и заправлять ими, нацепляли на свои одежды звонки и бубенчики; с течением времени, когда они утратили свое прежнее значение и обратились в народных увеселителей, фигляров, звонки и бубенчики сделались необходимою принадлежностью шутовского (дурацкого) наряда. Нечистые духи и ведьмы боятся колоколов и, заслыша их звон, улетают как можно дальше; если звон застигнет их вблизи, то охватывает своими звуками, как волнами, и вертит в страшном вихре, словно легкую ладью, попавшую в стремительный водоворот.

В Нижегородской губернии, когда покажется в окрестностях села холера или другое «поветрие», одна из девиц выходит в полночь, пробирается тайком к церкви и ударяет в колокол тревогу; жители в испуге выбегают из домов, а девица между тем скрывается никем не замеченная: это делается, чтобы напу-

гать ведьму, насылающую смертоносную язву, и отвадить ее от села. Отсюда вера в целебную силу звона: в Воронежской и других губерниях парни и девки ходят на Святой неделе звонить на колокольне, чтобы не болели голова и руки. Звон, которым возвещаются жители о случившемся пожаре, по мнению простолюдинов, созывает божьих ангелов, которые расширяют вокруг загоревшегося здания свои крылья и не дают ветрам раздувать огонь.

Народная русская легенда рассказывает о том тревожном страхе, с каким увидели черти, что оставленный в адских вертепах Соломон вздумал построить там колокольню и уставить церковные звоны. Но если, с одной стороны, звон, как символ разящих громов, прогоняет нечистых духов, шествующих в буре и вихрях; то с другой стороны, как тот же символ грозы, всегда сопровождаемой ветрами, он может накликать бурю, и потому архангельские промышленники, отправляясь на лов, стараются выйти в море в такое время, когда не слышно колокольного звона.

В народных преданиях соловьиный ще-

КОТ – символ весенних глаголов бога-громовника, вещающего в грохоте грома и свисте бури; как соловей, прилетая с весной, начинает свою громозвучную песню, свой далеко раздающийся свист по ночам (почему немцы называли его ночным глашатаем), так точно и бог грозы с началом весны заводит свою торжественную песню, звучащую из мрака ночеподобных туч.

Имя Ильи Муромца самое популярное в русском народе; оно встречается весьма часто в песнях и преданиях, приписывающих ему различные богатырские подвиги. И хотя Илья Муромец известен как лицо историческое (он жил около 1188 года), но, выступая в народном эпосе, он усваивает себе черты более древние, принадлежащие к области мифических представлений о боге-громовнике. В этом убеждает нас самый характер его баснословных подвигов и сравнительное изучение их, в связи с прочими преданиями нашего и других индоевропейских народов. В эпоху христианскую верование в Перуна, его воинственные атрибуты и сказания о его битвах с демонами были перенесены на Илью-проро-

ка; Илья Муромец, сходный с Ильєю-пророком по имени и также славный святостью своей жизни (а может быть, и военными доблестями), слился с ним в народных сказаниях в один образ, и там, где, по преданию, конь Ильи Муромца выбивал копытом источники ключевой воды, народ ставил часовни во имя Ильи-пророка. В Московской губернии крестьяне объясняют громовые раскаты поездкою Ильи Муромца на шести жеребцах по небу.

В народных сказках богатырь, собирающийся на битву с змеем – демоническим представителем зимних облаков и туманов, должен трижды испить живой (или сильной) воды, и только тогда он получает силу поднять меч-кладенец. Пиво, которое пьет Илья Муромец, – старинная метафора дождя. Окованный зимнею стужею, богатырь-громовник сидит сиднем, без движения (=не заявляя себя в грозе), пока не нальется живой воды, т. е. пока весенняя теплота не разобьет ледяных оков и не претворит снежные тучи в дождевые; только тогда зарождается в нем сила поднять молниеносный меч и направить его

против темных демонов. Наделенный богатырскою крепостью, Илья Муромец отправляется на совершение трудных подвигов. Как самое имя Перуна сменилось историческим именем Ильи Муромца, так и борьба его с демоническими существами – великанами и змеями перенесена на битвы, характеризующие первое время государственной жизни Руси, когда строй общественный еще достаточно не окреп, внутри государства, среди лесов и пустынных мест, легко укрывался разбой, а извне, из широких степей угрожали беспрепятственные набеги диких кочевников, с которыми должны были бороться русские витязи. Илья Муромец усмиряет разбойничью шайку и освобождает Чернигов-град от несчетных басурманских полчищ, но и в этих ратных подвигах он сохраняет свое родство с древним Перуном, он действует его оружием – всекрушающими стрелами – и выезжает на таком же чудесном коне, как и бог-громовержец. Конь его словно сокол летит, с горы на гору перескакивает, с холма на холм перематывает, реки, озера и темны леса промеж ног пускает, хвостом поля устилат; подобно Зев-

сову коню Пегасу, он выбивает копытами колodцы. Окруженный станишниками (разбойниками), Илья Муромец вынимал из налушна тугой лук, вынимал стрелу каленую и пускал ее по сыру дубу.

Сражаясь один против несметной рати кочевников, он куда ни бросится – там улица, где ни поворотится – часты площади. Вслед за тем наезжает Илья Муромец на Соловья-разбойника, который заложил прямоезжую дорогу к Киеву ровно на тридцать лет (время, когда богатырь сидел сиднем): никакой человек по ней не прохаживал, зверь не прорыскивал, птица не пропитывала. Соловей-разбойник свил себе на двенадцати (или девяти) дубах гнездо и, сидя в нем, свистал так сильно и громко, что все низвергал своим посвистом, словно напором стремительного вихря. За десять верст раздался его свист – и богатырский конь под Ильею спотыкнулся.

Богатырь сшиб его каленой стрелой с высоких дубов и повез с собой в Киев; там, во дворе князя Владимира, заставляют Соловья-разбойника показать свою удаль – засвистать вполсвиста. Соловей отзывается, что

уста его запеклись кровию, и просит испить.

Наливали ему другую чашу пива пьяного и третью меду сладкого; выпивал чаши Соловей-разбойник и, как Илья Муромец с пива, набирался с того силы великой, свистнул и оглушил своим свистом могучих богатырей, так что они наземь попадали, а простые люди мертвы стали, и потряс крепкие своды княжеских палат: слетели с них крыша и вышки, лопнули связи железные.

Те же выражения употребляет народный эпос, говоря о вещем коне сивке-бурке, в образе которого, как и в образах змея и быка, олицетворялась громоносная туча. Раздраженный Илья Муромец убивает Соловья-разбойника, кидая его (по свидетельству одного варианта) выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего. Соловей-разбойник гнездится на двенадцати дубах; народная сказка тоже самое говорит о змее, и подробность эта объясняется мифическим значением дуба — дерева, посвященного Перуну: «Загремел Зилант (змея), выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях»; в одном заклятии говор змея сравни-

вается с шумом ветра: «Что не дуб стоит – Змиулан сидит, что не ветер шумит – Змиулан говорит».

У моряков до сих пор существует поверье, что свистом можно накликать бурю, подобно тому как призывается она звоном колоколов и резким криком хищных птиц; при стихающем попутном ветре пловцы обыкновенно свистят на ветер. О водяном рассказывают наши крестьяне, что он не любит, когда беспокоят его сон свистом, и опрокидывает за то лодку, а пловца увлекает на дно реки, т. е. свист подымает бурю, которая волнует и бурлит сонные воды и грозит пловцу бедою. С 1 марта начинают дуть весенние ветры, и потому о св. Евдокии, память которой празднуется в этот день, крестьяне выражаются: «Приехала свистунья». Свистать в жилой избе почитается в простонародье дурною приметой и грехом; от того, кто это делает, отвергается Богородица. Изба, в которой свистят, скоро опустеет – все высвистишь! Домовой, как охранитель семейного благосостояния и покоя, пугает таких неосторожных «свистунов» по ночам. Не должно свистать во время весенних

посево́в, иначе зерно́ будет вывезяно́ с па́шнн ветрами́ и не даст роста́. Одно из самых обыкно́венных олицетворений́ ду́ющих ветров́ было́ представле́ние их хищными́ пти́цами; вот почему́ дети́ Соловь́я-разбойника́ оборо́ачива́ются, по свиде́тельству бы́лины, воро́нами с желе́зными́ клю́вами.

Эпитет «разбойника» объясняется разрушительными свойствами бури и тем стародавним воззрением, которое с олицетворениями туч соединяло разбойничий, воровской характер. Закры́тие тучами́ и зимними́ туманами́ небесных́ свети́л называ́лось на старинном поэ́тическом языке́ похи́щением зо́лота: в подвала́х Соловь́я-разбойника́ лежала́ несче́тная зо́лотая ка́зна; точно́ так же в летней́ засухе́ и в отсут́ствии до́ждей зимо́ю ви́дели похи́щение живо́й воды́ и уро́жаев. Демони́ческие си́лы гра́бят сокрови́ща солне́чных лу́чей, уго́няют до́ждевых́ коро́в и скрыва́ют свою́ до́бычу в непри́ступных ска́лах. Э́тот хищни́ческий ха́рактер обла́чных демо́нов повел́ к тому́, что́ вместо вели́канов́ и зме́ев, с кото́рыми сража́ются бо́гатыри́ в бо́лее сохра́нившихся вариан́тах э́пического

сказания, в вариантах позднейших и подновленных выводятся на сцену воры и разбойники. Таким образом, древнейшие мифические предания с течением времени сводятся народом к простым объяснениям, заимствуемым из его обыденной жизни.

Ветры олицетворялись и как существа самобытные; фантазия древнего человека представляла их дующими = выпускающими из своих открытых ртов вихри, вьюги и мятели. Средневековое искусство воспользовалось этим языческим представлением и постоянно изображало ветры в виде дующей человеческой головы. На наших лубочных картинах ветер и «дух бурен», приносящий град и снег, изображаются в виде окрыленных человеческих голов, дующих из облаков; такова, например, картина, приложенная к сказке о мужике, у которого ветер разнес муку. Крылья, данные ветрам, – эмблема их быстрого полета. По народному поверью, зимние вьюги бывают оттого, что нечистые духи, бегая по полям, дуют в кулак.

Облака уподоблялись шкурам различных животных; из этих же шкур приготовлялись

издревле и мешки для хранения воды и опьяняющих напитков и раздувательные мехи; слово «мех» (уменьшительная форма: мешок) доселе служит у нас и для названия мягкой рухляди.

Русские сказки, песни и заговоры наполнены обращениями к ветрам с просьбою о помощи, как существам живым и готовым выручить в беде. Подобное обращение находим и в словах Ярославны: «О ветре-ветрило! чему, господине, насильно веешь? чему мычешь хиновские стрелки на свою нетрудную крильцу на моя лады вой? Мало ли ти бьшет гор (горе?) под облакы веяти лелеючи корабли на сине море? Чему, господине, мое веселие по ковылию развея?» В простом народе ветер доселе слывет господином, и об нем ходит такой рассказ: шел мужик, смотрит – навстречу ему идут мужики: Солнце, Ветер и Мороз. Мужик мужикам поклонился, посеред дороги становился, а Ветру еще поклон наособицу. Этот лишний поклон разгневал Солнце. «Постой, мужик! – сказало оно. – Вот я те сожгу». А Ветер молвил: «Я повею холодом и умерю жар». – «Постой, мужик! я тебя заморо-

жу», – сказал Мороз; а Ветер: «Я повею теплом и не допущу тебя». В сказке о Царевне-лягушке эта вещая жена режет полотно на мелкие лоскутки и бросает в открытое окно, причитывая: «Буйные ветры! разнесите лоскутки и сшейте свекору рубашку». В другой раз она изрезывает шелк, серебро и золото и выбрасывает в окно с приговором: «Буйные ветры! принесите ковер от моего батюшки», т. е. чародейка, обращаясь к ветрам, заставляет их приносить облака, в которых поэтическая фантазия видела небесные одежды и ковры-самолеты.

В другой сказке о смирном мужике и драчливой жене ветры олицетворены в человеческих образах и, соответственно четырем сторонам света, представляются четырьмя братьями: Ветры Северный, Южный, Западный и Восточный. Нес мужик муку в чашке, поднялся сильный ветер и развеял ее по полю; бурные, разрушительные ветры в народных преданиях изображаются существами голодными и прожорливыми. Когда воротился мужик домой, злая жена прибила его и послала к Ветру требовать за муку уплаты. Мужик по-

шел в дремучий лес, повстречал старуху и рассказал ей свое горе. «Ступай за мною, – сказала старуха, – я мать Ветрова, но у меня четыре сына: Ветр Восточный, Полуденный, Западный и Полуночный; так скажи, который развеял у тебя муку?» – «Полуденный, матушка!» Привела его старуха в избушку, положила на печь и велела закутаться: «Мой сын Полуночный Ветер очень холоден, придет – зазнобит тебя!» Когда братья воротились домой, говорит мать Полуденному Ветру: «На тебя есть жалоба; зачем бедных людей обижаешь?» Ветер дает мужику в уплату коробочку, у которой что ни попроси, яств или напитков каких, все даст. Но коробочку у мужика похитили; жена снова прибила его и послала к Ветру за мукою. Ветер дал ему бочку – только скажи: «Пятеро из бочки!», тотчас выскочат из нее молодцы с дубинками и станут побивать врагов – удары их ничем не отразимы. С помощью чудесной бочки мужик воротил свою коробочку.

Упомянутые в сказке диковинки суть поэтические представления дождевых и грозовых облаков, приносимых ветрами: коробоч-

ка или скатерть-самобранка = дожденосная туча, дарующая земле урожай, а дубинка-самобой, выскакивающая из бочки или мешка (сумки) = молния, поражающая из тучи; в итальянской редакции она, согласно с уподоблением грозы молотье, заменена молотильным цепом.

Ветры не только дышат на землю теплым веянием весны, принося с собой благодатные дожди; они несут на своих крыльях и град и снега, возбуждают и зимние вьюги и метели. В наших преданиях морозы отождествляются с бурными, зимними ветрами. В некоторых вариантах вышеуказанной сказки о Северном Ветре, наделяющем мужика чудесными дарами, место этого Ветра и его братьев занимают Морозы. Посеял мужик дикушу (гречу); она взошла, зазеленела. Раз вышел мужик в поле, смотрит – дикуша прибита, примята. «Какой бы это злодей натворил?» Воротился домой, рассказал про свое горе жене, а она его в толчки: «Это, говорит, Мороз натворил; ступай найди его и взыщи убытки!» Мужик пошел в лес и заплутался, туда-сюда – выбрался кое-как на тропинку, и привела его эта тро-

пинка к ледяной избушке: стоит избушка – вся снегом усыпана, сосульками убрана. Постучался в дверь, вылезает к нему старик, весь белый. Это был Мороз, он дарит мужику скатерть-самобранку и дубинку-самобой, и дальнейший рассказ не представляет отмен.

В некоторых сказках наравне с богатырями, олицетворяющими разные грозные явления, выводится Мороз-трескун, или студеней; его дуновение производит сильную стужу, иней и сосульки представляются его слюнями, а снежные облака – волосами. Морозко, говорят крестьяне, низенький старичок с длинной седой бородою; зимою бегаёт он по полям и улицам и стучит; от его стука начинаются трескучие морозы и оковываются реки льдами; если ударит он в угол избы, то непременно бревно треснет. В деревнях существует обычай, указывающий, что могучие силы природы до сих пор представляются народному воображению живыми существами. Накануне Рождества и на Велик день в каждой семье старик берет ложку кутьи или киселя, выходит на порог сеней или влезает на печь и, просунув голову в волоковое окно, го-

ворит: «Мороз, Мороз! приходи кисель есть; Мороз, Мороз! не бей наш овес, лен да коноп-ли в землю вколоти» или «Морозе, Морозе! иды до нас... та не поморозь нашей гречкы». Иногда, повторив трижды призыв на кутью и обождав немного, прибавляют: «Не идешь? не иди ж ни на жито, ни на пшеницю, ни на всяку пашницю!» Намек на подобное же лице-творение града встречаем в поверье, что 11 мая, в день обновления Царяграда, не должно работать в поле, чтобы царь-град не выбил хлеба за непразднование будто бы посвящен-ного ему дня.

Бог грозы, как небесный владыка, являю-щийся в бурях и вихрях, получил у славян на-звание Стрибога, которое впоследствии, по общему закону развития мифов, выделилось в особое божество, верховного царя ветров. «Слово о полку» говорит о Стрибоге как о деде ветров: «Се ветры, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами» (=из дождевой тучи молния-ми).

Дующие ветры рождают разнообразные музыкальные тоны в воздухе: бурные порывы их, раздаваясь в горных местностях и пе-

щерах, производя сильные всплески волн и шум потрясаемых деревьев, напоминали вой голодных зверей и дикие звуки нестройной, оглушающей музыки и неистовых песен; кроткое веяние легких ветерков вызывает таинственный шепот листьев в лесах и рощах, мелодический шелест зреющих нив и тихое рокотание вод – звуки, обаятельно действующие на душу и погружающие в сладкую дремоту; врываясь в тесные ущелия скал, в скважины и щели домов, ветры издают свист, напоминающий свирель или флейту.

Звуки так называемой духовой музыки производятся чрез вдувание воздуха в инструмент устами играющего; мы видели, что самые ветры принимались за дуновение, исходящее из открытых уст богов. Изображая олицетворения вихрей, старинное искусство представляло их дуящими в рога. Фантазия древнего человека, сблизившая вой бури и свист ветров с пением и музыкой, в то же время уподобила быстрый и прихотливый полет облаков и крутящихся вихрей бешеной пляске, несущейся под звуки небесных хоров. Отсюда возникли разнообразные мифические

сказания о песнях, игре на музыкальных инструментах и пляске грозовых духов и верование в чародейную силу пения и музыки. Наши сказки говорят о роге, в который если затрубить – сейчас явится столько ратников, что против них не устоит никакая сила: воспоминание о победоносном Перуне, явление которого возвещается звучною трубой грозовой бури. У германцев неистовое войско Одина, быстро несущееся по воздуху во время бури, сопровождает свое шествие завывающими звуками песен, военных труб и других инструментов и бешеными плясками; то же явление грозы, представляемое фантазией в поэтической картине дикой охоты, уподобляет вой бури неистовым кликом ловчих и звукам охотничьих рогов.

На Руси и в Германии известна сказка о дудке, сделанной из тростника, выросшего на могиле или из кости безвинно убитого юноши, которая, когда на ней заиграли, поведала о совершенном преступлении. В основе этих преданий лежит старинный миф о небесной грозовой песне, вещающей про смерть облачного демона или нимфы; золотые волосы де-

вы суть молнии.

Мы указали, что с грозой издревле связывались представления о нечистой силе; как в борьбе громовника с тучами усматривали поражаемых демонов, так, по другому поэтическому воззрению, в плясках облаков и вихрей и в песнях бури давали участие, вместе с нимфами и ведьмами, и дьяволу. Собираясь на Лысой горе (= небе), ведьмы, колдуны и черти заводят непристойные пляски и песни. Мысль о брачном союзе, в который вступают во время грозы молниеносные духи с облачными женами, заставила видеть в этих сборищах свадебное торжество, нецеломудренные игры и блудные связи ведьмы с дьяволами.

Поселяне наши до сих пор верят, что теплые весенние ветры происходят от добрых духов, а вьюги и метели – от злых. Зимой злые духи вылетают на белый свет, бегают по полям и от холода дуют себе в кулак; от такой прогулки бесов сдавливается снег морозом и трещит под ногами, а от дуновения в кулак встают бураны, метели и осыпаются деревья инеем. В феврале месяце нечистые вылетают

из ада в виде птиц, и против них надо принимать разные предосторожности: птица – мифический образ ветра. В некоторых местах деревья, сломанные бурей, не употребляются на постройки, потому что самую бурю приписывают дьяволу. В Подольском уезде крестьяне считают грехом упоминать слово «ветер», которым там называют нечистую силу, точно так же, как слово «дух» – собственно: ветер – перешло в понятие мифического существа и черта; у новых греков – дьявол.

Могучие действия, проявляемые природой в бурях и грозе, были приданы и тем чародейным музыкальным орудиям, которые на поэтическом языке древнего эпоса служили их метафорическим представлением. Таковы сказочные гусли-самогуды, которые сами играют, сами песни поют. Гусли-самогуды, по свидетельству сказок, хранятся у кощея, волка-самоглота (демонические олицетворения туч, см. ниже) или у черта. Вместо этих гуслей народный эпос упоминает и чародейную дудку, получаемую от дьявола или козла, и свисток, похищаемый у Бабы-яги. Отправляется ли сказочный герой добывать живую во-

ду, молодильные яблоки, жар-птицу, золото-гривого коня и другие диковинки, он непременно сам или его конь во время совершения подвига зацепит за протянутые струны, отчего пойдет по всему царству сильный звон и грохот, пробуждается стража и спешит в погоню за похитителем, т. е. живая вода дождя и разнообразные эмблемы творческих сил весны не иначе могут быть добыты, как при торжественных песнях грозы. Музыкальные инструменты, звуки которых обладают таким волшебным свойством, что, заслыша их, волей-неволею пляшут и люди, и звери, и леса, и камни, известны в преданиях всех индоевропейских народов.

Мифические представления, сочетавшиеся с пением, музыкой и пляскою, дали им священное значение и сделали их необходимою обстановкою языческих празднеств и обрядов. Поклонники стихийных сил природы, древние племена старались в своих религиозных церемониях символически выражать то же, что совершалось на небе или что желательно было усмотреть там в данное время. Подражая действиям небесных богов, они ду-

мали, что творят им угодное, и с детскою наивностью верили, что вызывают таким образом божественные силы на их творческие подвиги. Испрашивая, например, дождя, славяне водили додолу – деву, увенчанную травами и цветами, в образе которой представлялась жаждущая плодотворного семени богиня Весна, и обливали ее водою; представляя облака рыскающими стаями различных животных, они сами наряжались в звериные шкуры и личины и бегали толпами по деревням и полям. Точно так же небесная музыка и напевы грозы, танцы облачных дев и воздушных духов представлялись звоном металлических сосудов, ударами в бубны, звуками дудок, волынок и других доступных старине инструментов, шумными кликами, песнями и дикою, быстро вертящеюся пляскою; а заменю дождя, которым, как небесным медом или вином, утоляют жажду грозовые духи, служили в древних обрядах действительно опьяняющие напитки. Эти разгульные празднества, сопровождаемые переряживаньем, пьянством, песнями и плясками, совершались в честь благодатного возврата весенних

грозы, прогоняющих демонов зимы и несущих земле плодородие, или с целью призыва бога-громовника во время бездождия и засухи. Такая обстановка языческих празднеств усвоила за ними название игрищ. В языке нашем употребительны выражения: сыграть песню (вместо: пропеть), играть на музыкальном инструменте, выражения, свидетельствующие за древнейшую связь народных игрищ с этими обычными заявлениями веселья и радости.

Песни доньше составляют существенную часть праздничных обрядов, совершаемых при солнечных поворотах, при встрече весны, завивании венков, прыганье через зажженные костры и проч. Хоровод (коло), в котором песня сливается с драматическим представлением, несомненно наследован от глубокой старины. Хороводы открываются с весною, когда небо вступает в брачное соитие с землею и как бы зовет к тому же священному союзу и человека; именно эта идея любви и следующего за нею брака есть главный мотив, развиваемый в хороводных представлениях и песнях. Летописец, говоря о нравах

славян-язычников, замечает: «Схожахуся на игрища, на плясанье, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто свещашеся».

Свадебное торжество до сих пор сопровождается в народе многочисленными обрядовыми песнями, и как бы ни были они подновлены или вовсе переделаны, давность их происхождения не может быть отрицаема; она засвидетельствована письмом Мономаха к Олегу и еще более подтверждается сохраненными в этих песнях указаниями на похищение и куплю жен и на другие черты стародавнего быта.

Понятно, почему с такою неприязнью и суровостью отнеслось к музыке, песням, пляскам и ряженью христианство первых веков; оно справедливо видело в них не одну простую забаву, но языческий обряд. С самого водворения христианства на Руси и вплоть до конца XVII столетия раздается громкий протест духовенства, направленный против народных игрищ. Нестор жаловался, что люди, нарицающиеся христианами, жили в его время «поганьскы»; дьявол, говорит он, соблазняет народ «всячьскими льстьми, превабля ны

от Бога трубами и скоморохы, гуслими и русальи. Видим бо игрища утолчена и людей множество, яко унихати начнут друг друга, позоры деюще от беса замышленного дела, а церкви стоятъ (пусты)». Некоторые поучительные слова особенно восстают против женской пляски, признавая ее душегубительным грехом: «О злое проклятое плясание! (говорит один проповедник) о лукавое жены многовертимое плясание! пляшущи бо жена – любодейница диаволя, супруга адова, невеста сатанина; вси бо любящий плясание бесчестие Иоанну Предтече творят – со Иродьею негасимый огонь и неусыпаяй червь осудить!» Даже смотреть на пляски – грех: «не зрите плясания и иные бесовских всяких игор злых прелестных, да не прельщены будете, зряще и слушающе игор всяких бесовских; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы».

Такой строгий взгляд отчасти поддерживался самым характером старинного скоморошества. Вызванное культом Перуна-оплодотворителя, насилующего облачных дев и щедро рассыпающего семя дождя, оно не отличалось особенною скромностию и требова-

ло от плясок сладострастных движений. Эти «глумы», при грубости нравов старого времени и разгуле праздничного похмелья, выражались в формах не всегда грациозных и подчас бывали уже слишком откровенны; но они нравились неразвитой толпе, а потому продолжали держаться и тогда, когда давным-давно была позабыта та мифическая основа, на которой возникли эти нецеломудренныя игрища. Желая указать на «бесстыдие», летописцы не находили лучшего, более наглядного сравнения, как напоминание о скоморохах. Лишенные всякого покровительства власти, преследуемые нареканиями духовенства и правительственными распоряжениями, скоморохи в XVI и XVII столетиях нередко подвергались обидам и со стороны частных лиц и общин; их зазывали в дома и вместо платы за труд били и отымали у них то, что успели они собрать, ходя по миру.

Блестящая яркими, великолепными красками, радуга должна была особенно сильно поражать поэтически настроенную фантазию первобытных народов. Наряду с другими небесными явлениями и за нею был признан

священный, божественный характер, – и как в природе радуга сопровождает летние грозы и проливные дожди, напояющие воздух влагою, то понятно, что и в народных сказаниях она поставляется в тесную связь с богом-громовником. По различию впечатлений, производимых ею на глаз, поэтическая фантазия древнего человека сближала радугу с разнообразными предметами; но сближения свои постоянно основывала на действительном сходстве форм и признаков.

Радуга = лук, дуга, арка. Наши предания дают Перуну, вместе с молниеносными стрелами, и огненный лук; доселе уцелевшая в народе поговорка: «Ах ты, радуга-дуга! ты убей мужика» ясно намекает на древнейшее представление радуги – Перуновым луком, с которого пускались смертоносные стрелы.

Близкая связь радуги с дождем выразилась в следующем мифическом сказании, какое существовало еще у римлян и какое можно услышать от поселян повсюду на Руси: радуга берет или пьет из земных озер, рек и колодецев воду и потом, в виде дождя, посылает ее обратно на землю. Малороссы говорят: «Ве-

селка воду бере», т. е. показалась радуга, или: «Веселка-красна пани з' криници воду бере». Название «веселка» (веселка, веселуха, висялуха) означает: висящая на воздухе. В наших деревнях и селах до сих пор слышатся такие причитанья, обращенные к радуге: «Радуга-дуга! не давай (или: перебей) дождя; давай солнышко, давай ведрушко!»; «Радуга-дуга! наливайсь дождя» или: «Не пей нашу воду!». У западных славян существует поверье, что вещица (ведьма) может украсть и спрятать радугу и чрез то произвести засуху.

Радуга = коромысло. На том же основании, на каком радуга уподоблялась дуге или луку, уподобляли ее и коромыслу. На метафорическом языке загадок коромысло изображается под видом дуги и изогнутого моста (то и другое представление усвоивалось и радуге): «Два моря на дуге висят» (два ведра с водою на коромысле), или: «Промеж двух морей гнутой мостик лежит».

Валахи дают радуге название *curciben* (от лат. *curvus* – кривой, изогнутый), которое Потт сближает с русским коробить (короб, корыто). В некоторых местах России верят, что

радуга есть блестящее коромысло, которым Царица Небесная (древняя богиня весны и плодородия =громовница; воспоминание о ней в позднейшую эпоху двоеверный народ слил с именем Богородицы, именуемой сербами Огненной Мариєю) почерпает из всемирного студенца (окиан-моря) воду и потом орошает ею поля и нивы.

Радуга = кольцо, головная повязка, пояс. Полукруглая форма радуги заставляет видеть в ней кольцо, обнимающее землю. Роскошные, блестящие краски, которыми сияет радуга, заставили уподобить ее драгоценному убору, в которые наряжается божество неба.

Предания эти, очевидно, образовались под непосредственным влиянием ветхозаветного сказания (Быт., IX), что Господь, устанавливая союз свой с Ноем и его семенем, дал радугу «во знамение завета»; но с этим библейским сказанием суеверный народ слил свои старинные представления. Суровое время зимы языческий миф почитал эпохою владычества враждебных и нечистых сил, весенние разливы и грозы, сопровождаемые дождевыми ливнями, изображал в грандиозной картине Ми-

рового потопа, а являющуюся весной вслед за дождями радугу признавал знамением возрождения природы, грядущего лета, осушающего поля и нивы, и благодатного союза неба с землею = царства богов с юдолью смертных. С приходом зимы пропадает = рушится небесная дуга и жизнь замирает, или, говоря мифическим языком, настает кончина мира.

Представление радуги мостом не чуждо и славянам, как можно заключать из указаний сказочного эпоса. Красавица царевна, принадлежащая к разряду облачных нимф, влюбляется в прелестника Змея Горыныча (демонический тип громовника). Но сойтись им трудно: их разделяет широкая огненная река, соответствующая известному адскому потоку. Царевна ухитряется: она добывает волшебное полотенце, бросила его – и в ту же минуту полотенце раскинулось и повисло через реку высоким красивым мостом. Или по другому рассказу: скачет Иван-царевич от Бабы-яги, доезжает до огненной реки, махнул три раза платком в правую сторону – и откуда ни взялся, повис через реку дивный мост; переехал на другой берег, махнул платком в левую сто-

рону только два раза – и остался мост тоненький-тоненький! Бросилась Баба-яга по мосту, и, как добралась до середины, мост обломился, и она утонула в воде. То же волшебное действие придается сказками и полотенцу: махнешь одним концом – явится мост, а махнешь другим – мост пропадает. Этот сказочный мост-полотенце совершенно тождествен с мостом-поясом лаумы.

Живая вода и вещее слово

Дожденосные облака издревле представлялись небесными колодцами и реками. Холодная зима, налагая на них свои оковы (точно так же, как налагает она льды на земные источники), запирала священные воды, и вместе с тем все кругом дряхло, замирало, и земля одевалась в снежный саван. Весною могучий Перун разбивал эти крепкие оковы своим молотом и отверзал свободные пути дождевым потокам; омывая землю, они возвращали ей силу плодородия, убирали ее роскошною зеленью и цветами и как бы воскрешали от зимней смерти к новой счастливой жизни. Отсюда, во-первых, явилось верование, что дождь, особенно весенний, дарует тем, кто им умывается, силы, здоровье, красоту и чадородие; больным дают пить дождевую воду как лекарство или советуют в ней купаться. Отсюда же, во-вторых, возник миф, общий всем индоевропейским народам, о живой воде, которая исцеляет раны, наделяет крепостью, заставляет разрубленное тело срастаться и возвращает самую жизнь; народ-

ные русские сказки называют ее также сильною или богатырскою водою, ибо она напиток тех могучих богатырей, которые в сказочном эпосе заступают бога-громовника.

По древнему воззрению, Перун, как бог, проливающий дожди и чрез то иссушающий тучи, пьет из небесных ключей живительную влагу. В этой метафоре дождя славянские сказки различают два отдельных представления: они говорят о мертвой и живой воде — различие, не встречаемое в преданиях других родственных народов. Мертвая вода называется иногда целящею, и этот последний эпитет понятнее и общедоступнее выражает соединяемое с нею значение: мертвая или целящая вода заживляет нанесенные раны, срощает вместе рассеченные члены мертвого тела, но еще не воскрешает его; она исцеляет труп, т. е. делает его целым, но оставляет бездыханным, мертвым, пока окропление живою (или живучею) водою не возвратит ему жизни. В сказаниях народного эпоса убитых героев сначала окропляют мертвою водою, а потом живою, так как и в самой природе первые дожди, стоня льды и снега, просеченные

лучами весеннего солнца, как бы стягивают рассеченные члены матери-земли, а следующие за ними дают ей зелень и цветы.

По свидетельству сказок, живую и мертвую воду приносят олицетворенные силы летних гроз: вихрь, гром и град – или вещие птицы, в образе которых фантазия воплощала те же самые явления: ворон, сокол, орел и голубь. Кто выпьет живой, или богатырской, воды, у того тотчас прибывает сила великая: только отведав такой чудодейственной воды, русский богатырь может поднять меч-кладенец (= молнию) и поразить змея, т. е. бог-громовник только тогда побеждает демона-тучу, когда упьется дождем.

Падение дождей из туч, озаряемых пламенем грозы, заставило уподобить небесные водоемы огненным рекам и кипучим источникам. Сверх того, живая вода исцеляет слепоту, возвращает зрение, т. е. пролившийся дождь проясняет небо и выводит из-за темных облаков и туманов всемирный глаз – солнце. Из этих мифических основ создался целый ряд легендарных сказаний о том, как Спаситель и апостолы исцеляют болящих, рассекая их на

части и потом трижды опрыскивая разрубленное тело водою: брызгает Господь в первый раз – тело срастается, брызгает в другой – мертвый начинает шевелиться, а после третьего раза встает здоров и невредим. Или, вместо этого, Спаситель и апостолы варят разрезанные куски тела в горячей воде, и результатом бывает чудесное исцеление.

Древнейший язык, давая названия предметам по их признакам, сблизил и отождествил все, что только напоминало текущие струи влажной стихии; поэтому не только вода, но и молоко, моча, сок дерева, растительное масло и общеупотребительные напитки (мед, пиво, вино) дали метафорические выражения для дождя. Особенно важно в мифологии арийских племен уподобление дождя крепким, опьяняющим напиткам.

Народный эпос любит уподоблять битвы не только грозе, но и приготовлению пива и пиршеству, на котором сражающиеся ратники допьяна упиваются вражею кровию. Например: ворочается домой молодец, весь израненный, сам шатается, на тугой лук опирается. Встречает его родная мать: «Ах ты, чадо

мое! зачем так напиваешься, до сырой земли приклоняешься?» Отвечает добрый молодец: «Я не сам напился; напоил меня турецкий султан тремя пойлами!» Эти пойла – кровавые раны от сабли острой, от копья меткого, от пули свинцовой. Еще в одной песне девица, над которой насмеялся неверный любовник, грозит ему: «Я из крови из твоей пиво пьяно наварю!»

Старинные апокрифические сочинения упоминают о небесных (райских) источниках, текущих медом, вином, млеком и маслом. Так, в хождении апостола Павла по мукам читаем: «Ангел рече ми: вследуй ми, да ты веду в град Христов... Вшедше же видех град Христов и бяше свет его паче света мира сего светяся, и бе весь злат... и бяше от западные страны града река медвена, и от оуга (юга) река молочна, и от сточные страны его река вина и олея, и от северные страны его река маслена».

Простолюдины наши доселе вспоминают о какой-то счастливой стране, где реки медовые и молочные, а берега кисельные. По различию применений, допускаемых народною

догадливостью, нечаянно пролитое за столом вино или масло принимается то за счастливый знак, как предвестие плодородия и обилия, посылаемых дождевыми ливнями, то за примету недобрую, как указание грядущей убыли.

Световитов рог с вином служил знаменем тех сосудов, из которых небесные боги проливали на землю благотворные дожди; усыхание напитка предвещало умаление дождей, а следовательно, засуху и бесплодие, и наоборот. Таким мифическим значением меда и вина условливались и многие другие обряды. С напитками этими соединяли ту же идею плодородия, здоровья и богатства, что и с дождем; а потому волоса жениха и невесты смачивали медом, а во время венца заставляли молодую чету пить вино. Как метафорические названия «живой воды», мед и вино сделались эмблемами воскресения. На праздник Коляды, когда солнце, умерщвленное демоном зимы, снова возрождается к жизни, сербы и черногорцы возжигают в честь его бадняк, посыпают возжженное полено житом и окропляют вином и маслом. На Руси к этому

празднику готовится кутья (ячменная каша), политая медовой сытою. Эта же кутья и мед считаются необходимыми при похоронных и поминальных обрядах. При начале весны, когда земля умывается дождями и пробуждается от зимней смерти (преимущественно в дни Светлой и Фоминой недель), крестьяне ходят на кладбища и поливают могилы родичей медом и вином.

В связи с древним представлением туч демонами возникли суеверные сказания о том, что вино изобретено дьяволом и что черти заводят пьяных в глубокие омуты и увлекают на дно. Под влиянием нравственных тенденций христианства воззрение это должно было получить особенную твердость. Народная фантазия воспользовалась библейским рассказом о Ное, упившемся от виноградного сока, и смешала с ним предание об изобретении хлебного вина. Легенда эта давнего происхождения; она встречается в апокрифическом сказании Мефодия Патарского, сочинения которого были известны уже древнейшему нашему летописцу. По словам апокрифа, когда Ной начал, по повелению ангела, тайно стро-

ить на горе ковчег, то дьявол, искони ненавистник человеческого рода, подстрекал Еву: «Испытай, где ходит муж твой? Она же рече: крепок есть муж мой, не могу испытати его. И рече дьявол: над рекою растет трава, вьется около древа, и ты взем травы тоя (хмелю), скваси с мукою, да пой его – исповесть ти все! Единою же прииде Ной по обычаю из горы пища(и) ради... сшедши же, рече жене своей: дай же ми квасу, яко вжадахся от дела своего. Она же нальяша чашу и дасть ему. Ной же испив и рече: есть ли еще? Испив же три чаши и возлеже опочити, яко же весел сотворися Ной. Она же нача ласковными словесами вопрошати его». Ной поведал ей тайну и наутро нашел ковчег разоренным. Другое сказание, занесенное в сборник Румянцевского музея XVI века, изобретение винокурения приписывает пьяному бесу, но приурочивает это ко времени после Христова вознесения. На юге России ходит предание, что первую горелку выкурил Сатана из куколя и, подпоив Еву, дал ей закусить запретным яблочком.

По указанию народных легенд и лубочных картин, пьяницы пойдут в ад терпеть, вместе

с Сатанюю, муку вечную, а на опойцах черти будут возить на том свете дрова и воду. Простой народ верит, что нечистый подстерегает пьяного и старается затащить его в воду. Одному мужику случилось поздним вечером ворочаться домой с веселой пирушки. Навстречу ему незнакомый: «Здоров будь!» – «Здравствуй!» Слово за слово. «Зайдем ко мне, – говорит встречный, – обогреемся и выпьем по чарке, по другой». Отчего не выпить! Пришли; взялся мужик за чарку и только перекрестился – глядь! стоит по горло в омуте, в руках кол держит, а товарища как не бывало. Или показывается нечистый в виде приятеля, зазывает путника в кабак выпить и прямо-таки в прорубь угодит его.

Представление бессмертного напитка богов – медом дало мифическое освящение пчелам, приготовительницам сладких сотов, и как глубоко проникли убеждения о святости меда и пчел в нравы и культ различных народов, указывал уже Крейцер в своей символике. По русскому поверью, пчелы первоначально отроились от лошади, заезженной водяным дедом и брошенной в болото; рыбаки за-

кинули невода в болото и вытащили оттуда пчелиный рой; от этого роя и расплодились пчелы по всему свету. Устраивая пасеку, пчеловод, для успеха своего дела, обрекает водяному лучший улей; иногда топит этот улей в болоте, а иногда оставляет на пасеке: в первом случае водяной умножает пчел и дарует обилие сотов, а в последнем охраняет заведение от всякого вреда.

Водяной дед, собственно, дождящий громовник; конь и бык (телец) – зооморфические олицетворения тучи, кровь – метафора дождя, пчелы – молнии. Поэтическое уподобление молний пчелам возникло из следующих сближений: легкокрылая пчела, наделенная от природы острым жалом, напоминала этими признаками летучую и разящую молнию: в областном говоре жало называется «жигало» (от слова «жечь»; жигалка – свеча); она наделяет смертных сладкими сотами – точно так же, как молния низводит на землю небесный мед дождей. Осевший на дом пчелиный рой, по мнению древних, предвещал пожар. В шуме летней грозы угадывали жужжание пчел-молний, роящихся в тучах и собираю-

щих мед в цветущих облачных садах.

Чтобы плодились и умножались пчелы, на Руси держат на пасеках кусок меди, отбитый от церковного колокола; всего лучше, говорят знахари, если кусок этот будет отбит от колокола на первый день Пасхи, во время звона к заутрене. Звон, как мы видели, принимался за эмблему грома: как небесные пчелы-молнии начинают роиться весной, при ударах грозового колокола, так стали верить, что медь, звучащая на Светлое воскресенье, должна непременно помогать счастливому роению обыкновенных пчел. То же значение имеет и следующий обряд: на Благовещенье, Вербное или Светлое Христово воскресенье пчеловоды приходят на свои пасеки между заутреней и обедней, высекают огонь из «громовой стрелки» и, зажигая ладон, окуривают ульи с произнесением заговора на плодородие пчел; тем же огнем зажигается и свечка перед иконою соловецких угодников Зосимы и Савватия, которые, по преданию, были первыми распространителями пчеловодства в русской земле. Заговор состоит из молитвенных обращений к Зосиме, Савватию и архан-

гелу Михаилу.

Очевидно, что вышеприведенные сказания о происхождении пчел представляют не более как поэтическое изображение грозы: бог-громовник, носясь на коне-туче, замучивает его в своей бурной поездке и топит в дождевых потоках, а из трупa коня исходят молниеносные пчелы; по другой вариации, они зарождаются «белые, как снег» (= светлые, блестящие) из крови убитого в грозе облачного тельца.

В наших сказках герой, поступая на службу к Бабе-яге, должен стеречь ее буйных кобылиц, которые всякий раз разбегаются от него в разные стороны; но ему помогают пчелы, они пускаются в погоню за кобылицами, жальят их и к назначенному сроку пригоняют домой. Так как мрак ночной отождествлялся с темными тучами, а в блистающих звездах видели молниеносных карликов, то естественно было возникнуть представлению звездного неба – роем золотых пчел, посылающих на землю медовую росу.

Пчела почитается священным насекомым – «божа пташка», по выражению укра-

инцев. Илья-пророк ни за что не ударит громом в улей, хотя бы скрылся за ним нечистый дух (огненный змей); кого ужалит пчела, тот, по мнению народа, грешный человек; рой пчелиный, залетевший на чужой двор, сулит хозяину дома счастье; даже гнездо ос, если заведется под полом избы, принимается за добрую приметку, и поселяне не решатся истребить его, чтобы не накликать беды; убить пчелу – великий грех, а воровство пчелиных колодок признается за преступление, равное святотатству. Воск издревле стал употребляться на свечи, возжигаемые в храмах как жертва, особенно приятная божееству, без пчелы, говорят наши простолюдины, не могла бы совершаться обедня.

Не менее важны баснословные сказания, соединяемые с медведем. Животное это, известное своею любовью к меду, попало в путаницу мифических представлений и принято за символический образ бога-громовника, разбивающего облачные ульи и пожирающего скрытый в них мед (= дождь).

У славян также существовал обычай водить медведя одного или с козою; в XVI и XVII

столетиях на Руси, вместе с другими суеверными обрядами, правительство и духовенство запрещало и водить медведя. Крестьяне говорят, что в день солоновороты (12 декабря) медведь поворачивается в своей берлоге с одного бока на другой и что с этого времени зима начинает ходить в медвежьей шкуре.

Как представитель громовника, медведь играет видную роль в народном эпосе. Так, в одной русской сказке медведь приходит ночевать к девице, оставленной в лесной избушке, заставляет ее готовить себе ужин и стлать постель; ужин она приготовляет, влезая к нему в правое ухо и вылезая в левое – точно так же, как делают богатыри с своим чудесным конем-тучею; потом стелет ему ложе: ряд поленьев да ряд камней, ступу в голова, а жернов вместо покрывала. Медведь ложится и велит девице бегать по избушке да бречать ключами или звенеть колокольчиком, а сам бросает в нее ступу, жернов и камни, убивает насмерть и высасывает из нее кровь. Девица не отличалась добротой, и сказка выставляет ее смерть возмездием за злой характер. Добрую же девицу медведь награждает

стадом коней, возом добра или ключиками, у которых чего ни попроси – все дадут. Смысл сказки ясен, если разоблачить старинные метафоры: медведь-громовник убивает облачную нимфу ступою, жерновом и камнями – эмблемами грозы и высасывает из нее кровь, т. е. дождь; звон и бряцанье – громовые раскаты, а чудесные ключики – то же, что ключ-молния, отпирающий тучи и дающий земле дожди, а с ними плодородие и богатство. Высасывание крови тесно слилось с древнейшими представлениями грозовых духов и породило (как увидим ниже) общераспространенное верование в упырей.

В другой сказке выводится царь-медведь или медведь – железная шерсть, который приходит в некое государство, поедает весь народ и гонится за юным царевичем и его прекрасною сестрою. Они спасаются бегством: сокол или ворон и орел несут их на своих крыльях по поднебесью, выше дерева стоячего, ниже облака ходячего, но медведь опаляет птицам крылья и заставляет опустить беглецов; не помогает царевичу с царевною и борзый, легконогий конь; избавите-

лем их является бычок-дристунок, который залепляет медведю глаза своим пометом. Это – поэтическая картина грозы, в шуме которой гонится бог-громовник, как хищный зверь, за летучими облаками, олицетворяемыми в образе птиц, коня и быка, и пожигает их молниями – до тех пор, пока пролившийся дождь не погасит наконец возжженного им пламени, или, выражаясь метафорически, пока помет облачного быка не залепит молниеносных взоров громовника. Фантазия допускает и смешение звериных форм с человеческими; в народных сказках Перун выступает иногда в виде богатыря Ивана Медведка: по пояс он человек, а нижняя половина – медвежья. Богатырь Медведко является наряду с великанами, олицетворяющими собой различные явления небесной грозы, переставляет с места на место высокие горы (= тучи), сразу выпивает целое море (= проливает дождь) и вообще совершает такие подвиги, перед которыми сознают свое бессилие его товарищи, разбивающие скалы и вырывающие с корнем столетние дубы.

Мифическим значением медведя объясня-

ются некоторые народные приметы и суеверия: перебежит ли дорогу медведь – это знак удачи; в море не должно поминать медведя, не то подымется буря: такова примета астраханских промышленников. Для лучшего успеха в промысле, охотник, застрелив медведя, моет свое ружье в его крови; медвежья кровь имеет здесь то же символическое значение, что и кровь ворона, приносителя живой воды, а кровью этой птицы смачивают дуло ружья, чтоб оно не давало промахов, как не дает промахов молниеносная стрела Перунова, омытая в дождевой воде. Чтобы усмирить лихого домового и отвратить зловредное влияние нечистой силы, крестьяне просят медвежьего поводильщика обвести зверя кругом двора или берут медвежьей шерсти и окуривают ею дом и хлевы, с приличными заклинаниями; чтобы водилась скотина, употребляют то же средство, а на конюшню вешают медвежью голову, с полным убеждением, что это защитит лошадей от проказ домового. Лихорадку лечат так: кладут больного лицом к земле и заставляют медведя перейти через него, и притом так, чтобы зверь непременно

коснулся его спины своею лапою. В Томской губернии от ломоты в ногах мажут их медвежьим салом.

В небесном своде первобытный народ созерцал череп вселенского, божественного великана, а в облаках – его мозг; потому те же способности ума, сметливости, хитрости, которые приписываются мозгу, невольно, независимо от человеческого сознания, были усвоены и облакам и проливаемому ими дождю – «наши помыслы от облац небесных», по выражению стиха о Голубиной книге. Дождь, как живая вода, дающая молодость, бодрость и самую жизнь = душу, должен был получить значение напитка, наделяющего всеми душевными дарованиями, и притом во всей свежести их юного, возбужденного состояния. Те же высокие дары сочетались и с понятием о вихрях и ветрах, приносящих дождевые облака, и свидетельства языка указывают на совершенное отождествление души человеческой с веющим ветром.

В дуновении ветров признавали язычники дыхание небесного владыки, в вое бури, свисте вихрей и шуме падающего дождя слыша-

ли его дивную песню, а в громах – его торжественные глаголы; выступая в весенних грозах, он вызывал природу к новой жизни, будил ее от зимней смерти своей могучею песнею, вновь творил ее своим вещим словом. Слово боже = гром есть слово творческое.

Вступающие в дружбу, чтобы освятить устанавливаемую между ними связь, издревле смешивали свою кровь и выпивали ее вместе: это питье крови делало чуждых друг другу людей как бы близкими, кровными родичами. Один из русских заговоров оканчивается этими словами: «И вместо рукописи кровной отдаю я тебе (нечистому духу, с которым заключается условие) слюну». Известно поверье, что колдуны и знахари, вступая в договор с чертом, должны давать ему расписку, написанную кровью из нарочно разрезанного пальца.

Если, с одной стороны, в шуме ветров и раскатах грома чудились древнему человеку звуки божественных глаголов, то с другой – он собственный свой говор обозначал выражениями, близкими к картинным описаниям грозы. Слово человеческое вылетает из-за го-

родьбы зубов, как быстрая птичка, и уязвляет ненавистных врагов, как острая стрела. Под влиянием таких воззрений слову человеческому была присвоена та же всемогущая сила, какую обладают сближаемые с ним божественные стихии. И это засвидетельствовано и преданиями, и языком, который понятия: говорить, мыслить, думать, ведать, петь, чародействовать, заклинать и лечить (прогонять нечистую силу болезней вещим словом и чарами) – обозначает речениями лингвистически тождественными.

Ведун и ведьма имеют еще другую форму вещун и вещунья (вещица) – колдун и колдунья, и таким образом являются однозначительными с словами «пророк» и «прорицатель» (от реку); предвещать – предсказывать, вития (= ведий), вещей – мудрый, проницательный, хитрый, знающий чары. У Всеслава, рожденного от волхования и обращавшегося в различных животных, вещая душа была в теле. Летописец, рассказывая, что великий князь Олег прозван был вещим, прибавляет: «Бяху бо людие погани и невеголоси»: и поганный, и невеглас употреблялись старинными

памятниками для обозначения всего языческого, непросвещенного христианством; ясно, что слово «вещий» имело в язычестве религиозный смысл. Этим эпитетом наделен в «Слове о полку» певец Боян; персты его также названы вещими. По прямым указаниям «Слова о полку», Боян был певец, слагатель песен и вместе музыкант, подобно позднейшим бандуристам, кобзарям и гусярам, которые ходили по селам и на торжищах и праздничных играх распевали народные думы под звуки музыкального инструмента.

Народное врачевание издревле и донныне совершается чрез заговоры и нашептывания. Песням и музыке славянское поверье приписывает целебные свойства от телесных и душевных недугов. Ипатьевская летопись упоминает о гудце, который мог привораживать зельем (озелить – околдовать) и песнями. В Патерике Печерском читаем: «И много от врачей, волхвов же помощи искаше». То же сопоставление встречаем в старинной песне, где жена, притворяясь больною, посылает своего мужа: «Ты поди дохтуров добывай, волхви-то спрашивати». Муж приводит к ней скоморо-

хов. В Псковской летописи доктор Бомелий назван волхвом.

В самую раннюю эпоху слово, как выражение духовных стремлений человека, как хранилище его наблюдений и познаний о силах обоготворенной природы и как средство для сообщения с богами, резко отделилось от ежедневного обиходного разговора эпическим тоном и стихотворным размером. Священное значение речи, обращенной к божеству или поведующей его волю, требовало выражения торжественного, стройного; сверх того, все народы на первоначальных ступенях развития любят песенный склад, который звучнее, приятнее говорит уху и легче запечатлевается в памяти. Первые молитвы (молить = молыти, молвити) народа были и первыми его песнопениями; они являлись плодом того сильного поэтического одушевления, какое условливалось и близостью человека к природе, и воззрением на нее, как на существо живое, и яркостью первичных впечатлений ума, и творческою силою древнейшего языка, обозначавшего все в пластичных, живописующих образах. Издревле поэзия признавалась

за некое священнодействие; поэты были провозвестниками божественной воли, людьми вещими, одаренными высшею мудростью, чародеями и жрецами.

В наших заклятиях (= заговорах), несмотря на искажения, каким они должны были подвергаться в течение столь долгих веков, еще теперь можно различить те любопытные черты, которые свидетельствуют, что первоначально это были молитвы, обращенные к стихийным божествам. Древнейшая обстановка, сопровождавшая некогда молитвенное возношение, отчасти и до сих пор считается необходимым условием силы заговора, отчасти оставленная – из обряда перешла в формулу. Некоторые заговоры, прежде самого заклинания или мольбы, предлагают описание тех обрядовых подробностей, с какими в древности надо было приступать к этому священному делу: «Вставала я, раба Божия, в красную утреннюю зорю (или: раным-рано, светлым-светло), умывалась ключевой водою (или: утренней росой), утиралась белым платом, пошла из дверей в двери, из ворот в ворота – в чистое поле. В чистом поле охороши-

лась, на все четыре стороны поклонилась...» Или: «Встану я, раб Божий, благословись, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротами, выйду я в чистое поле, стану на восток лицом, на запад хребтом». По этим указаниям, надо было вставать рано, на утренней зоре, выходить в открытое поле, «глядючи на восток красного солнышка», умываться росой или свежей ключевой водою = символом небесного дождя, дарующего обилие и счастье, и кланяться на четыре стороны. «Кланяться», «бить челом» было древнейшею формою, в которой человек выражал свою покорность перед богами, благоговейное поклонение им; обращение к востоку – туда, где восходит верховное божество света – ясное солнце, прогоняющее нечистую силу мрака и оживляющее пробужденную природу, истари было соблюдаемо при молитвенных возношениях у всех народов; обычай требует строить храмы на восток. Владимир Мономах в поучении своем говорит детям: «Да не застанет вас солнце на постели; тако бо отец мой деяшеть блаженный и вси добрии мужи свершении: заутреннюю отдавше Богови хвалу, и

потом солнцу всходящую, и узревше солнце, и прославити Бога с радостью, и рече: просвети очи мои, Христе Боже, и дал ми еси свет твой красный!»

Поморцы, по словам господина Верещагина, до сих пор обращаются с своею молитвою к востоку; но не только они, так же поступают простолюдины и в других местностях России. По русскому поверью, испорченные и больные могут ожидать помощи не иначе как с той стороны, откуда восходит красное солнышко: там сокрыта сила могучая, которая может противостать всякой порче. Поэтому думают, что заговор действует целебно только тогда, когда произносится натошак, т. е. ранним утром. Кроме восходящего солнца, древнеязыческие мольбы были воссылаемы и к ночным светилам – луне и звездам, и, разумеется, по времени совершения они совпадали с появлением этих светил на небе. Увидя в первый раз молодой месяц, поселяне крестятся и говорят: «Молодой месяц! дай тебе Господи круты рога, а мне добро здоровье» или: «Батюшка светел месяц! золоты рога тебе на стоянье, а мне на здоровье», т. е. да прибыва-

ет мое здоровье так же, как будет прибывать, увеличиваться молодой месяц. Самый закат солнца вызывал человека к торжественному заявлению возбужденных в нем чувств; он молил потухающее светило не покидать его навсегда, прогнать демона ночи, даровать наутро новый благодатный день.

Молитвы, следовательно, возглашались и при вечерней зоре и ночью при восходе месяца и возжениии блестящих звезд, причем, следуя старинному обряду, умывались вечерней росой; тем не менее преимущественно они совершались поутру и на восток, ибо с этим временем и с этою стороною соединялась мысль о воскресающем царе Вселенной, о возрождающейся жизни и вместе с тем о благих дарах, ниспосылаемых богами смертным. Заговоры произносились громким, зычным голосом, и доселе большая часть их состоит из молитвенных обращений к небу, светилам, зоре, грому, ветрам и другим стихийным божествам. Славянин призывал Сварога, его детей и внуков: «Ты, небо, слышишь! Ты, небо, видишь!.. Звезды вы ясныя! сойдите в чашу брачную, а в моей чаше вода из заторного

студенца... Месяц ты красный! сойди в мою клеть... Солнышко ты привольное! взойди на мой двор (т. е. пошлите на мой дом и двор счастье, освятите своим светом брачную чашу)... Звезды, уймите раба Божьего (имярек) от вина (от запоя)... Месяц, отврати раба от вина... Солнышко, умири раба от вина!» – «Праведное ты, красное Солнце! спекай у врагов моих, у супостатов, у сопротивников, у властей-воевод и приказных мужей, и у всего народа Божьего уста и сердца, злые дела и злые помыслы, чтоб не возносились, не промолвили, не проглаголали лиха сопротив меня» (Новгородская губерния). – «Гой еси, Солнце жаркое! не пали и не пожигай ты овощ и хлеб мой, а жги и пали куколь и полынь-траву». – «Гой еси ты, Зоря Утренняя, и ты, Зоря Вечерняя! пади ты на мою рожь, чтоб она росла – как лес высока, как дуб толста». – «Матушка Зоря Вечерняя, Утренняя, Полуночная! как вы тихо потухаете-поблекаете, так бы и болезни и скорби в рабе божием (имя) потухли и поблекли – денные, ночные и полуночные». – «Месяц, ты Месяц – серебряные рожки, золотые твои ножки! сойди ты, Месяц, сни-

ми мою зубную скорбь, унеси боль под облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча; мне скорби не перенести, а твоей силе перенести». – «Мать ты моя, Вечерняя Звезда! жалуясь я тебе на двенадцать девиц – на Иродовых дочерей» (=на лихорадки). – «На море на окиане, на острове на Буяне (= в туче-острове, плавающем по небесному морю) живут три брата, три Ветра: один северный, другой восточный, третий западный. Навейте, нанесите вы, Ветры, печаль-сухоту рабе божией (имя), чтобы она без меня дня не дневала, часа не часовала».

Другие воззвания к вихрям, грому, дождю, водам и огню очага указаны в разных местах настоящего труда, а потому и не приводим их здесь. Поэтические обращения Ярославны к солнцу, ветрам и Днепру представляют прекрасный пример старинного заклятия. Прибегая к обожествленным светилам и стихиям, испрашивая у них даров счастья и защиты от всяких бед, древний человек отдавал себя под их священный покров, что выражается в заговорах следующими формулами: «Пойду я в чистое поле – под красное солнце, под светел

месяц, под частые звезды, под полетные облака; стану я раб Божий в чистом поле на ровное место, что на престол Господа моего, облаками облачуся, небесами покроюся, на главу свою кладу красное солнце, подпояшусь светлыми зорями, обтычуся частыми звездами, что острыми стрелами – от всякого злого недуга» или «Умываюсь росой, утираюсь (т. е. осушусь) солнцем, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами».

Сила заговора основывается иногда на выражении, что заявляемое человеком желание исходит не от него лично, а от признанных им богов; так в заклятии, произносимом с целью, чтобы пчелиный рой не разлетался из назначенного ему улья, говорится: «Беру я пчелу, сажаю в улей. Не я тебя сажаю, сажают тебя белые звезды, рогагогий месяц, красное солнышко, сажают тебя и укорачивают (укрощают)».

В эпоху христианскую эти древнейшие возвания к стихийным божествам подновляются подставкою имен Спасителя, Богородицы, апостолов и разных угодников; в народные заговоры проникает примесь воззрений,

принадлежащих новому вероучению, и сливается воедино с языческими представлениями о могучих силах природы: Христос – «праведное солнце» отождествляется с божеством дневного света, Пречистая Дева – с красною зарею, Илья-пророк, Николай-угодник и Георгий-победоносец заступают место Перуна; те или другие святые, получившие в свое заведование различные промыслы и хозяйственные заботы, призываются в заговорах, смотря по тому, с какою именно целью творится заклятие. Как ни странны, как ни дики кажутся подобные смешения, как ни много искажено и затемнено ими старинных преданий, они важны тем, что ярко свидетельствуют за древнерелигиозный характер народных заговоров. Многие заговоры до такой степени были подновлены, что вошли в состав требников (сербских и русских) XV–XVII столетий под именем молитв. Знахари нередко соединяют произнесение заговоров с христианскими молитвами; в Полтавской губернии, например, произнеся заклятие против укушения змеи: «Заклинаю вас, гадюки, именем Господа нашего Иисуса Христа и св. Георгия и

всеми небесными силами и проч.», они тотчас же читают общеупотребительные молитвы.

Когда древние молебные воззвания перешли в заклятия, чародейная сила их была признана именно за тем поэтическим словом, за теми пластическими выражениями, которые исстари почитались за внушение самих богов, за их священное откровение вещим избранникам: прорицателям и поэтам. Заговоры обыкновенно заканчиваются этими формулами: «слово мое крепко!» – «слово мое не прейдет вовек!» – «будьте мои слова крепки и лепки, тверже камня, лепче клею и серы, сольчей соли, острее меча-самосека, крепче булата; что задумано, то исполнится!» – «сие слово есть утверждение и укрепление, им же утверждается и укрепляется и замыкается... и ничем – ни воздухом, ни бурей, ни водою дело сие не отмыкается». Старинная метафора уподобила губы и зубы замку, а язык ключу на том основании, что тайная мысль человека до тех пор сокрыта, заперта, пока не будет высказана языком; язык, следовательно, ключ, отпирающий тайник души челове-

ской. По народной пословице: «Губы да зубы – два запора». Метафора эта нашла для себя знаменательное применение в заговорах; чтобы указать на крепость, нерушимость их заповедного слова, употребляются следующие выражения: «Голова моя – коробея, а язык – замок». – «Тем моим словам губы да зубы – замок, язык мой – ключ; и брошу я ключ в море, останься замок в роте» или: «мои уста – замок, мой язык – ключ: ключом замкну, ключом запру, замок в море спущу, а ключ на небеса заброшу». – «Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч камень алатырь; а как у замков смычи крепки, так мои словеса метки». – «Ключ моим словам в небесной высоте, а замок в морской глубине – на рыбе-ките, и никому эту кит-рыбу не добыть и замок не отпереть кроме меня; а кто эту рыбу добудет и замок мой отперет, да будет яко древо, палимое молнией». – «Замкну аз раб божий за тридевять замков, выну из тридевять замков тридевять ключей, кину те ключи в чистое море-окиан; и выйдет из того моря щука златоперая, чешуя медная, и проглотит тридевять моих ключей, и сой-

дет в глубину морскую. И никому той щуки не поймать, и тридевять ключей не сыскать, и замков не отпирывать, и меня раба Божьего не испорчивать» (Новгородская губерния).

Эти выражения дают заклятию – силу великую; преодолеть ее, уничтожить заклятие так же трудно и невозможно, как отпереть замок, ключ от которого закинут в море, или отпереть замок, брошенный в океан, ключом, закинутым в небеса: «Ключ в небе, замок в море!» Если мы прибавим, что та же метафора ключа употреблялась для означения молнии, отпирающей облачные скалы (=камень алатырь), что ходячие по небу тучи уподоблялись рыбам, плавающим в воздушном океан-море, то поймем всю мистическую важность указанных изречений. Как язык есть ключ к тайнам души, так молния = огненный язык бога-громовника есть ключ, с помощью которого отмыкаются уста Перуновы и раздастся его громовое слово. Таким образом, на освящение и утверждение заклятия призывался громовник; скрепленный его небесным ключом, заговор получал неодолимую твердость: «Мой заговор крепок, как камень ала-

тырь!»; «Кто камень алатырь изложет, тот мой заговор превозможет!» или «тем моим словам небо – ключ, земля – замок отныне и до веку!», т. е. одна только божественная сила, которая может изгрызть облачную скалу и которая весной отпирает недра земли, замкнутые зимним холодом, – сила неба с его весенними грозами в состоянии превозмочь заговор.

Могущество заговорного слова безгранично: оно может управлять стихиями, вызывать громы, бурю, дожди, град и задерживать их, творить урожай и бесплодие, умножать богатство, плодить стада и истреблять их чумною заразою, даровать человеку счастье, здоровье, успех в промыслах и подвергать его бедствиям, прогонять от хворого болезни и насылать их на здорового, зажигать в сердце девицы и юноши любовь или охлаждать пыл взаимной страсти, пробуждать в судьях и начальниках чувства милосердия, кротости или ожесточения и злобы, давать оружие меткость и делать воина неуязвимым ни пулями, ни стрелами, ни мечом, заживлять раны, останавливать кровь, превращать людей в

животных, деревья и камни, короче сказать: слово это может творить чудеса, подчиняя воле заклинателя благотворные и зловредные влияния всей обожествленной природы. С некоторыми апокрифическими молитвами народ соединяет такую же чародейную силу, таков, например, «Сон Богородицы», о котором старинные грамотники утверждали, что тот, кто его читает или при себе носит, будет жить во всяком благополучии, телесном здравии, изобилии, мире и тишине, в судах и у начальства будет в милости и заступлении, в пути – безопасен от злых людей, в лесу – от зверя и гадов, на воде – от потопления, в бою – от оружия.

Представление туч – демонами, дождевых облаков – дойными коровами и другими животными, молний – оружием, грозы – битвою и любовным союзом, дождя – всеоживляющею водою породило убеждение, что вещее слово может распоряжаться нечистою силою, умножать стада, управлять битвами, возбуждать любовь или ненависть, исцелять от болезней и насылать недуги = поветрие. Уподобление, аналогия играют поэтому в разгово-

рах самую широкую роль; в наиболее загадочных и наиболее богатых мифическими чертами заговорах проводится параллель между небесными явлениями природы и теми нуждами заклинателя, которые заставляют его прибегать к вещему слову: как потухает кровавая зоря на небе, так да остановится льющаяся из раны кровь; как не могут устоять демоны против громовых стрел и палицы Перуна, так да бежит неприятель от оружия ратника, и т. д. В разных главах нашего сочинения мы объяснили многие из таких заговоров. Хотя в настоящее время параллель эта не везде осязательна и иные заклятия, по-видимому, не имеют никакого отношения к стихийным божествам; но это, во-первых, потому, что мы утратили понимание старинного метафорического языка и за общепринятым значением слов не сознаем их переносного смысла, а во-вторых, потому, что самые заговоры донеслись до нас значительно искаженными и нередко в жалких, искалеченных обломках. От зубной боли, например, читают следующий заговор: «Ты, мисяцю молодых! пытай ты мертвых и живых: у мертвого зубы

не болять? – У мертвого зубы никола не бо-
лять, кости задубилы, зубы занимилы... Да-
руй, Господы, щоб у мене раба божого зубы за-
нимилы, никола не болилы». Другое средство
лечить зубы состоит в том, что больной дол-
жен кусать церковную паперть с троекрат-
ным произнесением заклѣтия: «Как камень
сей крепок, так закаменей и мои зубы – креп-
че камня!» Желание заклинателя понятно: он
требует, чтобы занемели его зубы, чтобы за-
мерла в них боль и были бы они крепки и
нечувствительны, как камень; но сила заго-
ворного слова в первом случае скрепляется
обращением к месяцу, который, как светило
ночи, признавался за божество, озаряющее
мир загробный (ночь и смерть – понятия, по-
стоянно отождествляемые), а во втором – об-
ращением к камню, как символу Перунова
молота, т. е. молнии, которая, сверх того, упо-
доблялась и крепкому, ничем не сокрушимо-
му зубу.

Верование в могущество слова сливается с
верою в Судьбу, которая определяет людские
доли, смотря по тому, в какой кто час на свет
народился: в счастливый или бесталанный. И

на Руси, и у других славян уцелело много старинных клятв, любопытных по своему эпическому складу и указаниям на древние мифические представления; все они состоят в призывании на недруга карающей руки божества, тяжелых болезней и всевозможных бедствий: «о, чтоб тебя язвило! (пятнало, или стреляло)» – «Благое тебя побери!» (благой – безумный; смысл тот: «чтобы ты с ума сошел!») – «Колом тебя в землю!» (намек на осиновый кол, которым прибивают умерших колдунов и ведьм). – «Богдай тебя – провались ты, сгибни!» – «Няхай на цябе все поветрие!» и др.

Злое, неосторожно сказанное в сердцах слово, хотя бы без всякого желания, чтоб оно сбылось, по народному поверью, никогда не остается без худых последствий. «Чтобы тебя буйным ветром унесло!» – говорит в сказке красная девица, не добудившись своего милого, и в ту же минуту подхватило его вихрем и унесло далеко-далеко в неизвестные страны. Если отец или мать скажет своему детищу, особенно в недобрый час, нехорошее слово: «Черт бы тебя брал!.. изыми тя!.. унеси тя!»,

быть ребенку между заклятыми, т. е. попасть в число тех, которые унесены нечистою силою. В народе нашем ходит множество рассказов о том, как пропадали таким образом отверженные дети.

Ярило

Небесная гроза, с ее бурными вихрями и дождевыми ливнями, обожалась литовско-славянским племенем в образе Перуна, память о котором до сих пор живо сохраняется у белорусов и литовцев. Как божество, посылающее дожди, Перун явился творцом земных урожаев, подателем пищи, установителем и покровителем земледелия. Земля, по народному русскому поверью, не растворяется (= не открывает своих недр на рождение злаков) до первого весеннего грома, т. е. до выезда на небо Перуна в его громовой колеснице (= облаке); с этим поверьем согласуется другое, что весенние ветры, дующие из ясени, разбивают почку деревьев: следовательно, и деревья начинают распускаться только с пробуждением бога-громовника, в свите которого шествуют весенние ветры, пригоняющие дождевые облака. Поэтому дождь называется крестьянами кормильцем.

Когда раздастся удар первого грома – все спешат умыться водою, которая в это время молодит и красит лицо, дает здоровье и сча-

сть; ту же чудесную силу приписывают и дождю, и девицы при первой весенней грозе умываются им или водою с серебра и золота и утираются чем-нибудь красным: серебро и золото – эмблемы блестящих лучей летнего солнца или золотистых молний, а вода – эмблема дождя, который обновляет (= молодит) землю, украшает ее зеленью и цветами и водворяет на ней общее довольство. Об этом обыкновении упоминает и царская грамота 1648 года: «И в громное громление на реках и в озерах купаются, чают себе от того здравия, и с серебра умываются».

В искусстве возделывать землю плугом арийские племена видели божественное изобретение, и самая летняя гроза изображалась в поэтической картине вспахиванья облачного неба громоносным Перуном. Так как, по другому воззрению, та же гроза уподоблялась битве, то, сближая оба эти представления, народная фантазия допускает сравнение битвы с возделыванием пашни. Такие поэтические сравнения возникали под непосредственным влиянием языка, который понятия грозы, битвы и оранья выражал родственны-

ми звуками, так как со всеми ними нераздельна одна и та же мысль о разящем острие и наносимой ране: орать – «резать» землю плугом, ратай – пахарь и рать, ратник; пахать доселе сохраняет в областных наречиях древнейшее значение «резать», например, пахать хлеб, мясо.

Мы уже говорили о древнейшем представлении грозы брачным торжеством, любовною связью, в какую вступал бог-громовник с облачною или водяною (= дожденосною) нимфою, за которую несся он в порывах бури, как дикий охотник за убегающей жертвою, схватывал ее и заключал в свои пламенные объятия; нимфа означает в греческом не только мифическое олицетворение дождевой тучи, но и вообще «новобрачную, невесту».

Туча олицетворялась существом женским, прекрасною полногрудую нимфою, питающею своими материнскими сосцами (= молоком дождя) весь дольний мир; сжимая ее в своих объятиях, бог-громовник соединялся с нею молнией, как мужским детородным членом, и проливал на землю оплодотворяющее семя дождя. Согласно с этим, в других метафо-

рических представлениях громовник сверлит гору-облако буравом и, проникая в ее недра извивающимся змеем (= молнией), выпивает там драгоценный напиток-дождь; тем же орудием сверлит он и тучу-дерево, возжигая в ней пламя небесной грозы – точно так же, как на земле живой огонь добывался в древности быстрым вращением деревянного сверла, вложенного в круглое отверстие дубового обрубка. Это понятие сверлящего бурава прилагалось и к мужскому детородному члену.

Значение Ярила вполне объясняется из самого его имени и сохранившихся о нем преданий. Корень яр совмещает в себе понятия: а) весеннего света и теплоты, б) юной, стремительной, до неистовства возбужденной силы, с) любовной страсти, похотливости и плодородия: понятия, неразлучные с представлениями весны и ее грозных явлений.

Прилагательные ярий, переярий в Курской губернии употребляются, говоря о животных, в смысле: второгоднего= пережившего одну весну. Ярый воск – чистый, белый («горит свеча воску ярого»), ярые пчелы – молодые, весеннего роенья; чехи тот же эпитет, кроме

пчелы и воска, придают и меду.

Внутренние движения души своей древний человек не иначе мог выразить, как чрез посредство тех уподоблений, какие предлагала ему внешняя, видимая природа, и так называемые отвлеченные понятия первоначально носили на себе материальный отпечаток; это и теперь слышится в выражениях: пылкая, пламенная, горячая любовь, теплое чувство, разгорячиться, вскипеть, вспылить – прийти в гнев, разжечь в ком ненависть, желание мести, опала – царский гнев, пожигающий словно огонь, и проч. Яровать – кипеть и обрабатывать поля под весенние посевы; яровина (яровинка) – весной посеянный (яровой) хлеб. Ярость – гнев и похоть, ярун – похотливый, поярый – пристрастный к чему-нибудь («он пояр до вина, до женщин»), яриться – чувствовать похоть.

Воспоминание об Яриле живее сохранилось в Белоруссии, где его представляют молодым, красивым и, подобно Одину, разъезжающим на белом коне и в белой мантии; на голове у него веночек из весенних полевых цветов, в левой руке держит он горсть ржаных

колосьев, ноги босые. В честь его белорусы празднуют время первых посевов (в конце апреля), для чего собираются по селам девушки, избрав из себя одну, одевают ее точно так, как представляется народному воображению Ярило, и сажают на белого коня. Вокруг избранной длинною вереницею извивается хоровод; на всех участницах игрища должны быть венки из свежих цветов. Если время бывает теплое и ясное, то обряд этот совершается в чистом поле – на засеянных нивах, в присутствии стариков. Хоровод возглашает песню, в которой воспеваются благие деяния старинного бога, как он ходит по свету, растит рожь на нивах и дарует людям чадородие.

В деревнях Великой и Малой России весенний праздник Ярилы перешел в чествование Юрьева дня; собственно же под именем Ярилова праздника известны были здесь и удерживались весьма долгое время те игрища, которые древле совпадали с периодом удаления летнего солнца на зиму. Тогда совершался знаменательный обряд похорон Ярила; изображение его делалось с огромным мужским детородным членом и полагалось в гроб; по-

хороны сопровождалась плачем и завыванием женщин. Этим обрядом выражалась мысль о грядущем, после летнего солонороота, замирании плодотворящей силы природы, о приближающемся царстве зимы, когда земля и тучи замыкаются морозами, гром перестает греметь, молния – блистать, дождь – изливаться на поля и сады. Обрядовая обстановка, с какою праздновали бога Ярилу в разных местностях, указывает на тесную связь его с летними грозами, на тождественность его с дождящим Перуном: опьянение вином, как символом бессмертного напитка богов (= дождя), бешеные пляски, сладострастные жесты и бесстыдные песни (символы небесных оргий облачных дев и грозových духов) напоминали древние вакханалии; как на праздниках Дионису главная роль принадлежала вакханкам, так и в вышеописанном белорусском игрище совершение обряда исключительно возлагается на девиц. В Воронежской губ. лицо, избранное представлять Ярила, убиралось цветами и обвешивалось бубенчиками и колокольчиками, в руки ему давали колотушку, и самое шествие его было сопровождаемо сту-

ком в барабан или лукошко; потому что звон и стук были метафорами грома, а колотушка – орудием, которым бог-громовник производит небесный грохот.

«Любовь – не пожар, – выражается пословица, – а загорится – не потушишь». В Переяславльском уезде говорят: «Лучше семь раз гореть (т. е. быть холостым, томиться любовью), чем один овдоветь». В том же значении слово «гореть» употребляется в замечательной народной игре, известной под именем горелок. Горелки начинаются с наступлением весны, с Светлой недели, когда славилась богиня Лада, покровительница браков и чадородия, когда самая природа вступает в свой благодатный союз с богом-громовником и земля принимается за свой род. Очевидно, игре этой принадлежит глубокая древность. Холостые парни и девицы устанавливаются парами в длинный ряд, а один из молодых, которому по жребию достается гореть, становится впереди всех и произносит: «Горю, горюпень!» – «Чего ты горюшь?» – спрашивает девичий голос. – «Красной девицы хочу». – «Какой?» – «Тебя молодой!» При этих словах одна пара разбегается

в разные стороны, стараясь снова сойтись друг с дружкой и схватиться руками; а который горел, тот бросается ловить себе подругу. Если ему удастся поймать девушку прежде, чем она сойдется с своей парой, то они становятся в ряд, а оставшийся одиноким заступает его место; если же не удастся поймать, то он продолжает гоняться за другими парами, которые, после тех же вопросов и ответов, бегают по очереди. Погоня за девицами, ловля, захват их указывают на старинные умычки жен; юноша, волнуемый страстными желаниями, добивающийся невесты, уподобляется горящему пню, а самая игра в разных областных наречиях слывет: огарыши, огорельш, опрел (отпреть), гори-дуби гори-пень. Есть еще другая игра, значение которой тождественно с горелками; девица садится в стороне и причитывает: «Горю, горю на камешке; кто меня любит, тот сменит» (или: «кто милее всех, тот меня выкупит»). Из толпы играющих выходит парень, берет ее за руки, приподымает и целует; потом садится на ее место и произносит те же слова; его выкупает одна из девиц, и так далее.

Заговоры на любовь называются присушками – огонь = то, что жжет и сушит; наше сухмень – засуха, произведенная жаркими лучами солнца, а на утрату этого чувства – отсушками или остудою (от стыть, студить, студеный, стужа, остуда – нелюбовь, ненависть, постылый – немилый; сравни: охладеть в любви). Для того чтобы уничтожить в ком-нибудь любовь, надобно погасить в нем пыл страсти, охладить внутренний сердечный жар. Этим многочисленным данным, по-видимому, противоречит слово «зазноба» – любовь (зазнобчивый – влюбчивый от знобить – холодить, морозить, озноб – дрожь, ощущение холода), но это противоречие только кажущееся: оно легко объясняется переходом понятия о поедучем, причиняющем боль огне к значению жгучего мороза. Заговоры на любовь или присушки состоят из заклинаний, обращенных к божественным стихиям весенних гроз: к небесному пламени молний и раздувающим его ветрам.

Под непосредственным влиянием древнеязыческих воззрений на силы природы – воззрений, которые находили для себя долго не

иссякавший источник и прочную опору в звуках родного языка, сложилась и система нравственных убеждений человека. Весь внутренний мир его представлялся не свободным проявлением человеческой воли, а независимым от нее, привходящим извне действием благосклонных или враждебных богов. Всякое тревожное ощущение, всякая страсть принимались младенческим народом за нечто наносное, напущенное, какой взгляд и донныне удерживается в массе неразвитого простонародья: пьет ли кто запоем, пристрастится ли к игре, страдает ли душевной болезнью – все это неспроста, во всем этом видят очарование. Чувство любви есть также наносное; те же буйные ветры, которые пригоняют весною дождевые облака, раздувают пламя грозы и рассыпают по земле семена плодородия, приносят и любовь на своих крыльях, навешивают ее в тело белое, зажигают в ретивом сердце. Кто влюблен, тот очарован. Возбуждая тайные желания, безотчетную грусть и томление, любовь понята народом как грызущая, давящая тоска, заставляющая юношу или девицу изнывать, сохнуть, таять; так изобража-

ется она и в заговорах: «как на море на окиане, на острове на Буяне, есть бел-горюч камень алатырь (скала-облако), на том камне устроена огнепалимая баня, в той бане лежит разжигаемая доска, на той доске тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски и бросаются тоски... чрез все пути и дороги и перепутья воздухом и аером. Мечитесь тоски, киньтесь тоски и бросьтесь тоски (в красную девицу) в ее буйную голову, в тыл, в лик, в ясные очи, в сахарные уста, в ретивое сердце, в ее ум и разум, в волю и хотение, во все ее тело белое», чтобы был ей добрый молодец «милее свету белого, милее солнца пресветлого, милее луны прекрасной.

Присушки наговариваются большею частью на хлеб, вино или воду, и эти наговорные снадобья даются при удобном случае тому, кого хотят приворожить; произносятся они и на след, оставленный ступнею милого человека, и на ласточкино сердце и вороново перо.

Чара направлена на то, чтобы заставить добра молодца ухаживать, волочиться, следовать за красной девицей; след – эмблема но-

ги. Ласточка – птица, предвещающая возврат весны с ее благодатными грозами, а ворон – приноситель живой воды дождя, и потому им дается участие в заговорах на любовь. Ласточкино сердце привязывают к шейному кресту, а вороново перо кладут у порога, через который должна переступить любимая девица; но прежде этого они нарочно засушиваются: «Как иссыхает птичье перо и сердце, так да иссохнет красная девица по доброму молодцу». На те же предметы наговариваются и остуды, и самое заклятие обращается к тем же стихиям – грозе, ветрам и воде, как символу дождя.

Итак, вода должна смыть с влюбленного тоску, залить его сердечный жар – подобно тому как погасает пламя молний в дождевых потоках. Бурные порывы грозы и вихри, по смыслу заговоров на остуду, должны развеять, разнести любовную тоску и охладить ее пыл своим холодным дыханием. Это доказывает, что и те эпические обращения к рекам и ветрам с просьбой унести людское горе, какие часто встречаются в народных песнях, далеко не были риторическими прикрасами, а

порождены искреннею верою в могущество стихий.

Так как тучам и вихрям, наряду с божественным, придавался и демонический характер, то заклятия на любовь обращаются иногда к нечистой силе.

Из древнейшего воззрения на грозу, как на брачный союз, возникло множество гаданий, поверий и свадебных обрядов, связывающих предвестия о браках и идеи семейного счастья и чадородия с различными символическими представлениями грома, молнии и дождя.

Так как земной огонь был эмблемою небесного пламени молний, а вода – дождя, то отсюда понятны следующие гадания: а) девица вздувает с уголька огонь на лучину; если она долго не разгорается, то муж будет непослушный, крутой характером, и наоборот. б) Зажигая с одного конца лучину, втыкают ее другим концом в бревно и примечают: в какую сторону упадет пепел? – с той стороны жених явится (Тамбовская губерния). Или с) обмакивают лучину в воду и потом зажигают, и смотря по тому, скоро или медленно она заго-

рится, делают заключение о выгодном или невыгодном женихе. d) Наливают на сковороду воды, кладут в нее хлопки и зажигают: если хлопки будут гореть с треском, то суженый будет ворчливый, неуживчивый; а если станут втягивать в себя воду – суженый будет пьяница. e) Берут несколько скорлупок грецких орехов, вставляют в них маленькие обрезки восковых свеч, зажигают и опускают в чашку, наполненную водою; каждая свечка пускается на имя одной из гадающих девиц. Чья свеча сгорит прежде, та девица скорее всех замуж выйдет, и наоборот; а чья свеча потонет – той девице умереть незамужнею. Иногда эти свечи обозначаются именами девиц и знакомых парней; если две свечи: одна, названная мужским именем, а другая – женским, поплывут вместе, то жить тому парню с тою девицею в паре. f) Гадают еще так: собравшись толпою, бегут крестьянские девушки к реке или пруду, набирают в рот воды и спешат воротиться в избу, если удастся донести воду во рту, то жених посватается; а которая девица выпустит воду от испуга, кашля или утомления – той нечего и думать о же-

нихе; воротившаяся прежде всех с водою – прежде всех и замуж выйдет. g) Поздно вечером съедает гадалщица наперсток соли, чтобы возбудить в себе жажду, и, ложась спать, приговаривает: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот меня напоит!» Суженый является во сне и подает ей пить: напиток этот – метафора оплодотворяющего семени дождя, которым напояется богиня Земля во время весеннего сочетания ее с отцом Небом. h) Перед отходом ко сну девица продевает в свою косу висячий замок, запирает его и причитывает: «Суженый-ряженный! приди ко мне ключ попросить». То же самое причитывает она и над ведрами, перевясла которых запираются на ночь висячим замком, и над палкою, которая кладется поперек проруби с таким же замком. Если приснится девице, что кто-нибудь из холостых парней приходил к ней за ключом, то она принимает это за предвестие скорого с ним брака. Как бог-громовник только тогда овладевает любовью облачной девы, когда откроет ключом-молнией доступ к дорогому напитку живой воды (= дождю) и упьется им, так и жених в этом замечательном гада-

нье представляется отмыкающим запертое сокровище девственного напитка. Коса также символ девственности, и по свадебному обряду жених покупает ее у родителей невесты. Весьма знаменателен рассказ, встречаемый в муромской легенде о князе Петре и супруге его Февронии, где, согласно с древнейшим воззрением, любовное наслаждение объясняется под метафорическим образом испивания воды: плыла Феврония с своими приближенными по Оке: «Некто же бе человек у блаженный княгини Февронии в судне и жена его в том же судне бысть; той же человек убо прим помысл от лукавого беса, възрев на святую с помыслом. Она же разумех злой его помысл и вскоре обличи и рече ему: почерп(н)и воды из реки сей сию страну судна сего. Он же почерпе, и повеле ему испити; он же пив. И рече же паки она: почерпи убо воды здругой страны судна сего. Он же почерпе, и повеле ему паки испити; он же пив. Она же рече: равна ли убо вода есть или едина сладши? Он же рече: едина есть, госпожа, вода. Паки же она рече: сице едино естество женское есть; почто убо, свою жену оставляя, и чюжия (на

чужую) мыслиши?» На той же метафоре основан и следующий сказочный эпизод: добрый молодец приезжает во дворец Царь-девицы, которая спала на ту пору глубоким, богатырским сном; позарился на ее несказанные прелести и смял красу девичью, а сам поскорей на коня и ускакал: не оправил даже постельных покровов. Пробуждается от сна Царь-девица и говорит во гневе: «Какой это невежа в моем доме был, воды испил, колодец не закрыл!» (или: «Квас пил да не покрыл!»)

В свадебных обрядах крестьян огонь и вода доселе не утратили своего древнего значения: переезд молодых через горящий костер, возжение свечей при окручивании невесты, поставление их в кад с зерном и обливание жениха и невесты ключевой водою совершаются с целью призвать на юную чету дары плодородия и счастья.

В старину, окручивая невесту, девичью косу ее разделяли стрелою, а гребень, которым коса расчесывалась, обмакивали в мед или вино; почему в сеннике, где клали спать молодых, по углам и над брачною постелью утверждали стрелы; почему наконец когда

просыпалась молодая на другой день брака, то покров с нее приподымали стрелою. Как метафора молнии, которою Перун сверлит тучи, проливает дожди и снимает с неба облачные покровы, стрела в свадебном обряде служила знаменем плодородия и вместе с тем была орудием, освящающим брачный союз. Но как тем же орудием поражает Перун демонов, то стрела служила во время свадьбы и предохранительным средством против влияния нечистой силы и злых чар. То же значение соединялось и с другою эмблемою молнии – острым мечом. Спальню молодых охранял в старину конюший или ясельничий, разъезжая вокруг нее с обнаженным мечом.

Бог-громовник представлялся кузнецом, фантазия олицетворяла его медведем, а гром метафорически уподоблялся звону колокола: все эти мифические представления нашли себе применение в народных поверьях о брачном союзе.

Под влиянием христианства древние языческие сказания о мифическом кузнеце-громовнике были перенесены у нас на св. Козьму и Демьяна, в которых простолюдины наклон-

ны видеть одно лицо и которым приписывают они и побиение змея-тучи кузнечными молотами. К этим святым ковачам крестьяне обращаются в своих свадебных обрядовых песнях с мольбою сковать брачный союз крепкий, долговечный, навек неразлучный.

«Сковать свадьбу» значит: сковать те невидимые, нравственные цепи (= обязанности), которые налагают на себя вступающие в супружество и символическими знаками которых служили кольца; Судьба, заведывающая людскими жребиями, по свидетельству народного эпоса, кует и связывает по две нити и тем самым определяет, кому на ком жениться. Как эмблема супружеской связи, кольцо в народной символике получает метафорическое значение женского детородного члена, а палец, на который оно надевается, сближается с фаллусом.

Петух, именем которого доселе называют огонь, почитался у язычников птицею, посвященною Перуну и очагу, и вместе с этим – эмблемою счастья и плодородия. Силою последнего щедро наделила его природа, так что это качество петуха обратилось в поговорку. Вот

почему при свадебных процессиях носят петуха; вот почему петух и курица составляют неперемнное свадебное кушанье; по этим же птицам гадают и о суженых. а) Девицы снимают с насести кур и приносят в светлицу, где заранее припасены вода, хлеб и кольца золотое, серебряное и медное; чья курица станет пить воду, у той девицы муж будет пьяница, а чья примется за хлеб – у той муж бедняк; если курица подойдет к золотому кольцу – это сулит богатое замужество, если к серебряному – жених будет ни богат, ни беден, а если к медному – жених будет нищий; станет курица летать по комнате и кудахтать – знак, что свекровь будет ворчливая, злая. б) Приготавливают на полу тарелку с водой и насыпают кучками жито и просо, а на покуте ставят квашню и сажают в нее петуха; если петух вылетит и кинется прежде на воду, то муж будет пьяница, а если на зерна – муж будет домовитый хозяин, с) Холостые парни и девицы становятся в круг, насыпают перед собою по кучке зернового хлеба (нередко зерно это насыпается в разложенные на полу кольца) и бросают в середину круга петуха; из чьей куч-

ки он станет клевать – тому молодцу жениться, а девице замуж выходить. d) Сажают под решето петуха и курицу, связавши их хвостами, и замечают: кто из них кого потащит? По этому заключают, возьмет ли верх в будущем супружестве муж или жена. Или просто выпускают петуха с курицею на середину комнаты: если петух расхаживает гордо, клюет курицу, то муж будет сердитый, и наоборот, смиренный петух сулит и кроткого мужа. 1 ноября, посвященное памяти Козьмы и Демьяна, святым ковачам свадеб, называется в простонародье курячьим праздником или курьими именинами; в старину в Москве 1 ноября женщины приходили с курами в Козьмодемьянскую церковь и служили молебны, а в Ярославской губернии в этот день режут в овине петуха и съедают целой семьей. Зерновой хлеб, овин, где его просушивают, решето, которым просеивается мука, и квашня, где хлеб месится, – все это эмблемы плодородия.

Илья-громовник и огненная Мария

С принятием христианства многие из старинных языческих представлений были перенесены на некоторые лица ветхо- и новозаветных святых. Младенчески неразвитый народ не в силах был разорвать своих связей с прадедовской стариною; старина эта проникала весь строй его речи, а с тем вместе и все его воззрения на жизнь и природу, каждый день, каждый час она напоминала ему о себе в тысяче тех слов и оборотов, помимо которых он не умел и не мог выражать своих мыслей. Чтобы всецело отрешиться народу от образов и верований, созданных язычеством, для этого нужно было отказаться ему от родного языка, что выходило из пределов возможного. Так на Илью-пророка были перенесены все атрибуты и все значение древнего Перуна. По языческим представлениям, Перун владел громом и молниями, разъезжал по небу в колеснице, на крылатых, огнедышащих конях, разил демонов огненными стрела-

ми, проливал дожди и воспитывал жатвы. Те же черты дает народная фантазия и Илье-про-року. Поселяне наши представляют его разъезжающим по небу в огненной колеснице; грохотом ее колес объясняется слышимый нами гром. При ударах грома в Нижегородской губернии говорят: «Илья великий гудит!» На лубочной картине Илья-пророк изображается на колеснице, которая окружена со всех сторон пламенем и облаками и запряжена четырьмя крылатыми конями; колеса огненные. Лошадьми управляет ангел; Илья-пророк держит в руке меч.

В заговорах встречаем подобные же представления Ильи-пророка, очевидно подставленного в этих молитвенных заклятиях вместо Перуна; так в заговоре на охрану против ружейных ран читаем: «На море-на океане, на острове на Буяне гонит Илья-пророк в колеснице гром с великим дождем. Над тучею туча взойдет, молния осияет, дождь пойдет – порох зальет... Как от кочета нет яйца, так от ружья нет стрелянья». Так как болезни почитались нечистою силою, которая язвит человеческое тело, то с мольбою об исцелении об-

ращались к богу-громовнику, могучему победителю демонов. В заговоре от сибирской язы вы обращение это делается к Илье-пророку: «Встану я раб Божий, пойду... под восточную сторону; к окияну-морю. На том окияне-море (= небе) стоит божий остров, на том острове лежит бел-горюч камень алатырь, а на камени – снятый пророк Илия с небесными ангелами. Молюся тебе, святой пророче божий Илия, пошли тридцать ангелов в златокованом платье, с луки и стрелы, да отбивают и отстреливают от раба Божиего (имярек) уроки и призеры и притки, щипоты и ломоты и ветроносное язво».

Во Владимирской губернии говорят, что он побивает нечистых каменными стрелами.

От святого Ильи, по народному убеждению, зависят росы, дожди, град и засуха. 20 июля, в день, ему посвященный, ожидают грозы и дождя, который непременно должен пролиться на это число. На Ильин день не косят и не убирают сена, потому что в противном случае святой Илья, за непочтение назначенного ему праздника, убьет громом или сожжет накошенное сено молнией.

Великорусские поговорки утверждают: «Илья грозы держит», «Илья-пророк в поле копны считает», «На Ильин день где-нибудь от грозы загорается», «До Ильи поп дождя не умолит, после Ильи баба фартуком нагонит», «На Ильин день олень копыто обмочил», т. е. олень-туча проливает дождь. Ильинским дождем умываются и окачиваются от вражьих чар, очного призора и болезней; замечают еще, что ведро на Ильин день предвещает много пожаров, а дождь – наоборот.

Илья-пророк почитается производителем урожая; ему дают эпитет наделяющего и на Новый год, при посыпании зерном, причитывают: «Ходит Илья, носит пугу (плеть – метафора молнии) житяную; где замахнет – там жито растет!» 20 июля начинают зажинать рожь, т. е. вяжут первый сноп, обмолачивают, готовят из зерна хлеб, приносят его в церковь для освящения и потом вкушают от новины, а из соломы устраивают новую постель. Если град выбивает местами хлеб, то поселяне говорят: «Это Бог карает; он повелел Илье-пророку: когда едешь в колеснице, щади нивы тех, которые раздают хлеб бедным»

полною мерою; а которые жадны, обмеривают и не ведают милосердия – у тех истребляй!» В Курской и Воронежской губерниях, оканчивая жнитво, оставляют на поле горсть колосьев, завязывая их узлом, в честь Ильи-пророка, что называется завязать Илье бороду: обряд, отождествляющий этого святого с богом Волосом или Перуном, ибо Волос только особенное прозвание громовника как пастыря небесных стад (= облаков). В некоторых местностях уцелели остатки древних пиршеств и жертвенных приношений, совершавшихся некогда Перуну во время жатв, как подателю земного плодородия. Вся волость собирается на Ильин день к церкви и сгоняют туда рогатый скот; после обедни выбирают одно животное, за которое и платят миром хозяину деньги; потом закалывают его, варят мясо и раздают по кускам за деньги; вырученные деньги идут на церковь. Не быть на этом празднестве и не получить священного мяса – считается за большой грех. В Пермской губернии, по словам Лепехина, устраивали на Ильин день обед – на мирскую складчину убивали быка и теленка и съедали их всею

общиною; а в Калужской губернии в этот день приносят к церкви колотых молодых барашков и просят священника окропить их святою водою.

Указанные верования послужили источником, из которого возникла любопытная народная легенда об Илье-пророке и Николае-угоднике. На последнего перенесено было древнеязыческое представление морского бога (собственно: владыки дождевого моря), так как в житии его рассказывается о чудесах, совершенных им на море; молитвами своими он усмирлял волнения и заставлял стихать бури.

Содержание русской легенды, проникнутой несомненно языческими воззрениями, следующее: в давние времена жил-был мужик, Николин день завсегда почитал, а в Ильин нет-нет да и работать станет; Николае-угоднику и молебен отслужит, и свечу поставит, а про Илью-пророка и думать забыл. Вот раз как-то идет Илья-пророк с Николою по полю этого самого мужика, идут они да смотрят – на ниве зеленыя стоят такие славные, что душа не нарадуется. «Вот будет урожай так

урожай!» – говорит Никола. «А вот посмотрим! – отвечал Илья. – Как спалю я молнией, как выбью градом все поле, так будет мужик правду знать да Ильин день почитать». Поспорили и разошлись в разные стороны. Никола-угодник сейчас к мужику. «Продай, – говорит, – поскорее ильинскому попу весь хлеб на корню; не то ничего не останется, все градом повыбьет». Мужик послушался. Прошло ни много ни мало времени: собралась, понадвинулась грозная туча, страшным градом и ливнем разразилась она над нивою мужика, весь хлеб как ножом срезала. На другой день идут мимо Илья с Николою, и говорит Илья: «Посмотри, какво разорил я мужиково поле!» Никола-угодник в ответ ему заметил, что хлеб мужиком давно на корню продан. «Постой же, – сказал Илья, – я опять поправлю ниву, будет она вдвое лучше прежнего». Никола опять к мужику и заставил его выкупить побитое поле. Меж тем откуда что взялось – стала мужикова нива поправляться; от старых корней пошли новые, свежие побеги.

Дождевые тучи то и дело носятся над полем и поят землю; чудный уродился хлеб –

высокий да густой, сорной травы совсем не видать, а колос налился полный-полный, так и гнется к земле. Пригрело солнышко, и созрела рожь – словно золотая стоит в поле. Много нажал мужик снопов, много наклали копен, уж собрался возить да в скирды складывать. На ту пору идет мимо Илья с Николюю; узнает Илья, что поле мужиком выкуплено, и говорит: «Постой же, отыму я у хлеба спорынью: сколько бы ни наклали мужик снопов, больше четверика зараз не вымолотит!» Никола-угодник идет к мужику и советует ему во время молотбы больше как по одному снопу не класть на ток. Стал мужик молотить: что ни сноп, то и четверик зерна; все закрома, все клетки засыпал рожью, и все еще много остается; пришлось строить новые анбары.

С Ильею-пророком связаны народные воспоминания о древнем боге, покровителе земледелия и дарователе урожаев. Так как уборка хлеба продолжается несколько недель и так как в эпоху язычества это была пора религиозного чествования Перуна-плододавца, то воспоминания свои о боге-громовнике народ

смешал отчасти и с именами других святых, память которых празднуется в числа, ближайшие к Ильину дню. 24 июля празднуют святых Борису и Глебу-Паликопу, а 27 июля – святого Пантелеймону, который также слышет в народе Паликопом (сложное от палить и копа (= копна), т. е. сожигателем хлебных копен у тех, кто не чтит его праздника). «Борис и Глеб – поспел хлеб», – выражаются поселяне поговоркою; это созвучие имени святого со словом, указывающим на дар земного плодородия, оказало такое же несомненное влияние на убеждения пахаря, как и созвучие имени Палей (народная форма вместо: Пантелеймон) с словом «палит». «На Глеба и Бориса за хлеб не берися», т. е. не жни, не работай, не то гроза сожжет сложенные снопы; точно так же кто работает на Палея, у того молния спалит дом или хлеб.

Когда ударит гром – сербы говорят, что св. Илья преследует дьявола; по их мнению, не должно тогда креститься, потому что дьявол, убегая опасности, спешит стать под крест, в который (как известно) не бьет молния.

В некоторых местностях Илью-пророка

представляют в мантии огненного цвета, с мечом, на острие которого горит пламя, и в красной шапке на голове. Даже кавказским племенам не чуждо почитание этого пророка; осетины признают его воплощением огненного молниеносного змея и приносят ему жертвы; о человеке, убитом грозой, они выражаются: «Илья взял его к себе!» – и чествуют самый труп, пораженный молнией.

Как Илья-пророк сменил в народных поверьях и мифических сказаниях Перуна, так точно древнее поклонение языческой богине весенних гроз и земного плодородия – Фрее или Ладе было перенесено на Пречистую Деву Марию.

Накануне Благовещения (25 марта = начало весны, время появления древней громовницы) сожигают соломенные постели, скачут через огонь и окуривают им свои одежды, чтобы прогнать от себя нечистую силу разных болезней; тогда же жгут белье хворых в защиту от сглаза и чар; а в самое Благовещенье не сидят вечером с огнем (т. е. не работают), опасаясь, чтобы кого-нибудь из семьи не убило молнией в наступающее лето. В этот

праздник пекут просвиры из сборной со всей общины муки, освящают их за литургией, и потом каждый хозяин приносит свою просвиру домой и кладет в закром овса, где она и остается до начала посевов. Отправляясь сеять яровой хлеб, хозяин вкушает от этой просвиры; а в других местах благовещенскую просвиру привязывают к сеялке и выносят на ниву во время обсеменения полей. Существует также обычай ставить в день Благовещения образ Пресвятой Богородицы в кадку с зерном, оставленным для посева. Все это делается с тою целию, чтобы яровой хлеб дал богатый урожай.

Мысль о благословенном плоде чрева Богоматери сливается в народных воззрениях с мыслию о весенних родах матери-Земли. На Светлое Христово Воскресение станоят в избе четверик овса или кадку пшеницы и ожидают прихода священника с образами; когда он явится, хозяева встречают его с хлебом-солью. Священник ставит на приготовленное зерно икону Богородицы, совершает обычное молитвословие и кропит избу св. водою. Овес и пшеница, на которых стояла икона, сберега-

ются для посева.

Баснословные сказания о птицах

У всех индоевропейских народов находим мы мифические олицетворения явлений природы в образе различных птиц и зверей, возникшие из одного, общего для тех и других, понятия о быстроте. Стремительное разлитие солнечного света, внезапное появление и исчезание несущихся по небу облаков, порывистое дуновение ветра, мгновенно мелькающий блеск молнии, неудержимое течение воды, резвый полет птицы, рассекающая воздух, пущенная с лука стрела, борзый бег коня, оленя, гончей собаки и зайца – все эти столь разнообразные явления производили одно впечатление чрезвычайной скорости, которое отразилось и в языке и в мифе.

Поэтическая фантазия, сблизившая утренние лучи солнца и быстромелькающие молнии с «летучими» стрелами, то же самое уподобление допускала и по отношению к бурным порывам ветра и шумно ниспадающему дождю, как это видно из эпических выраже-

ний «Слова о полку»: «Се ветры веют с моря стрелами»; «быть грому великому, идти дождю стрелами». Если о дождевых каплях можно было сказать, что они падают стрелами, то, наоборот, о самых стрелах, пускаемых с лука, говорилось: прыскать – «прыщещи стрелами». Стремительность этих небесных явлений сроднила их с несущуюся стрелой, и на том же основании и те и другая сближены с представлением летящей птицы.

По единогласному свидетельству преданий, сбереженных у всех народов арийского происхождения, птица принималась некогда за общепонятный поэтический образ, под которым представлялись ветры, облака, молнии и солнечный свет; стихиям этим были приписаны свойства птиц, по преимуществу – тех, которые поражали наблюдающий ум человека быстротой своего полета и силою удара, и наоборот: с птицами были соединены мифические представления, заимствованные от явлений природы; мало того, фантазия создала своих баснословных птиц, олицетворяющих небесные грозы и бури.

Орла отождествляли с верховным богом –

бросателем молний: «Летел орел из-за Хвалынского моря (море = небо), разбросал кремни и кремницы по крутым берегам, кинул Громову стрелу во сыру землю, и как отродилась от кремня и кремницы искра, от громовой стрелы полымя, и как выходила туча и как проливал сильный дождь...» О представлении громовой стрелы – кремнем или камнем, из которого высекается огонь, сказано было выше. Отсюда родилось поверье об орловом камне; в XVII веке думали, что камень этот охраняет от поветрия, порчи и всяких бед и что его можно находить в гнезде орла, «а держит он его для обереганья своих детей».

По мнению поселян, на чьей соломенной кровле устроит аист (черногуз) свое гнездо, тому хозяину будет во всем удача; не следует только обижать птицу. Но если похитить ее птенцов или яйца или разорить самое гнездо, то быть беде; раздраженный аист улетает и немного спустя возвращается с целою стаей других аистов: все они приносят в клювах жар (горячие уголья) и с разных сторон поджигают избу.

Возвращаемся к орлу, метателю молние-

носных стрел. В позднейшее время, когда ружейная пуля заменила стрелу, удар молнии стал сближаться с ружейным выстрелом; народная фантазия тотчас же воспользовалась этим сближением и стала представлять «ружье» под метафорическим образом орла, как это видно из следующей загадки: «Летит орел, дышит огнем; по конец хвоста – человечья смерть». В сказках орел является с такими мифическими свойствами: он за один раз пожирает по целому быку, выпивает по полному ушату медовой сыты или в день съедает по три печи хлеба, по три туши бараньи, по три туши бычачьи, своею могучею грудью разбивает в мелкие щепы столетние дубы и дожигает огнем крепкие города; все эти черты, как увидим ниже, присвоились и богу-громовнику.

Постоянный эпитет ворона вещей; это птица – самая мудрая из всех пернатых; песни и сказки наделяют ее даром слова и предвещаний. В гнезде ворона незримо хранятся золото, серебро и самоцветные камни, он достает и приносит живую и мертвую воду и золотые яблоки, т. е. переводя метафорические

выражения на общедоступный язык: ворон, как громоносная птица, гнездится в темных тучах, закрывающих блестящие светила, и проливает из них потоки всеоживляющего дождя. В полночь на Чистый четверг, когда, по мнению поселян, наступает благодатная весна, ворон со всем своим племенем спешит искупаться в воде, наделяющей в то время силами и здоровьем, т. е. весной, с появлением грозных, темных как ночь, облаков, ворон купается в живой воде дождя; четверг – день, посвященный Перуну. Так как пролившийся дождь возвращает помраченному тучами небу свет = зрение, то народные сказки заставляют ворона поведать героям о средстве, с помощью которого можно исцелить слепые очи; средство это – живая вода. Подобно тому в одной старинной рукописи (XV века) сохранилось предание, указывающее на древнейшую связь орла с живою водою: «Орел егда състареется, отягчаются очи ему и ослепнет; обрет же источник воды чист, и възлетитъ выспръ на въздух солнечный и мракоту очию своею, и снитъ же долов и погрузитъ в оном источници трикраты».

Мифическое значение ворона, как низводителя дождей, сказалось в любопытном заговоре на остановление крови: «Летит ворон без крыл, без ног, садится к рабу (имярек) на главу и на плечо. Ворон сидит-посиживает, рану потачивает. Ты, ворон, не клюй – ты, руда, из раны не беги... ты, ворон, не каркай – ты, руда, не капни!» Слово «ворон» употреблено здесь как метафора молнии, летящей без крыл, без ног и точащей дождевую влагу из тучи; фантазия проводит параллель между этим естественным явлением и раной, из которой точится кровь, – параллель, тем скорее возникавшая в уме, что молния уподоблялась острому оружию, а дождь – льющейся крови. Заговор заклиняет ворона ни клевать, ни каркать, чтобы кровь остановилась, не текла из пореза – точно так же, как с окончанием грозы, вместе с потухшими молниями и замолкнувшим громом, перестает идти дождь. Уподобляя мелькающие молнии, стремительные ветры и несущиеся по небу тучи – быстролетным птицам, предки наши, пока еще не был забыт ими источник таких представлений, очень хорошо понимали, что это только мета-

форы и что означенные птицы летают без крыл и двигаются без ног. Народные загадки о буйном ветре, грозовой или снежной туче выражаются таким образом: «Без крыл летит, без ног бежит!», о бурном вихре: «Без рук, без, ног воюет» или «Без рук, без ног под окном стучит, в избу просится, на гору ползет». В этих кратких выражениях, как в зерне, кроются зачатки живых поэтических образов, творимых фантазией.

Народные памятники ставят орла, сокола и ворона в близкие отношения к дубу, который издревле был признаваем за священное древо Перуна; так один из заговоров упоминает о вещем вороне, свившем себе гнездо на семи дубах.

В сказках орел, сокол и ворон сидят перед своими дворцами на высоких дубах. Огненный клюв дается ворону, как эмблема молниеносной стрелы; под влиянием того же воззрения клюв его представляется железным острием, которым он всякого поражает насмерть, и как в вышеприведенной загадке орел принят за поэтический образ ружейного выстрела, так и ворон и вообще птица слу-

жит в народных загадках для подобного же обозначения: «Летит ворон – нос окован, где ткнет – руда канет»; «Летит птица – во рту спица, на носу смерть».

Сова, как птица ночная с большими светящимися и способными видеть по тьме глазами, дала свой образ для олицетворения черной тучи, сверкающей молниями. Народная русская загадка именем совы означает огонь: «Летела сова из красного села, села сова на четыре кола» (горящие лучины или огонь в светце с четырьмя ушками).

Название «Ног-птица» из переводных рукописей перешло в уста русского народа, и в наших сказках явилась птица Ногай, с которой совершенно тождественна Стратим, или Страфиль-птица стиха о Голубиной книге (*греч.* – страус). От удара ее могучих крыльев рождаются ветры и подымается буря: представление, совершенно сходное с скандинавскими орлами-великанами.

Народная фантазия иначе не представляет ветры, как существами крылатыми; таковы греческие Борей, Зефир и другие их братья. До сих пор в разных языках, в том числе и в на-

шем, сохраняется эпическое выражение: «прилететь на крыльях ветра».

Возвращаясь к огромной, быстролетной птице сказочного эпоса, мы убеждаемся, что в ее грандиозном образе фантазия воплотила тот неудержимо несущийся бурный вихрь, который, нагоняя на небо черные тучи, потемняет солнечный свет, волнует моря и с корнем вырывает столетние деревья. На крыльях ветров приносится животворная влага дождей, отсюда понятно, почему под крыльями сказочной птицы хранится богатырская, или живая, вода, почему стоит ей дунуть, плюнуть (дуновение = ветер, слюна = дождь) на отрезанные икры доброго молодца – и они тотчас же прирастают к его ногам; понятно также, почему заменяют ее иногда змеем или драконом, в образе которого олицетворялась громоносная туча.

Чужеземные имена страуса и грифа приданы этой птице под влиянием средневековых bestiариев, которые, как известно, составляли в старину любимое чтение грамотного люда; нередко, впрочем, птица-ветр или птица-облако, несущая на своих крыльях сказоч-

ного героя, называется орлом, вороном, соколом или коршуном. Подобно змею-туче, Сокол, Орел и Ворон сватаются в сказках за прекрасных царевен, похищают их и уносят в свои далекие области; когда они являются за красавицами, прилет их сопровождается вихрями и грозой; сверх того, чтобы помочь брату похищенных царевен, Орел воздымает бурю, Ворон приносит целящей, а Сокол живой воды, и таким образом оживляют убитого царевича. Весьма знаменательно, что в других тождественных по содержанию сказках, вместо этих чудесных птиц, выводятся прямо могучие силы летних гроз, под собственными своими названиями; так в сказке о Федоре Тугарине сватаются за красавиц и уносят их с собою Ветер, Град и Гром. Тех же мифических героев, только с заменю Града – Дождем, встречаем в сказке об Иване Белом, женившись на трех сестрах-царевнах, они учат брата их царевича великой премудрости: Гром научает его грохотать в поднебесье. Дождь – лить потоки и топить города и села, а Ветер – дуть, царства раздувать да хаты перевертать. Ворона Вороновича народный эпос часто

отождествляет с Ветром; так в одной сказке, по русской редакции, Солнце, Месяц и Ворон женятся на трех родных сестрах. В трудных случаях жизни сказочные герои обращаются с вопросами к Солнцу, Месяцу и к Ворону или Ветру.

В своем быстром полете ветры подхватывают и разносят всевозможные звуки; признавая их существами божественными, древний человек верил, что они не остаются глухи к его мольбам, что они охотно выслушивают его жалобы, клятвы и желания и доставляют их по назначению. В народных песнях весьма обыкновенны эпические обращения к ветрам, чтобы они скорее донесли весточку к милому другу или к роду-племени. Но как ветры олицетворялись в образе птиц, то понятно, что подобные же обращения стали воссылаться и к этим легкокрылым обитателям лесов и рощ. Потому и в мифических сказаниях, и в народной поэзии птицы являются услужливыми вестниками богов и смертных.

Мифические представления бури, ветров и туч быстролетными птицами послужили источником, из которого возникли приметы,

поставившие в самое близкое соотношение крик и полет различных птиц с непогодой. Карканье ворон, чириканье воробьев, крик галок, грай воронов пророчат ненастье и, смотря по времени года, дождь или снег; то же предвещают гагары – если кричат на лету, сороки – если прячутся под кровлею, ласточки и голуби – если вьются около человека; ласточки, летающие низко над водою, заставляют ожидать дождя; полет птицы-бабы бывает перед ветром: если полет ее плавный – то ветер будет умеренный, а если она рассекает воздух резко, со свистом – то надо ждать бури.

Вообще если птицы кружатся в воздухе с криком, то зимою это знак мятели, а летом – дождя; если же сидят спокойно – то будет ясная погода (Черниговская губерния). Когда гусь хлопает по снегу крыльями или поджимает одну ногу под себя – это служит предвестием стужи. Так как в бурных грозах видели наши предки небесные битвы и пожары, ожесточенную борьбу стихий, то хищные птицы принимаются за предвестниц не только атмосферных явлений, но и грядущих войн, победы или поражения, смерти и пожаров.

Прилетит ли на двор, сядет ли на кровлю ворон, сыч, сова, филин, жолна, дятел – это верный знак, что дому грозит разорение или кто-нибудь из родичей умрет в скором времени; крик ворона, совы и филина на кровле дома предвещает пожар. Зловещий характер присвоен ворону ради черного цвета его перьев, а сове, филину и сычу – как ночным птицам. Эти разнообразные приметы, гадания по полету и крику птиц (вороноград, куролик и проч.) вызвали против себя ряд осуждений со стороны христианского духовенства.

В индийской мифологии известна баснословная птица гаруда (Garudha), с прекрасными золотыми крыльями; знают ее и предания других народов. На Руси она слывет Жар-птицею. Перья Жар-птицы блистают серебром и золотом (у птака Огнивака перья рыжезлатые), глаза светятся как кристалл, а сидит она в золотой клетке. В глубокую полночь прилетает она в сад и освещает его собою так ярко, как тысячи зажженных огней; одно перо из ее хвоста, внесенное в темную комнату, может заменить самое богатое освещение; тако-

му перу, говорит сказка, цена ни мало ни много – побольше целого царства, а самой птице и цены нет!

Выше было объяснено, что раскаты грома и вой бури уподоблялись говору и пению и что на этом основании все олицетворения грозовых туч фантазия наделила словом и вещим даром; потому и баснословная птица Перунова получила название птицы-говоруньи. Из того же источника возникло сказание о Соловье-разбойнике, гнездящемся на высоких дубах, дети которого оборачиваются черными воронами с железными носами.

Не должно, однако, забывать, что в мифических представлениях нельзя искать строго определенного отношения между созданным фантазией образом и исключительно одним каким-либо явлением природы; представления эти родились из метафорических уподоблений, а каждая метафора могла иметь разнообразные применения. Птица-метательница молниеносных стрел являлась в то же время и птицею-вихрем и птицею-облаком; олицетворяя в себе пламя грозы, она вместе с тем могла служить эмблемою и восходящего

солнца. Древний человек постоянно проводил аналогию между дневным рассветом и весенней грозой и живописал тот и другую в тождественных поэтических картинах. Как грозное пламя истребляет темные тучи и возжигает потушенный ими светильник солнца, так зарево утренней зори гонит мрак ночи и выводит за собой ясное солнце: подобно златокрылой, блистающей птице, возносится оно на небесный свод и озаряет своими лучами широкую землю.

Имя лебедя, означающее белый, вполне соответствовало понятию о белом божестве дневного света. От утренней зори и восходящего солнца указанные поэтические уподобления были перенесены на приводимый ими День, который, по свидетельству старинных памятников, как хищная птица, вонзает в ночной мрак свои острые когти. Воспоминание о птице-солнце доселе сохраняется в малорусской загадке, которая называет дневное светило – вертящуюся птицею: «Стоит дуб-стародуб, на том дубе птиця-вертиниця; никто их не достане – ни царь, ни цариця». Птица-солнце восседает на старом дубе; годовое

течение времени, определяемое солнечным движением, народная фантазия уподобляла растущему дереву, на котором гнездится птица-солнце, кладет белые и черные яйца и высиживает из них дни и ночи.

Особенно знаменательны поверья о петухе. Петух – птица, приветствующая восход солнца; своим пением он как бы призывает это животворящее светило, прогоняет нечистую силу мрака и пробуждает к жизни усыпленную природу. По крику петуха простой народ до сих пор определяет ночное время, т. е. как долго остается до утреннего рассвета.

По мнению наших крестьян, крик петухов служит сигналом, что на небе звонят к заутрене; как скоро раздастся ор, черти, мертвецы, колдуны и ведьмы спешат разойтись по своим местам. Загадка выражается о петухе: «Два раза рождается, ни разу не крестится, а черт его боится»; постель и одежду покойника выносят на три дня (иногда на шесть недель) в курятник, чтобы ту и другую петухи опели и таким образом очистили бы их от злого влияния Смерти; если петух поет до полуночи – знак, что он видит дьявола и желает

прогнать его; та ночь слывет в народе веселою, под которую петухи поют с вечера.

Но как утреннее пробуждение солнца в народных поэтических сказаниях отождествлялось с просветлением его прекрасного лика после грозы, а ночной мрак – с черными тучами, то в образе петуха миф по преимуществу олицетворяет небесную грозу, выводящую солнце из-за темных облаков. Громовые раскаты, как указано выше, уподоблялись звону колокола и крику петуха. Своим громозвучным пением (= громом) баснословный петух вещал о победе над демоническими силами, т. е. тучами, о бегстве их от поджигающего пламени молний и о грядущем появлении светозарного солнца. Точно так же и колокольный звон, как метафора грома, разгоняет, по народному поверью, грозовые тучи и вселяет страх в нечистых духов; раздаваясь в ранние предрассветные часы (во время заутрени), он, подобно крику петуха, предвещает восход солнца, и народная загадка принимает «петушиный голос» за метафорическое обозначение колокольного звона. Отсюда объясняется поверье, что утреннему рассвету (соб-

ственно, выходу солнца из-за темных туч) предшествует звон на небе, т. е. звучные удары грома. Старинные апокрифы говорят о громадном мифическом петухе, поставляя в связи с его пением солнечный восход.

Согласно с тем, что бог-громовник был вместе и богом земного огня, слово «петух» на языке поселян и в загадках употребляется в значении огня и домашнего очага. «Посадить красного кочета на крышу», «подпустить красного петуха» означает: поджечь дом; подобное выражение есть и у немцев. Старинная датская поговорка о пожаре – «Красный петух на кровле поет». Русские народные загадки: «Красный кочеток по нашествке (или: по поветью) бежит», «Красненький питушок по жердоци скаче», «Беленький кочет по шестуку ходит» – означают: огонь и горящую лучину.

Больных от испуга в Архангельской губернии окачивают водою, в которой перед тем был выкупан петух, тогда как в других местах употребляют для этого воду, в которую опущены горячие уголья; вода эта, омывшая петуха, получает целебную силу весеннего до-

жды. От лихорадки и желтухи обливают больных под насестью – в то время, когда усядутся на ней куры. В Воронежской губернии существует такой обычай: если ребенок долго кричит по ночам, то мать кладет его в подол и отправляется в курятник лечить от криксы; там купает она его под насестью, приговаривая: «Зоря-зоряница, красная девица! возьми свою криксу, отдай нам сон». Зоря будит людей, отымает у них сон, и потому к ней обращается заклятие не нарушать покоя ребенка. Чтобы у дитяти счастливо прорезались зубы, должно у черного петуха проколоть гребень костяною или деревянною шпилькою и показавшеюся оттуда кровью промазать десны ребенка. Благодатная сила гроз, дарующая земле урожаи, заставила связать с петухом идею плодородия и дала ему место в свадебном обряде и в народных гаданиях о женихах и невестах. Все это свидетельствует о древнерелигиозном значении петуха, и потому поверье, что у того, кто воровал кур, трясутся руки вовсе не было шуткой в устах язычника; в Вологодской губернии даже считают за грех резать и есть петухов.

Как представитель дневного рассвета, огня и молний, петух в мифических сказаниях изображается блестящею красною птицею. В наших сказках известен тот же петушок-золотой гребешок, который играет такую важную роль в мифологии скандинавской. Он сидит на высоком небе и не боится ни воды, ни огня: брошенный в колодец, он выпивает всю воду, а брошенный в печь – заливает этой водою огонь.

И в языке и в мифических сказаниях ночь и туча принимались за метафорические названия смерти; бысролетный ветер, как приноситель зловредных испарений, также роднится с понятием мора, заразы, на что прямое указание находим в слове «поветрие». Отсюда понятно, почему народные загадки представляют смерть птицею.

В Подольской губернии верят, что нечистый может являться в виде черного ворона; через чей двор перелетит каркающий ворон – там будет падеж скота. По русскому поверью, нечистая сила вылетает из ада в образе птиц. Народные приметы крик и прилет хищных птиц принимают за печальное предвестие

чьей-либо смерти. Замечательно, что буря и повальные болезни равно приписываются взмаху крыльев различных птиц; Моровая дева, по мнению поселян, куда захочет наслать болезнь, в ту сторону машет платком.

Сравнивая утренний рассвет = зорю с блестящею, златокрылою птицею, первобытный народ на своем богатом метафорическом языке выразил ежедневный восход солнца баснею о том, что эта чудесная птица каждое утро несет по золотому яйцу, блеск которого прогоняет ночную тьму, или, говоря словами вышеприведенной загадки, каждую неделю кладет по семи яиц белых, по семи черных, т. е. зоря утренняя рождает дни, а вечерняя – ночи. Народные сказки знают златокрылую птицу (утку, гусыню или курицу), которая к рассвету каждого дня несет по золотому яйцу или по дорогому самоцветному камню.

Когда желают выразить мысль, что в настоящее время счастье нелегко дается, обыкновенно говорят: «Умерла та курица, что несла золотые яйца!» Яйцо это, внесенное в темную комнату, освещает собою подобно солнечным лучам; в одном варианте сказки про

утку с золотыми яйцами читаем: «Запер хозяйин уточку в темный сарай; ночью она снесла золотое яичко. Пошел туда мужик, увидел великий свет и, думая, что сарай горит, закричал во всю глотку: “Пожар! пожар! жена, хватай ведро, беги заливать!” Отворили сарай – ни дыму, ни пламени, только светится золотое яичко».

По древнему поэтическому представлению, восходящее поутру солнце рождалось из темных недр ночи, а солнце весеннее – из недр грозowych туч. Согласно с этим, золотое солнечное яйцо несла черная птица-ночь или птица – молниеносная туча: миф, по преимуществу соединяемый с петухом, как птицею, в образе которой равно олицетворялись и утренний рассвет, и пламя грозы. До какой степени сильно было влияние метафорического языка, видно из того, что фантазия не осмелилась отступить от его прямого указания и, вопреки естественному закону, заставила петуха нести яйца.

Окутанное облаками и туманами, солнце представляется золотым яйцом, положенным этою птицею; жаркими лучами своими оно

согревает холодные тучи и заставляет их лить дождевые потоки: поля и нивы покрываются цветами и зеленью, на земле водворяется рай = счастливое царство лета. Но лето кончается, божий кочет – провозвестник гроз замолкает, и снова наступает суровое время зимы, все на земле стареет, и одряхлевший мир гибнет в потоке дождевых ливней, сопровождающих приход новой весны.

На Руси существует поверье: если петух старше семи лет, то его не годится держать в доме, иначе он снесет яйцо, из которого родится огненный змей; колдун берет это яйцо, носит у себя за пазухой или закапывает в навоз; через шесть недель вылупится из яйца змей и станет носить ему серебро и золото.

Черный петух = мрачная туча; в весеннюю пору, после семи зимних месяцев, называемых в народных преданиях годами, является из нее яйцо-солнце, и в то же самое время действием солнечного тепла зарождается грозный змей.

Впрочем, не одно солнце уподоблялось золотому яйцу; та же метафора прилагалась и к блестящим на небе звездам, и к горячим уго-

льям. Созвездие Плеяд (= дикий голубь), известное у народов европейских под именем наседки с цыплятами, у наших крестьян называется Птичьим, или Утиным, гнездом. Названия, очевидно, возникшие из того, что в ярких звездах Плеяд усматривали золотые яйца, которые несет чудесная курица или утка. О сковороде, поставленной на горячие уголья, народная загадка выражается: «Сидит царь-птица (или: курочка) на золотых яичках». Царь-птица, сидящая на золотых яйцах, есть, собственно, пылающий огонь, который доныне называется «красным петухом». Но как земной огонь постоянно отождествлялся с небесным пламенем грозы и как для обозначения того и другого служили одинаковые образы, то понятно, что и самая грозовая птица представлялась фантазии младенческих народов восседающею на золотых яйцах, и в сверкающих молниях они видели блеск этих яиц, катаемых облачными демонами. Отсюда объясняется русское поверье, что черти на перекрестках яйца катают.

В числе разнообразных поэтических уподоблений громовые раскаты сближались

также с гулом, производимым катящимися каменными шарами: игра, состоящая в бросании шаров, принадлежит глубокой древности, и фантазия воспользовалась знакомой ей картиною этой игры для изображения летней грозы; такое уподобление тем легче возникало в уме, что в самых молниях видели камни, бросаемые богом-громовником.

Яйцо, как метафора солнца и молнии, принимается в мифологии за символ весеннего возрождения природы, за источник ее творческих сил. Когда холодное дыхание зимы налагает на небо и землю печать смерти и разрушения, в этом яйце таится зародыш будущей жизни, и с приходом весны из него создается новый мир.

Уподобляя круглый свод неба верхней половине яичной скорлупы, предполагали, что нижняя ее половина спускалась вниз и замыкала собою подземный мир. Таким образом, не только солнце, но и вся Вселенная представлялась одним огромным яйцом. Творение солнца из яичного белка, а луны из желтка согласуется с теми эпитетами, которыми равно обозначалось и сияние небесных светил, и

блеск благородных металлов; как солнце и луна уподоблялись золоту и серебру, так то же уподобление допускалось и по отношению к составным частям яйца. У нас красные и желтые яйца играют важную роль на праздник Светло-Христово Воскресения, совпадающий со временем древнеязыческого чествования творческими силами весны, и самый цвет, в который они окрашиваются, знаменателен: оба эпитета красный и желтый связываются с понятием яркого солнечного света. На Светлую неделю простолюдины катают красные яйца, бьются и меняются ими. Монастырские указы XVII века, наряду с другими суеверными обрядами, запрещают крестьянам биться яйцами; следовательно, в этом обыкновении видели тогда дело, противное вере. В глазах народа яйцо, особенно красное, пасхальное, получило значение средства, наделяющего плодородием и здоровьем. На праздник Пасхи крестьяне ставят на стол кадку с зернами пшеницы, зарывая в ней яйцо, и зерна эти берегут для посева; отправляясь сеять лен, кладут в мешок, наполненный семенами, яйца, а при посеве конопли разбрасывают по полю

яичную скорлупу с таким приговором: «Роды, Боже, конопля билы, як яйца!»

В день Вознесения ходят на поля, засеянные рожью, и подкидывают кверху красные яйца, чтобы рожь так же высоко поднялась (вознеслась), как подброшенное яйцо. Первые три яйца от курицы, которая прежде других начала нестись, употребляются для гаданья о будущем урожае; для этого замечают, в каком порядке, по времени, они были снесены, и потом взвешивают их: если первое яйцо тяжело, то лучший урожай будет от раннего посева, если тянет сильнее второе яйцо – то от среднего, а если третье – то от позднего (Саратовская и Пермская губернии).

Заслышав впервые весенний гром, крестьяне умываются водою с красного яйца – на красоту, счастье и здоровье: яйцу, следовательно, придается то же значение, что и «громовой стрелке»; для того, чтобы лицо было чисто, чтобы не было на нем пятен (веснушек), гладят его первым яйцом, снесенным рябенькою курицею. На Юрьев день, выгоняя скот в поле, гладят лошадей по хребту от головы до хвоста пасхальным яйцом и приговари-

вают: «Как яичко гладко и кругло, так моя лошадушка будь и гладка и сыта!» Чтобы волки не трогали скотины, надо обнести кругом пастбища первое яйцо, снесенное черною курицею, и оставить его в поле: как весенняя гроза разгоняет рыщущих волками демонов зимы, так эмблема молнии – яйцо получило силу отгонять обыкновенных волков. При пожарах обносят вокруг загоревшегося здания яйцо, которым христосовались на первый день светлого праздника, и верят, что огонь далее не распространится; яйцо это, брошенное в пламя пожара, по мнению крестьян, тотчас же погашает его; средства эти почитаются особенно спасительными в тех случаях, когда пожар произошел от удара грозы.

Стихийные силы природы – даже тогда, когда были олицетворяемы в человеческих образах – удерживали за собой мифическое родство с птицами. Богам своим язычник нередко придавал смешанные формы человека и птицы; крылья и пернатая одежда были для многих из них самыми существенными атрибутами, ибо быстрота появления и исчезания богов, принадлежащая им как воплощениям

стремительных стихий, обыкновенно уподоблялась полету.

Очевидно, что голубь издревле принимался за одно из воплощений бога грозы, дождя и ветров; когда пало язычество, суеверный народ смешал это стародавнее представление с учением о Святом Духе, священным символом которого церковь признает голубя; слово «дух» первоначально означало ветер, и стих о Голубиной книге утверждает, что ветры буйные произошли от св. Духа.

В допетровской Руси голубя не употребляли в пищу; простой народ и доньше считает за грех стрелять и есть голубей; кто убьет эту птицу, у того не станет водиться скотина: за такое нечестие бывают падежи. В котором доме водятся голуби, там – во всем удача и счастье и не может быть пожара; когда загорится какое-нибудь строение, то, чтобы погасить пламя, должно бросить в него белого голубя, напротив, голубь, влетевший в окно, предвещает пожар. Как птица, посвященная громовнику, голубь приносит и пожигающий огонь, и дождевые потоки, погашающие пламя грозы. То же значение соединяют предания и с лебе-

дем; птица эта служила метафорой не только ясного солнца, но и грозовой тучи. Стрелять в лебедя почитается на Руси грехом; если убитого лебедя показать детям – они все помрут. Летние грозовые облака в поэтических сказаниях индоевропейских народов изображались девами, которые льют из своих кружек дожди и мечут с своих луков молниеносные стрелы; но как те же облака олицетворялись птицами, то означенным девам даны голубиные, утиные и лебединые сорочки или крылья. Взвизывая на весеннее солнце, выступающее в грозовой обстановке, древние поэты, согласно с двойственным значением лебедя, рисовали это явление в двух различных картинах: с одной стороны, они говорили о деве-солнце, которая в виде белого лебедя купалась в водах облачного моря; с другой – самые облака изображали лебедиными девами, а солнце их воинственным атрибутом – блестящим щитом.

Темные тучи, облака и туманы казались наблюдающему уму древнего человека покровами или одеждою, в которые рядится небо. В заговорах находим следующие выражения:

«оболокось я оболочками» (или темным облаком покроюсь), подпояшусь красною зорею; «облаками облачуся, небесами покроюсь», т. е. отдаю себя под охрану небесных богов от вражьей силы; понятия «покрывать» и «охранять» сливаются: покров и покровительство, щит и защита. Небо рассматривалось нашими предками, как царство облаков, и потому одни и те же названия служили для обозначения и небесного свода и покрывающих его туч.

В нашем литературном языке доселе употребительно выражение: «под покровом ночи», а народная загадка представляет ночной мрак черным сукном: «чорне сукно лизе в викно»; та же самая загадка, с заменой эпитета черный – серым, означает ранний, предрассветный сумрак; памятники народной поэзии дают утру эпитеты «серого» и «седого». Подобным же образом Воскресенская летопись выражается о затмении луны: «И бысть образ ея яко сукно черно». По народному поэтическому представлению, ночь слетает быстро, как птица, и своим черным крылом застилает и небо и землю. «Махнула птица

крылом и покрыла весь свет одним пером», – говорит загадка, означающая ночь. Дым так же закрывает от глаз предметы, как и ночная тьма; потому народная загадка называет его метафорически серым сукном: «Серое сукно тянется в окно» (дым из курной избы). Тонкая ткань сравнивается с дымом: «Рубочок як дым тонесенький»; дымка – легкий, прозрачный покров. В Томской губернии о туманах говорят, что они стелются по горам лоскутьями.

Народные сказки упоминают о волшебной сорочке, наделяющей того, кто ее носит, необычайно богатырскою силою; приобретает она сказочным героем (= громовником) от змея или птиц, этих мифических представителей бурь и грозы, и только облекаясь в нее, он в состоянии бывает владеть мечом-кладенцом (= молнией). Так как грозовые тучи пламенеют молниями, то этой волшебной сорочке придается название «огненной».

Такие сказочные диковинки, как ковер-самолет, шапка-невидимка и скатерть-самобранка, добываются от мифических властите-

лей бурных и грозowych явлений природы – от великанов, леших, вихрей и нечистых духов. Ковер-самолет – поэтическое название облака, несущегося по воле ветров, и в одной немецкой сказке вместо этого ковра служит туча, которая подхватывает героя с великанской горы и уносит его в далекие страны.

Облака, надвигаясь на небо, затемняют светила, а туманы, сгущаясь над землею, скрывают от глаз все предметы, как бы прячут их за своими покровами и делают незримыми. Отсюда летучий плащ получил название плаща-невидимки – представление, совершенно тождественное с шапкою-невидимкою, которая, в свою очередь, легко могла получить название быстролетной.

Древние языческие боги могли незримо являться всюду, куда хотели; стоило им только облечься в туманные покровы, одеться тучею, как тотчас же их светлые образы (небесные светила, зоря, молния) скрывались от взоров смертного; помогая в битвах своим любимым героям, греческие боги и богини закрывали их в минуту опасности густым облаком.

По другому воззрению, гроза представлялась браком громовника с богиней весеннего плодородия – ясным солнцем (Зорею); отсюда создались народные сказки, в которых герой, сватающийся за прекрасную, всевидящую царевну, должен трижды от нее прятаться, а если сумеет скрыться так, что не будет ею найден, то делается счастливым женихом; добрый молодец прячется в облаках, уносясь туда на крыльях ворона или орла, и в глубоком море (= в дождевой туче), спускаясь на его дно с помощью рыбы, или, подобно мальчику с пальчик (олицетворение молнии), залезает в хвост, гриву и под копыто своего быстролетного коня-тучи.

Искусство «морочить», «отводить глаза» приписывается поверьями колдунам и ведьмам, как властителям туч и облаков. Из этих данных объясняется имя Ховалы; так называют в Курской губернии духа с двенадцатью глазами, которые, когда он идет по деревне, освещают ее подобно зареву пожара. Это знакомое уже нам олицетворение многоочитой молнии, которой дано имя Ховалы (от ховать – прятать, хоронить), потому что она

прячется в темной туче; припомним, что тождественный этому духу вий носит на своих всепожигающих очах повязку.

Скатерть – самобранка или самовертка – мгновенно расстилается, по желанию своего владельца, и наделяет его вкусными яствами и питьями; это метафора весеннего облака, приносящего с собой небесный мед или вино, т. е. дождь, и дарующего земле плодородие, а людям хлеб насущный. Она соответствует громовому жернову, который мелет людское счастье и богатство, и рогу изобилия, из которого древние богини рассыпали на смертных свои благодеяния.

В связи с этими представлениями стоят сказочные предания, что взмахом платка (полотенца или простыни) можно творить реки и моря, т. е. туча, в своем воздушном полете, посылает дождевые потоки. Народная поговорка утверждает, что до Ильина дня и по дождя не умолит, а после этого дня «баба (= ведьма) фартуком нагонит».

Облако

Не случайно наш эпический язык удержал за легкими, всегда подвижными облаками постоянный эпитет ходячих; их стремительный полет – в период образования языка породил много метафорических названий, основанных на весьма близких и понятных тогдашнему человеку уподоблениях. Быстро несущееся облако представлялось и ковром-самолетом, и птицею, и окрыленным конем, и летучим кораблем; народный эпос свободно пользовался всеми этноэтическими образами, так что нередко в одном и том же сказании один вариант говорит про ковер-самолет, а другой – про летучий корабль или чудесного коня. Представление облака, тучи кораблем возникло одновременно с представлением неба воздушным океаном, и тем легче было возникнуть этой метафоре, что на основании живого впечатления, производимого подвижностью облака, ладьи и парусного судна, эти различные понятия равно уподоблялись коню и птице.

Русские песни сравнивают лодки с чайка-

ми, а белопарусные суда – с лебедями; корабль Соловья Будимировича назывался Соколом; то же название присвоено былинами и кораблям Ильи Муромца и новгородского гостя Садка; на корабле Ильи Муромца «веял парус, как орлиное крыло».

Русские сказки рассказывают о летучем корабле, который подобно птице может носиться по воздушным пространствам с изумительной скоростью. По свидетельству одной сказки, он находился во власти мифического старика, отличительным признаком которого были чудовищные брови и ресницы, т. е. во власти бога-громовника, которому тучи служат бровями, а молнии – очами. Дабы вызвать появление этого корабля, герой ударяет в дуб – дерево, принимаемое издревле за метафору тучи и потому посвященное Перуну, что напоминает рассказ об одном из семи Симеонов: взял Симеон топор, срубил громадный дуб, тяп да ляп – и сделал корабль, который мог плавать и по воде и под водою.

Так еще недавно в Сибири, во время Масленицы, на нескольких связанных вместе санях устраивали корабль со всеми необходи-

мыми снастями и парусами; в передние сани запрягали до двадцати лошадей, на корабль сажали честную Масленицу (название народного праздника заменило позабытое имя древней богини) и медведя (зооморфическое воплощение бога-громовника) и в сопровождении песенников возили его по улицам. В некоторых городах доныне соблюдается обычай кататься на Масленой неделе в большой лодке, поставленной на полозы.

С плугом соединялось то же мифическое значение, что и с кораблем. Оба эти понятия роднились в воззрениях древнего человека; как первый врезывается в землю и раздирает ее, так последний режет воды и прокладывает себе путь по этой влажной стихии, почему самое слово плуг.

Слово «пахать», кроме значения орать, возделывать землю, употребляется еще в смысле: а) резать, например, пахать хлеб или мясо, и б) мести, развеять: «сени еще не паханы» (не метены), пахалка – метелка, опахало, пах – дух, чад, пахнуть – дуть, веять. Оранье земли, таким образом, сближается в языке с вихрем, волнующим реки и моря, вырываю-

щим деревья и вздымающим пыль; вихрь также взрывает землю и воды, как плуг – ниву, а корабль – море. И с кораблем, и с плугом нераздельно представление о роющем орудии; у плуга есть для того железное лезвие, а у корабля – нос, как у свиньи, копающей землю носом или рылом.

Под влиянием означенных воззрений первобытный народ уподобил грозное облако плугу. Бог-громовник роет вихрями облачное небо, бороздит его разящими молниями и разбрасывает семя дождя. Если припомним, что изобретение ковать металлы приписывалось божеству гроз, то, конечно, им же был выкован и первый плуг; как владыка, творящий земные урожаи, он научил человека возделывать нивы, пахать и засеивать землю.

Старинная русская былина рассказывает про богатыря Микулу Селяниновича: пахал он в поле, и была у него сош ка позолоченная, омешики булатные; усмотрел его молодой витязь Вольга Святославич и поехал к нему с своею дружиною; ехал день, ехал другой с утра до вечера – и не мог нагнать пахаря; настиг его уже на третий день. Надо было сошку

из земли повыдернуть, камни и глыбы из омешиков повытряхнуть; вся могучая дружина пробует свою силу и не может ничего сделать, а сам пахарь подошел да ударил по сохе – и полетела она высоко под облака.

Сверх того, предания наши говорят о пахании на змеях, этих демонических представителях громовых туч, с которыми вел вечные, нескончаемые битвы молниеносный Перун. Таково предание о сильном богатыре Никите или Кирилле-Кожемяке. Когда Никита-Кожемяка одолел змея в бою, он запряг его в соху, весом в триста пуд, и проложил борозду до самого моря; после того вогнал змея в воду, убил его и утопил в море.

Народное суеверие утверждает, что святой Борис все плуги ковал да людям давал. Борис и Глеб нередко заменяются святыми Кузьмой и Демьяном, причем эти последние сливаются народом в одно лицо. Раз Кузьма-Демьян, божий коваль, делал плуг, как вздумал напасть на него великий змей и уже пролизал языком железную дверь в кузницу. «Божий коваль» ухватил его клещами за язык, запряг в плуг и проорал землю от моря и до моря;

проложенные им борозды лежат по обеим сторонам Днепра «Змеевыми валами». Змей все просился испить воды из Днепра, а Кузьма-Демьян погонял его до самого Черного моря и там уже отпустил напиться. Чудовище выпило половину моря и лопнуло. До сих пор по деревням в день святого Козьмы и Демьяна (1 ноября) кузнецы ничего не куют и бабы не шьют, почитая это грехом; а народная загадка кованую железную цепь называет Кузьмою: «Узловат Кузьма, развязать нельзя».

Приведенное предание занесено в сказку об Иване Попялове, где Кузьма и Демьян убивают молотами (= молниями) гигантскую змеиху, которая разевает свою пасть от земли до неба. Буря-богатырь, коровий сын (Перун = молния, сын коровы-тучи), спасается от змеиной матери, являющейся в образе громадной свиньи. Это участие баснословных змей, коровьего сына и свиньи (= демонический образ тучи; связь свиньи с плутом сейчас была указана), ясно свидетельствует, что первоначальная, древнейшая основа рассматриваемых нами сказаний была чисто мифическая; место действия впоследствии с неба перене-

сено на землю и привязано к известным урочищам, как это часто происходит в истории мифа; легендарная обстановка принадлежит тому позднему времени, когда под влиянием нового вероучения атрибуты и подвиги различных героев языческого эпоса были переданы христианским угодникам.

Та же судьба не могла не постигнуть и мифических кузнецов, приготовителей Перуновых стрел. Память Бориса и Глеба празднуется дважды в году: а) весной 2 мая, когда крестьяне принимаются за пашню; по пословице: «Борис и Глеб сеют хлеб»; имена их народ объясняет себе созвучными словами: «барыш» и «хлеб»; святые эти сулят урожай и прибыль, и потому всякий старается продать что-нибудь в день 2 мая, чтобы весь год торговать с барышом. б) Потом празднуют Борису и Глебу 24 июля, когда поспевают жатва и бывают сильные грозы: «Борис и Глеб – поспел хлеб». Вместе с Ильею-пророком они заступили место Перуна; как Илья-пророк пожигает молнией убранный хлеб тех, которые не чтут его праздника (20 июля), так и святые Борис с Глебом пожигают сжатые копны у крестьян,

работающих в поле 24 июля, почему каждому из них дается название Паликопа или Паликопна. Присвоая Борису и Глебу те особенности, какие некогда принадлежали богу-громовнику, народные поверья заставили их ковать первый плуг и пахать на огненном, крылатом змее. Те же представления были перенесены и на св. Кузьму, по созвучию этого имени с словами: кузло (ковка) и кузня; другое основание, которым руководился при этом народ, будет указано дальше.

С началом весны Перун одолевал демонических змеев (= зимние тучи), запрягал их в громовый плуг и бороздил облачное небо; вспахавши небесные нивы, он побивал змеев своею молниеносною палицею, или они сами, утомленные трудною работою, опивались морской водою и лопались, т. е. тучи, переполнившись дождевой влаги, проливали ее с громом и треском на жаждущую землю.

На Коляду, празднуя поворот солнца на лето, славяне славят по углам избы необмолоченные снопы, а на стол кладут чересло плуга, для того чтобы мыши и кроты не портили нив; тогда же дети ходят по домам засеивать,

т. е., входя в избу, посыпают хлебными зернами, с припевом о плодородии, обращенным к Илье-пророку.

Вместе с пробуждением бога-громовника от зимнего сна, вместе с полетом его на воздушном корабле или шествием по небу с громовым плугом земля и вода, окованные до того времени морозами, сбрасывали с себя льды и снега, и первая делалась способною для возделывания плугом, а вторая – для плавания на кораблях и лодках. Природа оживала, и побежденная Зима или Смерть (понятия издревле тождественные) спешила скрыться от поражающих громов Перуна. Торжественная встреча Весны у всех арийских племен сопровождалась обрядом изгнания Смерти.

Как эмблема небесной грозы, побивающей нечистую силу и освобождающей из-под ее власти небесные стада, опахиванье должно прогнать моровую Язву, преградить ей путь страхом Перуновых ударов. Обряд этот совершается с общего согласия и по решению мирской сходки; в Волынской губернии плуг везут на паре волов, но во всех других местностях в таком важном деле не употребляют

животных. Старуха повецалка, большею частью вдова, выходит в полночь, в одной рубахе, на околицу и с диким воплем бьет в сковороду; на ее призыв со всех сторон собираются бабы и девки с ухватами, кочергами, косами, серпами, помелами и дубинками. Ворота во всех домах запираются, скот загоняется в хлевы, собак привязывают. Сбросив с себя рубаху, повецалка клянет Смерть; другие женщины привозят соху, надевают на эту голую бабу хомут и запрягают ее в соху; потом начинается троекратное опахивание вокруг села, причем сопровождающая толпа держит в руках зажженные лучины или горящие пуки соломы, выражающие символически пламя весенней грозы = светоч жизни. Шествие происходит в таком порядке: впереди несут иконы Богородицы, заступившей место древней богини-громовницы (иногда образ Спасителя), Власия – если бывает чума рогатого скота, Флора и Лавра – если бывает падеж на лошадей, так как эти святые почитаются патронами означенных животных; курят ладном или целебными травами и даже в некоторых местах поют церковные гимны. Затем едет

старуха на помеле в одной рубашке и с распущенными волосами; за нею двигается соха, и за сохой идет девка с кузовом разного зернового хлеба, собранного со всех домов, и сеет по пролагаемой борозде. Иногда, вместо передней старухи, несколько баб и девок едут на помелах и лопатах вслед за сохой и также в одних сорочках и с растрепанными волосами. Следующая позади толпа пляшет, вертится, кривляется, размахивает по воздуху принесенными орудиями, бьет в тазы, чугуны, заслонки и косы, свистит и хлопает кнутами; останавливаясь перед каждым двором, бабы и девки стучат в ворота и бешено вопят: «Бей, секи, руби коровью смерть, или холеру! Сгинь, пропади черная немочь! Запашу, заколю, загребу, засеку, замету!» Сверх этих угроз поется еще заклинательная песня.

В Воронежской губернии женское население выбирает из себя девять девиц, известных своим незазорным поведением, трех вдов, отличающихся толщиною, и одну беременную женщину; в полночь избранных девок впрягают в соху – они бывают в белых сорочках, с распущенными косами; ходом сохи

управляют вдовы, а впереди идет беременная баба с образом Божьей Матери; все сборище поет.

В Курской губернии в соху впрягают бабу-неродицу (неплодную), управлять сохой дают девке, решившейся не выходить замуж, а вдовы набирают песку и рассеивают его по проведенной борозде. Посев песку совершается и в губерниях Воронежской и Орловской, при пении особых стихов.

Если попадется тогда навстречу какое-нибудь животное (например, кошка или собака), то его тотчас же убивают – в полном убеждении, что это Смерть, поспешающая укрыться в виде оборотня; если кошка вскарабкается на высокое дерево, то его вырывают с корнем, а кошку убивают.

Известно поверье, что во время грозы и особенно на Ильин день нечистая сила, стараясь избежать громовых стрел, превращается в собак и кошек. Во время опахиванья мужчины не выходят из домов «ради беды великия», потому что бешеная толпа баб всякого встречного принимает за оборотня. Обводя село или деревню отовсюду замкнутою круговою чер-

тою, верят, что за этот опуханный рубеж Смерть уже не в силах перейти. Соха берется обыкновенно об одном сошнике, который прилаживается так, чтобы он отваливал землю от села в противоположную сторону.

Богиня весеннего плодородия, обходящая землю с своим небесным плугом, была вместе и богинею любви, покровительницею брачных союзов и деторождения; принуждая взрослых девиц тащить плуг, германцы придавали этому значение кары, возмездия за то, что они замедлили вступлением в брачные узы. Но такое объяснение, очевидно, возникло в более позднее время. Действующими лицами в обряде опухивания бывают бабы и девки, и притом или совершенно нагие или в одних белых сорочках и с распущенными волосами; именно в таком виде народное суеверие представляет ведьм, доящих весенние тучи и посылающих на землю дожди. Так как опухивание было символическим знаменем грозы, то и вся обстановка означенного обряда должна была указывать на те мифические образы, какие созерцал человек в небе. Опухивающие поселянки совершают то же самое

в своем околотке, что облачные жены и девы творят в небесных пространствах; их бешеные, исступленные пляски – эмблема неустанного, прихотливого полета туч, звон и стук – эмблема громовых раскатов, а поезд на помелах – бурно стремящихся вихрей. Баба-яга и ведьмы летают по небу на помелах или, несясь в воздушной ступе, заматают свой след помелом. Основание такого представления таится в языке, который все сходные впечатления выражал тождественными звуками. Ветры метут облака, сбивают их в кучу или разносят (разметают) в разные стороны, словно небесная метла в руках чародейных сил; зимняя вьюга и вихри, подобно помелу, сглаживают всякий след. Мы до сих пор удерживаем выражения: «вьюга метет», «ветр заматает», а в народной песне поется: «Как по улице метелица метет».

Во время града крестьяне наши выбрасывают на улицу помело для того, чтобы ветры унесли градовую тучу и не дали ей разразиться над их нивами. Так как злые ведьмы, сметая с неба дождевые облака, производят засуху, неурожай и общую бедность, то в связи с

этим представлением возникли следующие приметы: не мети избы многими вениками, а то сметешь все богатство = обеднеешь; не мети избы в то время, когда хлеб в печи сидит – выметешь спорину; сметая в дому сор, не выбрасывай его на двор и на улицу: не то – пробросаешься. Во многих деревнях домохозяева в самом деле не выкидывают сора, а копят его в углу и потом сжигают на родном очаге. Поговорка: «не выноси сору из избы» принималась первоначально в буквальном смысле и только под влиянием созвучия, игры слов: сор и ссора получила переносное значение: не выноси семейных дрызг, не заводи ссор. Приведенными данными объясняется суеверное уважение к помелу: не наступай на помело, не шагай через него – сорок грехов наживешь; в Киевской губернии кусочки метлы, которою расчищали лед на реке, при устройстве иордани, носят на шее, как средство, предохраняющее от лихорадки.

С небесною грозой язык тесно, нераздельно сочетал понятие посева. По коренному смыслу глагол сеять значит: бросать, раскидывать, что доселе очевидно из сложной фор-

мы: рас-сеять, рас-сеивать; слово это одинаково употреблялось как для обозначения посева, состоящего в разбрасывании семян, так и для обозначения ветра, который рассеивает тучи и туманы, разметывает пыль и снежные сугробы, и облаков, рассыпающих на землю дождевые капли.

Мелкий дождь, про который обыкновенно говорят: «Как из сита сеет», в областных наречиях называется: севень, ситовень, ситуха, ситяга, ситовник. Отсюда сами собой возникли поэтические представления дождевой тучи – ситом, а дождевых капель – зерновым хлебом.

На Руси прежде, нежели приступят к святочному гаданию решетом, просеивают сквозь него снег; древние поляки предсказывали победу, если почерпнутую в сито воду успевали донести к ратникам – прежде, чем она выливалась наземь; тот же знак служил для оправдания обвиняемых. Поэтическое представление дождя хлебными семенами совпадает с уподоблением его плотскому семени; осеменная зернами и увлажненная дождями, мать-земля вступала в период беременности

и начинала свои благодатные роды. И с дождевой водою, и с зерновым хлебом равно соединялась мысль о супружеском семени; по требованию свадебного обряда, новобрачных осыпают пшеницею, ячменем и другим зерном, и осыпание это точно так же сулит молодой чете плодородие, как и дождь, пролившийся в самый день свадьбы. В глубочайшей древности дожденосные тучи олицетворялись целомудренными девами, убегающими бога-громовника; в бурной грозе гонится он за ними, настигает и, сжимая в своих горячих объятиях, лишает их девственности, т. е. заставляет рассыпать плодотворящий дождь. По другому представлению, бог-громовник заставляет облачных дев возить свой небесный плуг и засеивать землю, почему народная загадка называет соху Бабой-ягою: «Баба-яга, вилами нога, весь мир кормит, сама голодна». Посев зерен, сопровождающий обряд опахивания, в некоторых местностях заменен посыпанием песку. Настоящий смысл обряда давно сделался недоступным для народа; продолжая совершать его, по преданию, для предохранения себя и своих стад от моровой

язвы, народ связал с посевом более понятное ему заклятие: только тогда переступит Смерть через опуханную черту, когда взойдет посеянный песок! Подобные формулы, ставящие нечистую силу и насылаемые ею бедствия в зависимость от явлений положительно невозможных, очень обыкновенны в народных заговорах и клятвах.

Воздушный океан, по которому плавают корабли = облака и тучи, отделяет мир живых людей (землю) от царства умерших, блаженных предков (от светлого небесного свода). Души усопших, издревле представляемые легкими стихийными существами, подобными веющим ветрам и пламенеющим молниям, должны были переправляться в страну вечного покоя через шумные волны этого океана, и переплывали их на облачных ладьях и кораблях. Потому фантазия первобытного народа уподобила корабль-облако плавающему в воздушных пространствах гробу.

В старинных русских летописях и других рукописях навье – мертвец, навь – ад, областное навий день – мертвецкий праздник.

Народный русский стих о Страшном суде

заставляет перевозить души Михаила-архангела, на которого, как на воеводу небесных сил, были перенесены некоторые верования, соединявшиеся в дохристианскую эпоху с именем воинственного Перуна.

Огненная адская река, через которую счастливо переплывают одни праведные, тогда как грешники гибнут в кипучих волнах, есть поэтическое представление дождевых потоков, горящих молниями. В народных сказках упоминается о перевозчике, который перевозит через реку или море смелых странников, шествующих в страшные области ада – к царю-змею, или на край света – к праведному Солнцу. Подобно грекам, и у славян, и у немцев, и в Литве существует обычай класть в рот покойника деньги. На Руси простой народ, во время похорон, бросает в могилу какую-нибудь медную или мелкую серебряную монету, часто завязывают несколько копеек в платок и кладут возле мертвеца сбоку или затыкают ему за пояс. В Ярославской губернии думают, что на том свете будут перевозить покойника через неведомую реку и тогда-то пригодятся ему деньги: надо будет

расплачиваться за перевоз. Наши крестьяне убеждены, что скорлупу съеденного яйца необходимо раздавить на мелкие части; потому что если она уцелеет и попадет в воду, то русалки, в образе которых олицетворяются души некрещеных детей и утопленниц, построят из нее кораблик и будут плавать назло крещеному люду.

Эти верования, сблизившие понятия корабля, ладьи и гроба, породили обычай совершать погребение в морских и речных судах и самим гробам давать форму лодок. Ибн-Фоцлан описывает обряд сожжения покойников у русов в лодке. Раскольники до сих пор не употребляют гробов, сколоченных из досок, а выдалбливают их из цельного дерева – точно так, как делались в старину лодки; в прежнее время это было почти общим обычаем. В Тверской губернии стружки, оставшиеся от поделки гроба, пускают по воде.

Корабль-тучу представляли плавающим гробом не только потому, что с ним связывается верование о переезде душ в царство блаженных, но и потому, что он служит печальным одром для молниеносного Перуна. Могу-

чий и деятельный в летние месяцы года, Перун умирает на зиму; морозы запечатывают его громовые уста, меч-молния выпадает из его ослабевших рук, и с того времени он недвижимо покоится в гробе-туче, одетый черным траурным покровом, пока наступившая весна не воззовет его снова к жизни. В таком поэтическом образе изображает народная загадка весеннюю тучу, несущую бога-громовника, пробужденного от зимнего сна: гроб плывет, мертвец ревет (или: поет), ладонь пышет, свечи горят. Та же загадка о богине-громовнице: «на поле царинском (=небе) в дубу гробница, в гробе девица – огонь высекает, сыру землю зажигает».

В областных говорах короб не только означает корзину, цилиндрический сундук, но и сани, обшитые изогнутым лубком; коробки – пошевни. Потому и короб и сани могли служить заменой похоронной ладьи. Степенная книга свидетельствует, что великий князь Всеволод приказал убийц Андрея Боголюбского зашить в короб и бросить в воду; во Владимирской губернии доселе живо предание, что убийцы эти плавают по водам Плавучего озе-

ра в коробах, обросших мохом, и стонут от лютых, нестерпимых мук. Нестор, повествуя о смерти святого Владимира (случившейся в июле месяце), говорит: «Ночью же межю клетми проймавше помост, обертевше в ковер и ужи свесивша на землю, възложыпе и на сани, везъше поставиша и в святей Богородици, юже б създал сам». Из Выходных книг русских царей видно, что сани служили в похоронных обрядах XVII века погребальным одром, носилками; так гроб царя Алексея Михайловича был вынесен на постельное крыльцо, а здесь «поставлен на сани и на снях несен» в соборную церковь архангела.

Сверх указанных уподоблений туча представлялась еще бочкою, наполненною дождевою влагою; такое представление было скреплено теми метафорическими названиями, которые заставили видеть в дожде опьяняющие напитки меда и вина, обыкновенно хранимые в бочках или сосудах.

Отсюда возникло верование в волшебный бочонок, из которого – только постучи в него – немедленно является несчетное войско, точно так же, как удары Перунова молота

по наковальне и стук (= гром) в чудесную суму-облако призывают к битве толпы могучих ратников, т. е. грозových духов. Отсюда же родилось и другое верование в неисчерпаемый бочонок, из которого сколько ни льется вина – он все полон; норвежская сказка, вместо целого бочонка, говорит о кране, отомкнувши который, можно получить самые дорогие напитки, какие только душа пожелает.

Очень интересна в этой связи русская былина про великана Святогора. Святогор с Ильей Муромцем наехали на великий гроб и прочитали на нем надпись: кому суждено покоиться в гробу, тот в нем и уляжется. Святогор попробовал лечь и закрылся крышкой; хотел потом поднять крышку – и не смог; Илья Муромец (предания роднят его с Ильёю-громовником) берет его меч-кладенец, бьет поперек крышки, но за каждым ударом на гробе является железная полоса, и великан Святогор (гора = туча) умирает, т. е. оковывается холодом и засыпает зимним сном. Та же судьба постигает великана и в кашубском предании. Действие зимних морозов народная фантазия сблизила с ковкою железа; мо-

роз претворяет и воды и землю в камень, делает их столько же твердыми, как железо; самое ощущение, возбуждаемое стужей в теле человека, близко к тому, какое производится ожогом, что и отразилось в языке: на морозе «корець до рук прикипае», «до морозку нижки прикипають», мороз жжет и палит; в Вологодской губернии морозы называются калинники (от калить, раскалять – делать красным силою огня, каленая стрела), а в Томской губернии сильному («жгучему») морозу дается эпитет тлящего. Поэтому Зима представляется мифическим кузнецом.

Мы до сих пор выражаемся, что зима сковывает и оцепеняет природу, т. е. налагает на нее железные цепи; областн. уковать значит: замерзнуть. По народному выражению, «с Михайлова дня (8 ноября) зима морозы кует» и, накладывая на реки и озера свои ледяные мосты, скрепляет их гвоздями. Приведем пословицы о зимнем времени: «Козьма и Демьян (1 ноября) с гвоздем; Козьма-Демьян (или Юрий – 26 ноября) подмостит (с мостом), Никола (6 декабря) пригвоздит (с гвоздем); Кузьма закует, а Михаиле раскует (= отте-

пель); Варвара (4 декабря) мостит, Савва (5 декабря) гвозди острит, Никола прибывает (вариант: Савва стелет, Никола гвоздит); на Варвару зима дорогу заварит; Варвара заварит, Савва засалит, Никола закует». Как кузнец сваривает железные полосы, так на Варвару (имя которой созвучно с глаголом варить) зима сваривает реки и озера в ледяные мосты и повсюду пролагает прямые дороги. На Козьму и Демьяна зима принимается сковывать землю и воду, почему и тот и другой слывут у крестьян кузнецами и в народных преданиях заступают место тех мифических ковачей, какими издревле признавались грозовые духи.

Такое слияние различных представлений (морозов и грозы) тем более было естественно, что те же тучи, которые весной и летом приносят теплые ветры и дожди, зимою и осенью веют стужею и снегом; тот же громовой молот (= меч-кладенец), который при начале весны кует ясное небо, во время суровых осенних гроз приготавливает железные обручи, налагаемые на облака холодной рукою Зимы. Морозы, по русскому поверью, прилетают 9 ноября от железных гор, т. е. от зимних туч

(гора = туча, железный = окованный стужей). Летучие змеи, эти демонические олицетворения туч, то дышат пламенем и рассыпают огненные искры, то, подобно зиме, своим холодным дуновением создают ледяные мосты, и на борьбу с сказочными героями выезжают на мосты калиновы: этот постоянно повторяющийся эпитет («калиновы») указывает на мифического кузнеца, который сковывает воду морозами (калинниками).

Народная загадка изображает Мороз в виде могучего богатыря, равного силами Самсону: «Сам Самсон, сам мост мостил – без топора, без клинья, без подклинья». Сказочный эпос представляет змея похитителем красавицы Солнца, которую заключает он в железном замке, т. е. прячет ее за снежными облаками и зимними туманами.

Но если, с одной стороны, змей, в качестве владыки зимних туманов и морозов, отождествляется с баснословным кузнецом – строителем ледяных мостов и железных замков, то, с другой стороны, под иным углом поэтического воззрения, тот же змей, как дожденосная туча, подчиняется на зиму неодоли-

мой силе кузнеца-мороза, который сковывает его железными цепями.

Народные сказки нередко изображают змея в тяжелых оковах: в запертой комнате дворца висит он на железных крюках и цепях и только тогда срывается с них, когда вдоволь напьется воды или вина, т. е. весной, когда туча, оцепененная до того времени зимним холодом, наполняется дождевой влагою. Вода, испивши которой змею ничем разорвать железные (ледяные) оковы, в одной сказке прямо названа живою водою.

В русской сказке о Марье Моревне змей (демон зимних вьюг), умертвивший своего противника – молодого царевича (= Перуна), кладет его в смоленую бочку, скрепляет железными обручами и бросает в море (= небо); но в свое время прилетают три птицы, в образах которых древний миф олицетворил весеннюю грозу, и спасают царевича: орел воздымает бурю, и волны выкидывают бочку на берег, сокол уносит ее в поднебесье, бросает с высоты и разбивает на части, а ворон оживляет юношу живою водою. Пробуждение к жизни вещей мертвецов – колдунов и ведьм,

которым народное поверье приписывает низведение дождей и воздушные полеты на помеле (т. е. пробуждение от зимнего сна грозных духов и облачных жен), обыкновенно сопровождается распадением железных обручей на их «гробах». В этом уподоблении тучи плавающему гробу и бочке находит объяснение сказка о Силе-царевиче, который встречает на море плавучий гроб, обитый железными обручами; в гроб был заключен вещий мертвец, и он-то помогает царевичу жениться на прекрасной королевне, убив шестиглавого змея. Плавучий гроб – туча, а заключенный в ней силач – олицетворение срывающейся там всеокрушительной молнии; поражая демона-змея своим чудесным мечом, он устраивает весенний брак природы. Здесь же находит объяснение и следующий, часто повторяемый в народном эпосе рассказ: царица, посаженная в окованную железными обручами бочку и пущенная в море, рождает в заключение сына-богатыря (= Перуна), который растет не по дням, не по часам, а по минутам, потягивается и разрывает бочку на части. Едва народившись, малютка-громовник уже яв-

ляется во всем могуществе своей разящей силы.

Под живым воздействием разобранных нами поэтических представлений возник обряд: во знамение весны и проливаемых ею дождей – бить бочки, о чем упоминает Новгородская летопись под 1358 годом: «Того же лета целоваша (новгородцы) бочке не бити»; в Никоновской летописи означенное свидетельство передано так: «Того же лета новгородцы утвердишась межю собою крестным целованием, чтоб им играния бесовского не любити и бочек не бити».

Теперь можно будет пояснить смысл некоторых народных заговоров. Ратник, отправляясь на войну, произносит такое заклинание: «Под морем (= небом) под Хвалынским стоит медный дом, а в том медном доме закован змей огненный, а под змеем огненным лежит семипудовый ключ от княжева терема, а во княжем тереме сокрыта сбруя богатырская.. Поймаю я лебедь: ты полети к морю Хвалынскому, заклюй змея огненного, достань ключ семипудовый. – Не моим крыльям долетать до моря Хвалынского, не моей мочи раскле-

вать змея огненного, не моим ногам дотащить ключ семипудовый; есть на море на океане, на острове на Буяне ворон, всем воронам старший брат: он долетит до моря Хвалынского, он заключет змея огненного, притащит ключ семипудовый». Далее рассказывается, что ворон разбивает медный дом, заклеывает змея и приносит ключ. «Отпираю я тем ключом княжой терем, достаю сбрую богатырскую. Во той сбруе не убьют меня ни пицаль, ни стрелы, ни бойцы, ни борцы, ни татарская, ни казанская рать... Чур слову конец, моему делу венец!» Заклинатель обращается к спасительной помощи Перуна, как воинственного бога, владеющего несокрушимым оружием; черная туча-змей, окованная зимним холодом, прячет Перунову богатырскую сбрую (= молниеносную палицу), замыкает ее в неприступных кладовых накрепко, и только один вещий ворон может разбить своим носом медный дворец, заклевать змея, отомкнуть кладовые и достать меч-кладенец, т. е. вместе с весною, приносящею живую воду дождей, является и быстролетная молния, поражающая тучи.

В другом заговоре на любовь красной девицы читаем: «За морем за Хвалынским во медном городе, во железном тереме, сидит добрый молодец – заточен во неволе, закован в семьдесят семь цепей, за семьдесят семь дверей, а двери заперты семидесятью семью замками, семидесятью (семью) крюками. Никто доброго молодца из неволи не освободит, никто доброго молодца досыта не накормит, допьяна не напоит. Приходила к нему родная матушка во слезах горючих, поила молодца сытой медовой, кормила молодца белоснеговой крупой, а кормивши, сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свыкаться бы молодцу со буйными ветрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрелу по поднебесью, не стрелять бы белых лебедей, не доставать бы молодцу меч-кладенец». Молодец отвечает, что его сгубила жажда любви девицей. «Заговариваю я полюбовного молодца (имярек) на любовь красной девицы (такой-то). Вы, ветры буйные, распорите ее белую грудь, откройте ее ретиво сердце, навеи-

те тоску со кручиной (= чувство любви), чтобы она тосковала и горевала, чтобы он ей был милее своего лица, светлее ясного дня, краше роду-племени». Здесь проводится параллель между положением влюбленного юноши, которому не отвечает взаимностью красная девица, и зимнею природою, когда холод оковывает дождевые тучи и расторгает священный союз Перуна с землею. Добрый молодец, заключенный в железном тереме и окованный цепями, есть бог-громовник, метатель каленых стрел (молний), товарищ буйных ветров. Зимой он попадает в заточение, и семя дождя перестает падать на землю; этот разрыв любви продолжается до той поры, пока не наступит весна. Тогда повеют теплые южные ветры, добрый молодец упьется медовой сытою (дождем) и снова вступит в брачный союз с землею. К этим-то благодатным ветрам и обращается заговор с просьбою навеять в сердце девицы ту же томительную потребность любви, какою бывает проникнута вся весенняя природа.

Баснословные сказания о зверях

То же впечатление быстрого движения, какое породило стихийные явления с птицами, заставило сблизить их и с легконогим конем. Ради быстрого бега конь в народных загадках называется птицею: «Бежит птица, во рту плотица; голодна – не съест, сыта – не выкинет» (конь с удилами во рту); «Летели три птицы; первая говорит: мне летом хорошо, другая: мне зимой хорошо, а третья: мне все равно!» (сани, телега и конь). Поэтому все явления природы, которые представлялись птицами, олицетворялись и в образе чудесных коней.

По славянским преданиям, Зори – божественные девы; вместе с Денницею они прислуживают Солнцу и смотрят за его белыми конями.

По свидетельству русской загадки, роса роняется на землю девой Вечерней Зорею, которая (как мы знаем) должна была уводить с неба утомленных лошадей Солнца. Загадка

произносится так: «Зоря-зоряница, красная девица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла; месяц видел, а солнце скрало», т. е. роса, падая с вечера при свете месяца, иссушается лучами восходящего поутру солнца. Любопытен следующий вариант, в котором, согласно с известною уже нам заменою богини Зори Пресвятою Девой, говорится: «Мать Мария по полю ходила, ключи обронила, а солнце взяло» (Пермская губерния). С началом дня Солнце выходит в отверстия врата небесного чертога; обязанность отворять эти ворота приписывалась Утренней Зоре, а обязанность запирать их вечером, после солнечного заката, лежала на Вечерней Зоре, почему в областных говорах существует выражение «зоря замыкается» вместо: потухает.

В ночных туманах и сгущенных облаках древний человек видел небесные источники, отпирая которые боги посылали на землю росу и дожди; потому роса, рассыпаемая богиней Зорею, называется в загадке ключами – слово, которым мы обозначаем водные источники, родники, колодцы. Роса и дождь отождествлялись и в языке и в поэтических пред-

ставлениях; и та и другой – влага, падающая с неба каплями: *санскр.* *gasa* значит вообще жидкость, воду; слово «росинец» (в Псковской и Тверской губерниях) – мелкий, осенний дождь, а глагол «оросить» (орошать) употребляется в смысле: поливать дождем или водою («дождь оросил поле»).

Народные сказки часто говорят о несказанной красавице, в которой нельзя не узнать богини Зори; в поэтически верном изображении они замечают об ней: когда красная девица улыбается – то сыплются розы, а когда плачет – то падают бриллианты и жемчуг. До сих пор, когда на потемненном горизонте проглянет наконец солнышко, случается слышать выражения: «Небо начинает улыбаться, погода разгуливается».

Напротив, небо, затемненное тучами, называется «хмурым» («смотреть хмуро, сентябрем», т. е. невесело, сердито); согласно с этим тускло светящее, зимнее солнце представляется в сказках Несмеяною-царевною. При восходе своем солнце озаряет весь небосклон розовым светом, окрашивает его розовыми красками (= цветами; слова «свет» и «цвет»

лингвистически тождественны) и, отражаясь в каплях утренней росы, как «бы претворяет их в блестящие бриллианты и жемчуг, что на языке метафорическом перешло в сказание о красавице, которая, улыбаясь, рассыпает розы, а проливая слезы, роняет самоцветные камни.

Как в дневном рассвете видели они улыбающуюся богиню утра, так в грохоте весенней грозы слышали хохот богини-громовницы; как в ярких красках зори, так и в пламени молний усматривали небесные розовые цветы; как Зоря плакала росой, так дождевые потоки были слезами громовницы.

Сходство росы, дождя, слез и жемчуга повело к поверью, доселе живущему в нашем народе, будто видеть во сне жемчуг предвещает слезы. С утренним восходом и весенним просветлением солнца связывалась идея оживления природы, пробуждения ее от ночного сна и зимней смерти. Потому сказочные герои, окамененные или убитые (т. е. творческие силы природы, окованные зимнею стужей), возвращаются к жизни только тогда, когда будут окроплены живою водою или сле-

зами, т. е. весенним дождем. В новогреческой сказке королева, горюя об окаменелом витязе, три года не смеялась, а все плакала, наполнила слезами большую чашу и вылила ее на камень, в котором тотчас же пробудилась прежняя жизнь; в другой сказке слезы воскрешают умершего. И дождь и роса обладают, по народному поверью, одинаковою целебною силою. В летние дни крестьяне до восхода солнца выходят на луга с кувшинами и собирают с травы росу, которую берегут как лекарство; в случае болезни дают ее пить или мажут ею тело; на Юрьеву росу выгоняют скот для здоровья. По словам сказки, Доб рыне с малых лет не давали просыпать зори утренней и заставляли кататься по росе; оттого сделался он таким крепким и сильным, что шести лет мог выдергивать старые дубы с корнем. Дождю, росе и слезам приписывается чудесное свойство восстанавливать зрение = давать очам дневной свет.

Во всех олицетворениях дневного света и ночного мрака цвета белый и черный играют весьма важную роль, как самые существенные их признаки. Впрочем, названными эпи-

тетами обозначались не одни суточные перемены. В обычных сменах дня и ночи, с одной стороны, лета и зимы – с другой, древний человек находил полнейшее соответствие; лето уподоблял он дню, зиму – ночи. Поэтому если светлые кони выводили на небо день, а черные – ночь, то и с годовым движением солнца должны были сочетаться те же представления.

Русское поверье связывает поезды солнца с двумя главными пунктами годового его обращения – с летним и зимним поворотами. 12 декабря, при повороте своем на лето, Солнце, как уверяют крестьяне, наряжается по-праздничному – в сарафан и кокошник, садится в телегу и едет в теплые страны.

Одна обрядовая песня славит приезд Овсеня (другое название колядского праздника) и Нового года. Этот выезд Солнца предки наши чествовали символическим обрядом, о котором упоминают дополнительные статьи к Судебнику (1627 г.) и царская окружная грамота 1648 года: на праздник Коляды они «накладывали на себя личины и платье скоморошеское и меж себя, нарядя, бесовскую кобыл-

ку водили».

На Иванов день, при повороте на зиму, Солнце выезжает из своего чертога на трех конях: серебряном, золотом и алмазном (брильянтовом), навстречу супругу своему Месяцу, и дорогою пляшет на своем рыдване, далеко рассыпая яркие лучи. Доныне существующий обычай возить по полям в Купальскую ночь, с вечера до утренней зори, тележную ось и два передние колеса, конечно, совершается во знамение солнцева поезда. Движением солнца определяются четыре времени года: весна, лето, осень и зима; представляя их живыми существами, народ говорит, что Весна да Осень ездят на пегой кобыле; этой поговоркою крестьяне выражают мысль, что весною и осенью погода быстро меняется: ясные дни сменяются пасмурными, а пасмурные — ясными. В Саратовской губернии во время проводов весны готовят чучело лошади и носят его по лугам, в сопровождении огромной толпы народа. На рисунках, украшающих старинные рукописи, Солнце и Месяц представляются возникшими, едущими на колесницах и держащими в руках изображения

дневного и ночного светил.

Наряду с солнцем и месяцем уподоблялись коням и звезды; метафора эта, вероятно, вызвана общим течением звездного неба, быстрым исчезанием падающих звезд и обычным движением планет, за которыми в сербском языке удерживается характеристическое название: звезды-преходницы.

Северную Полярную звезду казаки называют Прикол-звезда; в Томской губернии она известна под именем: Кол-звезда, а киргизы величают ее Темир-казык, что буквально значит железный кол. Прикол – это небольшой, четверти в полторы, железный кол, на тупом конце которого приделано кольцо; когда нужно пустить лошадь на траву, наездник вдавливая в землю прикол по самое кольцо и привязывает к нему лошадь на длинной веревке или аркане. Три малые звездочки четвертой величины из группы Малой Медведицы, идущие в сторону от Полярной звезды и образующие собою род дуги, принимаются киргизами за аркан, привязанный к приколу. Следующие за ними две звезды второй и третьей величины считают они за двух иноход-

цев, а семь больших и малых звезд, составляющих группу Большой Медведицы, за семь караульчиков, приставленных оберегать коней от дьявола-волка; иноходцы эти принадлежат двум первенствующим архангелам. Наши крестьяне по созвездию Большой Медведицы узнают полночь и называют его Возница или Воз.

В некоторых местах России Большую Медведицу называют Стожары; слово это, которым означают также колья или жерди, вколотые в землю около стогов, напоминает имя Полярной звезды – Прикол и следующие эпические выражения народных заговоров: «Крепким словом заговорила, частыми звездами обтыкалась, темным облаком покрылася»; «Оболокусь я облаками, огорожусь светлым месяцем, обтычусь частыми звездами». Как с небесными покровами = облаками соединяют народные заговоры идею божественного покровительства, так ту же идею защиты (ограждения) соединяют они и с звездами, этими золотыми кольями или гвоздями, вколотыми в высокий небесный свод.

Буйные ветры, ходячие облака, грозвые

тучи, быстро мелькающая молния – все эти различные явления на поэтическом языке назывались небесными конями. В народных загадках ветры и грозы сравниваются с быстроногими конями: «отцова сундука (= земли) не поднять, матушкина столечника (= снежного покрова) не сорвать, братнина коня не поймать», т. е. ветра.

Громовый конь ржет на горах, т. е. в тучах, потому что гора есть древнейшая метафора облака. Как олицетворения порывистых ветров, бури и летучих облаков, сказочные кони наделяются крыльями, что роднит их с мифическими птицами; с другими же дополнительными эпитетами: огненный, огнедышащий, с ясным солнцем или месяцем в лбу, с частыми звездами по бокам, золотогривый, золотохвостый или просто золотой – конь служит поэтическим образом то светозарного солнца, то блистающей молнией тучи; самая сбруя на таком коне бывает золотая.

Вообще богатырские кони наших былин и сказочного эпоса с такою легкостью и быстротою скачут с горы на гору, через моря, озера и реки, отличаются такою величиною и си-

лою, что нимало не скрывают своего мифического происхождения и сродства с обожествленными стихиями. Бурый конь Дюка Степановича славен был своими крыльями; русские, сербские и словацкие сказки часто говорят о крылатых лошадях: так один богатырь отбивает у змея коня о двенадцати крыльях, с серебряной шерстью, с золотой гривой и золотым хвостом, а другой разыскивает кобылицу, которая каждый день облетает вокруг света, которая когда пьет – на море волны поднимаются, а станет чесаться – столетние дубы падают.

Эпитет бурый (смурый, искрасна-черноватый) роднится с словами: буря (в Остромировом евангелие – боура), буран (бурун) – степная вьюга, метель, вихрь, бурнетъ – разыграться буре, бурлить и бурчать – шуметь, бушевать; бурый конь – собственно, такой, шерсть которого напоминает цвет тучи, грозящей бурей. Чудесный конь наших сказок называется сивка-бурка вещая каурка; каурая масть – та же, что бурая, только с темным ремнем по спине; сивый – собственно: блестящий, сияющий; месяц представляется сивым

жеребцом, а потом: седой или с проседью.

«Бурко зрявкает по-туриному, а шип пускает по-змеиному» – выражение, указывающее на сродство чудесного коня с зооморфическими представлениями громовой тучи быком (туром) и змеем. Самая характеристическая особенность эпического языка заключается в постоянном употреблении одних и тех же эпитетов и оборотов, однажды навсегда верно и метко обрисовавших известное понятие; таким эпитетам и оборотам, несомненно, принадлежит значительная давность. Говоря о сивке-бурке и вообще о богатырских конях, народные русские сказки прибегают к следующим выражениям, которые всякий раз повторяются слово в слово, как неизменные формулы: «Конь бежит – земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом, из заду головешки валяются» – или когда садится на коня могучий богатырь и бьет его по крутым бедрам: «Добрый конь осержается, от сырой земли отделяется, поднимается выше лесу стоячего, что пониже облака ходячего; из ноздрей огонь (пламя) пышет, из ушей дым столбом, следом горячие головешки ле-

тят; горы и доли промеж ног пропускает, малые реки хвостом застиляет, широкие – перепрыгивает» (*вар.* «широки раздолья и воды хвостом застиляет, через горы перескакивает»).

В нашем народе есть любопытный рассказ о власти колдунов над тучами: раз поднялась страшная буря, небо потемнело. Поселяне ожидали дождя, но знахарь объявил, что дождя не будет. Вдруг откуда ни взялся – летит к нему черный всадник на черном коне. «Пусти!» – просит он знахаря. «Не пущу!» – отвечает тот. Ездок исчез; тучи посизели и предвещали град. Несется к знахарю другой ездок – весь белый и на белом коне. «Пусти!» – просит он знахаря, и когда тот согласился, град зашумел над долиною. Черный всадник на черном коне олицетворяет собою мрачную, дождевую тучу, а белый всадник на белом коне – сизую, белесоватую тучу, несущую град. Русской сивке-бурке соответствует волшебный конь венгерского эпоса Татош, известный и у словаков: это конь крылатый, прыгающий с горы на гору, грива которого сравнивается с блестящими стрелами. В та-

ком уподоблении бурной, грозовой, дожде-носной тучи коню кроется объяснение многих эпических подробностей, по указанию которых: а) чудовищные змеи (демоны, омрачающие небо черными тучами) разъезжают на быстролетных, огнедышащих конях; чертям, заступающим в народных преданиях драконов и других грозowych духов, даются огненные лошади и золотая колесница – точно так же, как дается им и корабль-облако; б) сказочные герои находят богатырских жеребцов и кобылиц внутри гор или в подземельях, где они стоят за чугунными дверями, привязанные на двенадцати железных цепях и замкнутые двенадцатью железными замками; ржание и топот их, громко раздающиеся из-под земли, потрясают ходенем все царство; когда конь почувет ездока по себе – он тотчас разрывает цепи и выбивает копытами чугунные двери. Это пребывание богатырского коня в подземной пещере однозначно с заключением змея в бочке; гора – метафора тучи, железные замки, двери и цепи – зимние оковы.

Оцепененный холодом, мифический конь

Перуна покоится в зимнее время в горе-туче на крепких привязях, а с весной, почуя приход бога-громовника, разбивает зимние оковы и начинает ржать на все царство, т. е. издает потрясающие звуки грома.

О сивке-бурке есть на Руси поверье, что конь этот пасется в вечно цветущих степях; на те же небесные пастбища намекает и литовская поговорка: «Божие сады еще не выпасены». Богатырские кони носят при себе живую и целующую воду и ударом своих копыт выбивают подземные ключи, т. е. дождевые источники. Недалеко от Мурома – там, где бьет родник, явившийся, по преданию, из-под копыт быстролетного коня Ильи-Муромца, – поставлена часовня во имя Ильи-пророка, на которого народное суеверие перенесло древний культ Перуна.

Наши ведьмы умеют превращаться в кобылиц и бешено несутся по горам и долам. Глубокие места в реках слывут у нас быстринами.

В дожденосных тучах древний человек видел небесные бассейны и сравнивал их с морями, реками и колодцами; вот почему облач-

ные кони получили прозвание «морских» или «водяных». Молоко мифических кобылиц = живая вода, дождь, проливаемый тучами; лингвистические данные, сближающие дождь с молоком, указаны в следующей главе. С весенними ливнями оканчиваетсяладычество демона-Зимы, творческие силы стихий возрождаются и обновленная природа является в своих роскошных уборах, что и выражено баснею о купанье в кобыльем молоке: добрый молодец, представитель весны, обретает в нем красоту и крепость, а противник его (зима) – смерть.

Поселяне доселе приписывают первым весенним дождям целебные свойства и спешат умываться ими на здравие и красоту тела. Кобылье молоко, в котором должен купаться сказочный герой, наливается в котел и кипятится на сильном огне: поэтическое представление, стоящее в связи с уподоблением грозовых туч – котлам и сосудам, в которых небесные духи варят дождевую влагу на огне, возжженном молниями (сличи ниже с преданиями о приготовлении ведьмами, во время грозы, чудесного пива). Когда соперники купают-

ся в молоке – герою помогает его богатырский конь: он наклоняет голову к котлу и, вдыхая в себя жар, охлаждает кипучее молоко; а потом, с целью погубить злого врага, выдыхает жар обратно. В немецких сказках конь пускает из своих ноздрей ветры – то холодные, заставляющие стынуть молоко, то горячие, заставляющие его кипеть.

Русская легенда рассказывает о черте, который варил в молоке стариков и старух и делал их молодыми.

Купаясь в молоке морских кобылиц, сказочные герои становятся силачами и красавцами; подобно тому громоносные богатыри, победители демонических змеев, влезая в одно ухо своего коня, наедаются-напиваются там, переодеваются в блестящие наряды и потом вылезают в другое ухо молодцами неопи-санной красоты и неборимой силы.

Как облачные горы в своих недрах, а змеитучи в своих дворцах таят драгоценные кла-ды, т. е. скрывают во мраке туманов золото небесных светил и молний, так точно мифи-ческие кони не только дышат пламенем и вы-брасывают из заду горячие головешки, но и

рассыпаются серебром и золотом и испражня-ются теми же дорогими металлами. Такое чу-десное свойство соединяется преданиями со всеми поэтическими олицетворениями грозо-вых туч; отсюда объясняется поверье, почему клады могут являться в образе различных животных (овцы, коня, собаки и проч.), кото-рым стоит только нанести удар, как они тот-час же рассыпаются серебряными и золоты-ми деньгами, подобно тому как удары грома рассыпают золотистые молнии и выводят из-за темных облаков блестящие лучи солнца.

Воинственный характер Перуна усвоен и его богатырскому коню: конь этот отличается необычайною силою; он помогает своему вла-дельцу в трудных битвах с змеями и демони-ческими ратями (= тучами), поражая их теми же мощными копытами, которыми разбивает скалы и творит дождевые ключи: «Не столько богатырь мечом рубит, сколько конем топ-чет» или «Много богатырь мечом рубит, а вдвое того его добрый конь копытами побив-вает», «куда конь ни повернет – там улица!». В то время, когда богатырь сражается пеший и враг начинает одолевать его, добрый конь

рвется с цепей и роет копытами глубокую яму. Перед началом войны предки наши гадали об исходе ратного предприятия по ржанию и поступи священных коней.

Как олицетворения грозowych туч, богатырские кони – кони вещие, одарены мудростью, предвидением и человеческим словом, потому что с живою водою дождя и с громом нераздельны были представления о высшем разуме и небесных вещаниях. Эпические сказания, принадлежащие индоевропейским народам, заставляют коней беседовать с храбрыми витязями, предвещать им будущее и подавать мудрые советы; в русских сказках конь, чуя беду, которая грозит его хозяину, спотыкается на езде, горько плачет по нем и стоит на конюшне по щиколки в слезах или в крови.

Вместе с воплощением естественных явлений природы в человеческие образы, мифические кони отдаются в услуги стихийных богов, которые мчатся на них по воздушным пространствам верхом или в колесницах. Поэтическое представление осложняется, и быстронесущая туча, названная первона-

начально небесным конем, впоследствии принимается за колесницу, запряженную небесными лошадьми, на которой восседает грозное божество.

На восьминогом коне разъезжал вольный царь Огненный Щит Пламенное Копье, о котором повествует русская сказка о Еруслане. Подобно языческим богам и богиням, сказочные герои и героини переносятся в отдаленные страны не только на богатырских конях, но и в летучих колесницах, которые так же мгновенно появляются, как и исчезают, и в повозках-невидимках. Такие колесницы и повозки совершенно тождественны с ковром-самолетом и плащом-невидимкою: это различные метафоры облака.

В ту эпоху, когда коренной смысл древних представлений затерялся для народного сознания, язычники стали посвящать своим богам коней обыкновенных, действительных, которые таким образом как бы заступают место коней мифических.

Нет сомнения, что народные приметы о лошадиных мастях стоят в связи с мифическими представлениями глубочайшей древ-

ности. На Руси в свадебный поезд, когда прилагаются особенные заботы для охраны молодой четы от зловредного влияния нечистой силы, выбирают лошадей светлых мастей, а вороных и сходных с вороною мастью оставляют дома.

Русские девушки, гадая о суженом, выводят лошадей из конюшни через оглобли или жердь: когда лошадь зацепится за оглоблю – знак, что муж будет сердитый, злой, и девицу ожидает несчастное житье; а пройдет лошадь, не зацепившись, – муж будет добрый и житье счастливое. Копья – символ молний, и ступание через них указывает на воспоминание о Перуновом коне, несущемся среди грозового пламени. В Томской губернии переступить через оглоблю считается за грех. «Споткнуться, зацепиться» – значит встретить задержку, быть остановленным каким-либо препятствием. Споткнется ли сам человек или конь его – все равно это предвещает беду и неудачу. На Руси есть поговорка: «Конь ржет – к печали (при расставании с родичами), ногою топает – к погонке».

Следы древнего обожания лошадей заме-

чаются в тех целебных и охранительных свойствах, которые приписаны им наравне с весенним дождем и наговорной ключевой водою (т. е. водою, в которую брошен горячий уголь – эмблема молнии). Так в наших деревнях больных умывают водою, которую не допила из ведра лошадь; в Пензенской губернии собирают обсекаемые в кузницах лошадиные копыта, пережигают на огне и дают нюхать больным лихорадкою; в других местах под изголовье страдающего лихорадкою кладут конский череп, а в Виленской губернии хворые выносят этот череп, вместе с кочергою, на перекресток и оставляют там в надежде избавиться через то от лихорадки. В старину славяне и немцы бросали в Ивановский костер лошадиную голову, чтобы отогнать от священного огня злых ведм. В Вятской губернии на кликуш, во время параксизма, надевают хомут с потной лошади; в Черниговской губернии если в какой-либо семье умирают дети, то бабка, с целью отогнать нечистую силу, берет новорожденного ребенка и трижды продевает его сквозь хомут.

Баснословные богатырские кони выбрасы-

вают из заду горячие головешки, т. е. народная фантазия, олицетворяя облака и тучи в образе коней, испускаемое ими грозное пламя уподобила лошадиному помету. Своими молниями Перун разбивает дождевые тучи и выводит из-за них ясное солнце; этим самым он прекращает ненастную погоду, приостанавливает потоки небесной крови = дождя. Забывая переносный смысл старинных метафор, народ стал употреблять лошадиный помет, как медицинское средство, останавливающее кровь.

В русских деревнях коньки не только украшают кровли домов, но употребляются и внутри изб около печи и по обеим сторонам божницы (полка в переднем углу, на которой ставятся иконы). 18 августа, в день святых Флора и Лавра, почитаемых покровителями табунов, крестьяне купают своих лошадей, убирают их гривы лентами, пригоняют к церкви и после молебна окропляют их святою водою.

С поворотом солнца на лето соединялась мысль о возрождении творческих сил природы и приближающейся весне, устрояющей

брак неба с землею. Из дальних зимних стран солнце устремляло свой возвратный бег в виде златорогого оленя, несущего свет миру; но как в образе коня олицетворялись и дневное светило, и вихри, и грозовые тучи, так и олень служил поэтическим символом для тех же самых – разнообразных явлений. Вот почему на Коляду славят выезд святого Петра (т. е. громовника, отпирающего весеннее небо) на златорогом олене.

В Воронежской и в других губерниях связывают это поверье с Ильею-громовником, заступившим место древнего Перуна; 20 июля он, по общему убеждению, разъезжает по небу, производит громы и, проливая дожди, купается в их потоках или мочится на землю. В числе других метафорических обозначений дождя стародавние предки наши уподобляли его и моче, испускаемой Перуном или облачным оленем. Потому с Ильина дня крестьяне перестают купаться; в некоторых же местах такое охлаждение воды относится ко времени более позднему: думают, что олень обмакивает свой хвост или ногу 1 августа.

Быстрота зайца вошла в поговорку.

Необыкновенная подвижность, прыткость зайца уже сближала его с представлением быстро мелькающего света. У нас до сих пор колеблющееся на стене отражение солнечных лучей от воды или зеркала называется игрою зайчика; детское зая означает: огонь; в Курской губернии зайчики – синие огоньки, перебегающие по горячим угольям.

В народных сказках добрый молодец (бог-громовник) прежде, чем вступит в брак с красавицей невестою, должен спрятаться от нее так, чтобы она не могла найти его; орел уносит его в поднебесье, рыба – на дно моря, а богатырский конь скрывает его в своем хвосту или гриве: орел, конь и море суть поэтические представления дожденосных туч, в недрах которых прячется молния. Но зоркая невеста всюду находит его, пока наконец не догадался он превратиться в цветок (см. ниже о Перуновом цвете = молнии) и не украсил собою ее роскошных волос.

Следуя советам хитрой лисы, зайчик заползает в длинные косы королевны, и сколько ни смотрела она в окно своего замка, но не могла отгадать, где скрылся добрый молодец;

т. е. красавица – всевидящее Солнце видит из своего небесного терема всю Вселенную и до тех пор находит сказочного героя, пока он не спрячется в ее собственных косах, или простое: пока темные тучи (издревле уподобляемые волосам) не заволокут дневного светила и не лишат его зоркости (= света). Такое затемнение солнца грозowymi тучами на поэтическом языке мифа называлось вступлением богини Зори в брачный союз с громовником. Зайчик – метафора мелькающей молнии; эпитет «морской» придан ему на том же основании, на каком дождевые облака назывались морскими кобылицами: зайчик-молния купается в дождевом море. На Руси существует поверье, что, плывя по воде, не должно поминать зайца, потому что этого не любит водяной и, осердившись, подымает бурю (= грозу).

По другому представлению, гроза уподоблялась битве, почему со всеми животными, в образе которых олицетворялись тучи и молнии, соединялись приметы о войне, губительной смерти и других бедствиях, нераздельных с народными распрями. Если забежит

белка в деревню – быть несчастью; появится в лесу много белок – ожидай войны: «Волки воют и белки скачут – мор будет и война встанет». В старину зайцев не употребляли в пищу, почитая это грехом; в указе патриарха Иосафа сказано: «А зайцев, по заповеди божией, отнюдь ясти не подобает»; в некоторых уездах простолюдины и до сих пор убеждены, что заяц – поганый и есть его не следует.

Эпитет бурый или черно-бурый, даваемый лисице, роднит этого зверя с мифическим конем буркою; по цвету своей шерсти она отождествлялась с грозовой тучей, так как вообще облака уподоблялись древле волосам и шкурам животных. В Сибири предрассветный сумрак называется лисьей темнотою, а в народной загадке лисица – метафора огня. В русской сказке хитрая лиса женит доброго молодца на дочери грозного царя Огня и царицы Молнии, или на дочери Грома-батки и Молнии-матки.

Как заяц, так и лисица, перебежавшая дорогу, предвещает неудачу и несчастье; «Слово о полку», в числе недобрых примет, указывает на следующие: «Вльци грозу въсерожать

по яругамъ, орли клекгомъ на кости звери зовутъ, лисици брешутъ на чръленья щиты».

Светящиеся в ночной тьме глаза кошки и рыси дали повод сравнивать с этими животными мрачную тучу, сверкающую зоркими молниями. Русская загадка, означающая дневной рассвет, сравнивает его с белою кошкою: «Белая кошка лезет в окошко»; напротив, дым на метафорическом языке загадок уподобляется черной кошке. По нашим приметам: кошка умывается (облизывается и утирается лапкою) – к перемене погоды; скребет лапами и царапает по полу – зимой к метели, а летом к дождю и ветру, ложится брюхом вверх – к теплу, прячет под себя морду – к морозу, распускает хвост – к метели; если кошка спит на полу – будет теплая погода, а если залезет в печь или печурку – то холодная.

Народные русские сказки знают баснословного кота-баюна, которому точно так же придается эпитет морского, как и другим олицетворениям дождевых туч, и которого предания ставят в близкую связь с чудесною мельницею – эмблемою громового грохота.

Возле этой мельницы стоит золотой столб, на нем висит золотая клетка, и ходит по столбу кот-баюн: идет вниз – песни поет, подымается вверх – сказки сказывает. То же приписывается и козе – золотые рога, которая «гуляет в заповедных лугах, сама песни поет, сама сказки сказывает». Голос кота-баюна раздается на несколько верст; сила его громадная: своих врагов он поражает насмерть или своими песнями напускает на них неодолимый сон. Эти громкие песни и вещания – метафоры завывающих вихрей и громовых раскатов, а напускной сон оцепенение, производимое холодным дыханием ветров. На том же основании дерево-тучу народный эпос называет поющим, птицу-облако – говоруньей, а гулям-самогудам (= грозовая туча) приписывает звуки, могущие насылать непробудный сон. На Ильин день, когда громовник разит своими стрелами облачных демонов, нечистая сила прячется (или обращается) в черных кошек и собак (о собаке, как воплощении вихря, см. главу XIV); во время гроз хозяева выгоняют из своих домов кошек и собак, особенно черных, чтобы нечистые не привлекли на из-

бу громового удара. Выражение о возникшей между друзьями или знакомыми ссоре «Между ними черная кошка пробежала» указывает на лукавого духа, который становится промеж людей и возбуждает в них враждебные чувства. Если кошка вскочит на божницу – это служит знаком, что в скором времени будет в семье покойник (Пермская губерния). Ямщики редко и неохотно соглашались везти кошку; от этого, по их мнению, лошади страшно утомляются и худеют, что вполне соответствует рассказам о лошадях, истомленных ночными поездками домового, ведьм и нечистых духов.

Любопытно поверье, что из совершенно черной кошки можно выварить кость-невидимку, которую если взять в рот, то будешь ни для кого незримым. Эта кость есть зуб-молния, скрытно таящаяся в черной туче; фантазия приписала ей то же волшебное свойство, какое принадлежит шапке-невидимке. По народному убеждению, шапку-невидимку (= туман, облако) и неразменный червонец (= выходящее из-за туч солнце) можно добыть от нечистой силы не иначе

как в обмен на черную кошку. На кого потянется кошка, тому будет корысть. Чтобы отвести колдуна являться по смерти в дом, должно поставить для него в печке жареную кошку; потому что ничего так не боятся упыри, как Перуновых стрел, зажигающих грозное пламя, в котором гибнет (= жарится) облачная кошка. Кто убьет кота, тому, по мнению крестьян, семь лет ни в чем не будет удачи.

Небесные стада

Для племен пастушеских, а такими бы ли все племена в отдаленную эпоху своего доисторического существования, богатство заключалось в стадах и ими измерялось. Скот доставлял человеку и пропитание, и одежду; теми же благодатными дарами наделяет его и мать сыра земля, производящая хлеб и лен, и небо, возбуждающее земные роды яркими лучами солнца и весенними дождями. По этим сходным признакам пастухи и пахари первобытного племени обозначали творческие силы природы и стада коров, овец и коз тождественными названиями. Такое сближение встречаем в русской народной загадке: «Два быка бодутся, вместе не сойдутся» = небо и земля. Земля была такая же общая всем кормилица для населения земледельческого, как стада – источник питания и богатства для населения пастушеского. Древние народы глубоко верили, что обрабатыванию полей научили человека боги, которые сами пахали на быках; а стельная корова принималась ими за символ земного плодородия.

Мы уже знаем, что богиня дневного рассвета, Зоря, была отождествляема с богиней весенних гроз. Зоря борется с ночным мраком и каждое летнее утро выводит на небесную пажить красных (светлых) коров: это те легкие, белоснежные и розовые облака, которые, вслед за восходом солнца, силою его согревающих лучей образуются из ночных паров и туманов; капли росы, видимые поутру на траве и листьях, принимались за молоко, падающее из сосцов этих небесных коров, выводимых Зорею. В весеннем солнце предки наши видели ту же прекрасную богиню; зима на метафорическом языке называлась ночью, а весна – утром; Зоря, пробуждающая природу от ночного покоя, будила ее и от зимнего сна и вместе с теплыми и ясными днями приносила дождевые облака, или, выражаясь мифическим языком: пригоняла коров, похищенных демоном холодной зимы. Отсюда, наравне с сказаниями о стадах бога-громовника, возникли сказания о быках и коровах солнца, и самый свет дневной стал обозначаться под этим животненным образом.

О подобных представлениях у славян со-

храняются живые свидетельства в народных загадках: «Белый вол всех людей поднял» или «Лысый вил усих людей звив» – день; «Сирий бик у окно ник» – утренний рассвет. Ночь, обыкновенно отождествляемая в мифе с мрачными тучами, называется черною коро­вою: «Черная корова весь мир поборола» («усих людей поколола») или «Черная корова ворота залегла». Обе метафоры дня и ночи соединяются иногда вместе, и загадка произно­сится так: «Черна корова усих людей поборо­ла, била корова усих людей позволила» или «Черна корова людей коле, а била воскре­шае», т. е. ночь усыпляет человека, а день пробуждает.

Итак, дневной свет, или – прямее – самое солнце, рождающее день, представлялось белым и рыжим быком или коро­вою, а ночь – черною коро­вою, что согласуется с вышеука­занным представлением дня белым, золото­гривым конем, а ночи – вороным, инеегри­вым. По тому древнему воззрению, которое сблизило ночь с смертью, эта последняя оли­цетворялась черной коро­вою; именно в та­ком образе представляют наши крестьяне чу-

му рогатого скота, так называемую коровью смерть, которая ходит между стадами и истребляет их заразою. Олицетворяя ночь – коровою, фантазия могла перенести это представление и на луну, как царицу ночного неба; но более вероятно, что луна названа коровою под влиянием старинного уподобления серпа молодого месяца – золотым рогам.

Народная фантазия, сблизившая грохот грома с топотом и ржанием коней, здесь сблизжает его с ревом быка. Во Владимирской губернии передовые ряды темно-красноватых, грозových туч, выплывающих из-за горизонта, доселе называются быки. Огню домашнего очага, как символу небесного пламени грозы, дается то же метафорическое название: «бык железный, хвост кудельный» = огонь и дым; «лежит бык – осмоленный бок» = печная заслонка; «черная корова целый ушат воды выпила» = закопченная дымом каменка в бане. Под тем же образом представляют народные загадки и мороз, и воду; ибо холодный ветер, оцепеняющая стужа рассматривались как дыхание тучи, а земные воды служили эмблемою проливаемых ею потоков

дождя. Так загадка: «Сивый вол выпил воды полный двор (или: повен дол)» означает: мороз, сковавший воду, осушивший лужи и грязи. «Конец села забито вола, до каждой хижки (избы) тянутся кишки» = река или криница, из которой все село берет воду и разносит по домам; «бык (вар. корова, козел) ревет, хвост к небу дерет» = деревенский колодезь (очеп).

В памяти нашего народа сохранились отрывочные воспоминания о ярое туре = светлом, весеннем, плодотворящем быке бога-громовника. Эпитет ярый указывает на творческие силы весны и роднит тура с именем древнеславянского божества Ярила (= Перуна-оплодотворителя); заметим, что именем Фрейра, соответствующего нашему Ярилу, на поэтическом языке древних германцев обозначался бык. С названием тура нераздельны понятия о быстром движении и стремительном напоре: туровый, туркий – скорый, поспешный, турить – ехать или бежать скоро, гнать кого-нибудь (протурить – выгнать, вытолкать), туриться – спешить.

Именем тура народ окрестил многие географические местности; особенно любопыт-

ны следующие названия озер: Волотур, Воловье, Воловье око, Турово, Тур-озеро. На метафорическом языке древнего славянина озеро – эта светлая, зеркальная масса воды, заключенная в округлой рамке берегов, уподоблялась глазу быка. Лужа, стоящая на мховом болоте, в областных говорах называется глазник и глазина.

Так как, с одной стороны, тучи представлялись небесными источниками, а с другой – самое создание земных вод приписывалось Перуну, низводителю дождевых ливней, то очевидно, что в указанных названиях озер кроется языческое верование в происхождение этих водоемов от тура-громовника. Что действительно славяне чествовали тура как воплощение божества, это засвидетельствовано следующим местом Синописиса: на праздник Коляды простолюдины «на своих законопротивных соборищах некоего Тура-сатану и прочие богомерзкие скареды измышляюще-воспоминают».

Еще недавно в Архангельске возили на Масленицу по городу быка на огромных санях, запряженных в двадцать и более лоша-

дей: это весенний выезд Перуна, несущегося в грозовой туче. Соответственно различным поэтическим воззрениям, бог-громовник или сам выступал в образе яркого быка, или как пастух выгонял на небо облачных коров и доил их молниями.

На Руси о ведьмах рассказывают, что ведьмы собирают весеннюю (Юрьевскую) росу, моют ею цедилку, и как скоро начинают выжимать эту последнюю, то из нее, вместо росы, льется коровье молоко. Если в Юрьев день выпадет дождь, то по примете, сохранившейся в Новгородской и других губерниях, коровы будут обильны молоком; если первый весенний гром раздастся в постный день, то коровы в продолжение всего лета станут давать мало молока; если в ночь на Крещение небо покрыто облаками, то это верный знак, что в наступающем году коровы будут хороши к удою; пожар, произведенный молнией, должно заливать молоком и сывороткою, всего же лучше парным молоком от черной коровы, ибо пламя небесной грозы погасает в дождевых потоках, или, выражаясь метафорически, заливается молоком коровы-тучи. В Орлов-

ской губернии крестьяне, заслышав первый весенний гром, бегут к реке или колодцу и умываются из подойника, чтобы не убила молния.

В Томской губернии глазные болезни советуют лечить женским молоком. Любопытно еще следующее поверье: если под коровой пролетит ласточка, то она станет давать молоко, смешанное с кровью; такую корову, для предохранения от беды, надо доить в золотое кольцо. Ласточка – предвестница весны, приводящей с собою ясное солнце и благодатные грозы; увидя ее в первый раз весною, поселяне умываются молоком на счастье и красоту лица, подобно тому, как с тою же целью умываются они первым весенним дождем. С возвратом весны, когда прилетит ласточка, яркие лучи солнца окрашивают дождевые (= молочные) облака кровавым цветом: небо предстает во всей своей красе, на лице и в жилах богини Весны играет «кровь с молоком» – выражение, служащее в народном языке для обозначения красоты, юности и здоровья.

Как уподобление дождя молоку заставило

видеть в тучах женские груди или коровье вымя, так метафорическое название дождя – мочою дало повод наделить их половыми органами; имена, присвоенные этим органам, указывают на изливание жидкости и ставят их в близкую связь с представлениями дождевых ливней. Бурить – лить более, чем сколько нужно, буриться – мочиться; судя по этому, буря заключает в себе понятие не только стремительного вихря, но и проливного дождя; пурить – мочиться, пура – засциха, пырка – мужской детородный член и пурга – метель, вьюга, ветер с дождем. Грозовые тучи, несясь по воздушным пространствам то огненными быками и жеребцами, то дойными коровами и кобылицами, выбрасывают из себя молнии, как горячее испражнение, и проливают дождь, как урину. В народной русской сказке является чудесный бычок-дристунок. Гонится за царевичем и его сестрою демонический оборотень (медведь или волк – железная шерсть); никто не в силах спасти их – ни орел, ни сокол, ни быстроногий конь; спасает их бычок-дристунок: он посадил на себя беглецов и всякий раз, как только злой оборо-

ть начал нагонять, залеплял ему дриснею зрение, и тот должен был спешить на синее море и промывать свои глаза; а тем временем бычок все вперед да вперед! Этот бычок – олицетворение дождевой тучи, и, по преданию, сохранившемуся в сказочном эпосе финнов, он прилетает на помощь к царевичу и царевне с неба.

Эпические сказания славянских племен обильны преданиями о мифических быках и коровах. Наряду с золотогривыми-золотохвостыми конями фантазия создала тура – золотые рога и золоторогих, золотохвостых коров с частыми звездами по бокам. Особенно интересна сказка о вещи корове-буренушке, которая и своим именем и чудесными свойствами напоминает вещего коня-бурку, подобно тому как сказочные герои входят в голову своего богатырского коня, так здесь гонимая мачехой падчерица влезает в одно ушко коровы (то была ее родная мать, превращенная в корову) и выходит из другого ненаглядной красавицей, досыта накормленной и напоенной.

Сказочная корова, будучи убита, не умирает окончательно, а только перерождается в

новые образы: из ее внутренностей или пепла вырастает ходячая (подвижная, летучая) яблоня с серебряными листьями, золотыми плодами и журчащим из-под корней источником; по другому сказанию, из пепла сожженного быка рождаются конь, собака и яблоня. Такие превращения нисколько не противоречат основному смыслу предания; ибо быстрогоногий конь, гончая собака и дерево, приносящее золотые яблоки и точащее живую воду, суть древние поэтические метафоры дождевых облаков. Поражаемая молнией, коро-ва-туча сгорает в грозном пламени, а из пепла ее, т. е. из паров, которые поднимаются вслед за пролившимся дождем, образуются новые облака.

Возделывание земли издревле совершалось волами; та же работа приписана была и небесным быкам, с помощью которых Перун, как могучий пахарь, бороздил облачное небо.

Облака и тучи казались нашим предкам волнистыми, мохнатыми шкурами, покрывающими небесный свод. Шкура, шерсть, волоса точно так же покрывают тело, как одежда или ткань, приготовляемая из пряжи: эта ос-

новная идея покрытия доселе нераздельна с глаголом облекать (обволакать), которым объясняется наше облако. Народная русская загадка обозначает облако в следующих метафорических выражениях: «Тур и поскоки, олень и поглядки, шерсть черна соболя».

Так как древнейший язык употреблял одинаковые названия и для звериной шкуры, и для животных, покрытых мохнатою шерстью, то арийское племя не только признавало в облаках небесное руно, но и, сверх того, олицетворяло их бодливыми баранами, резвыми овцами, прыгающими козлами и козами. И баран, и козел известны своею похотливостью в весеннюю пору, это характеристическое свойство их народная фантазия сблизила с плодотворящею силою весенних грозовых туч, испускающих из себя семя дождя.

Народная русская загадка «бессмертная черная овечка вся в огне горит» означает темную ночь, блестящую звездами. Первоначально загадка эта, по всему вероятно, прилагалась к черной туче, сверкающей молниями; но, под влиянием постоянного отождествления ночного мрака с потемняющею небо ту-

чею означенный образ принят за метафору звездной ночи. Сияние молний, обыкновенно уподобляемое блеску благородных металлов, заставило соединить с облачным руном эпитеты золотого и серебряного.

Основной смысл предания – тот: молнии разят небесных быков и жарят их в своем пламени, кожи-облака движутся по воле вихрей и издают громовые звуки. На Руси существует любопытное поверье: если в лунную ночь на Святках пойти к проруби, разостлать на льду воловьую или коневую кожу и, сидя на ней, смотреть в воду, то нечистая сила поднимет кожу, понесет ее по воздуху и покажет все, что должно случиться в будущем. В этом поверье слышится воспоминание о коже-облаке, на котором, словно на ковре-самолете, носятся по поднебесью вещие духи, обладающие высоким даром предвидения. Древнейшим воззрением на облака и тучи, как на звериные шкуры, объясняются разнообразные предания об оборотнях; не входя в подробности этого вопроса, которые будут разобраны в следующих главах, мы остановимся на одном сказочном мотиве. Идут (повествует народ-

ная сказка) двое сироток – брат Иванушка и сестрица Аленушка. Захотелось Иванушке пить: «Сестрица, я пить хочу!» – «Подожди, братец; дойдем до колодца». Шли-шли, солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытцо полно водицы. «Сестрица! я хлебну из копытца». – «Не пей, братец; теленочком вскинешься!» Дальше идут – стоит лошадиное копытцо с водою, затем баранье и, наконец, козье. Сестра запрещает брату пить, чтобы не превратиться в жеребенка, барашка и козлика. Брат не вытерпел, напился из козьего копыта и оборотился козленочком. Все эти животненные образы: корова, конь, баран и коза – представления метафорические; вода, наполняющая следы их копыт, указывает на те живые ключи, которые бьют из-под ног Перуновых коней, или попросту – на дождь, проливаемый тучами. Напиваясь из таких ключей, сказочный герой сам облачается (оборачивается) в облачную одежду и чрез то принимает на себя звериное подобие.

С мехами и овечьей шкурою, как символами дождевых облаков, соединяются счастли-

вые приметы. Вывороченный тулуп, овчина и соболи предохраняют жениха и невесту от действия нечистой силы и злых чар, наделяют их плодородием, счастьем и богатством: те же самые дары сулит и дождь, оросивший юную чету в день свадьбы. В старину сажали жениха и невесту на соболях и обмахивали лисьими и куньими хвостами; в деревнях до сих пор усаживают их на разостланном тулупе; мать невесты встречает новобрачных в вывороченной шубе.

В некоторых уездах молодые первую ночь проводят в овчарне или скотной избе. Идучи на сватовство, встретить корову или свинью – считается за доброе предзнаменование; при такой встрече животным этим отвешивают поклоны. Новорожденного ребенка, чтобы он оставался жив и здоров, кладут на черную овчину. Если желаешь, чтобы наседка вывела здоровых цыплят, то клади под нее яйца в то время, когда скот ворочается с поля; кладя яйца под наседку, советуют брать их из чего-нибудь мохнатого, или вместо того – хозяйка должна прикладывать их наперед к своему половому органу: тогда ни одно яйцо не про-

падет даром. В Воронежской губернии на Рождество Христово стелют на лавку шубу и просят священника, пришедшего со крестом, сесть на нее; от этого, по мнению крестьян, насадки будут охотно садиться на яйца и ни в одном из них не замрет зародыш.

Г. Срезневский признает Волоса за наименование бога-солнца и сравнивает его с Аполлоном. У Нестора, говорит он, второе место после Перуна занимает Хоре, а в договоре Святослава второе место за Перуном принадлежит Волосу; как Аполлон был богом музыки и песен, так в Слове о полку Боян назван Велесовым внуком. Так или иначе Волос связан с солнцем и с грозowymi тучами; ибо стрела – символ не только солнечных лучей, но и молний, а творцом урожаев по преимуществу признавался дождящий Перун. Сказочное царство, лежащее за морем, есть, собственно, весеннее небо = блаженная страна светлых богов, омываемая водами облачного океана; царство это создается мощными усилиями бога-громовника, который прогоняет с неба демонов зимы и своими молниями возжигает яркий светильник летнего солнца. В качестве

«святого бога» Волос заведовал небесными, мифическими стадами, был их владыкою и пастырем; но потом, с утратою народом сознательного отношения к своим старинным представлениям, ему приписано было покровительство и охранение обыкновенных, земных стад.

В христианскую эпоху покровительство домашнего скота присвоено было святому Власию, имя которого фонетически тождественно с именем Волоса. Кроме того, к такому смешению дали повод и некоторые обстоятельства из жизни святого Власия, который (как рассказывается в его житии) был пастухом и однажды совершил чудо – заставил волка возвратить похищенного им у бедной вдовы поросенка. Во всей России поселяне молят Власия о сбережении домашнего скота, и в день, посвященный его памяти (11 февраля), пригоняют коров к церкви, служат молебны, окропляют их св. водою и дают им есть нарочно приготовленные пышки с молочной кашею, чтобы коровы были с хорошим удоем; тогда же приносят в храм коровье масло и кладут в дар перед образом Власия: «У Власия

и борода в масле», говорит народная поговорка. На иконах, изображающих этого святого, рисуются внизу коровы и овцы, подобно тому как на иконах Флора и Лавра – лошади. К нему обращаются с такою мольбою: «Святой Власий! будь счастлив на гладких телушек, на толстых бычков; чтоб со двора шли – играли, а с поля шли – скакали». Для предохранения домашнего скота от несчастий в коровниках и хлевах ставят образ Власия; а во время скотского падежа, когда совершается торжественное изгнание Коровьей Смерти, обрядовое шествие («опахивание») почти всегда сопровождается иконою этого святого; в некоторых деревнях причитывают при этом особое заклятие.

Ради той зависимости, в какой находятся земные урожаи от небесного молока, проливаемого стадами дожденосных туч, Волосу, наряду с характером пастушеским, придано значение бога, помогающего трудам земледельца. Когда созреет хлеб, в южной России жницы отправляются в поле с песнями; одна из них, захватив рукою пучок колосьев, завивает (закручивает) их на корню и потом пере-

гибает или заламывает в какую-нибудь сторону, чтобы всякий мог видеть и ни один бы серп не коснулся сделанного «закрута». Это называется: завивать Волосу бороду или оставлять, дарить ему на бороду куст золотистых колосьев; в честь этой «бороды» поются обрядовые песни. Думают, что после такого обряда никакой лиходеи и колдун уже не в силах наслать на хлеб порчу. Итак, перед началом жатвы первые созревшие колосья посвящались Волосу, как божеству, воспитывающему нивы; к оставленному для него кусту ржи чувствуется благоговейный страх: кто дотронется до закрута, того, по народному поверью, изогнет и скорчит – подобно завитым колосьям. Описанный обряд совершается и в других местностях России: в Архангельской губернии, когда уже оканчивается уборка хлеба, последние несжатые колосья связывают снопом на корню и сноп этот украшают цветами; выражение: хлебная борода завить употребляется там в смысле: окончить жатву, убрать зерновой хлеб, а выражение: сенная борода завить – в смысле: собрать скошенное сено, сметать в стога. Куст несжатого хлеба,

нарочно оставляемый в поле, в Костромской губернии называется: волотка на бородку (волот, волотка – верхняя часть снопа или охапка сена). В Курской и Воронежской губерниях во время жнитва оставляют на корню связанный узлом пучок ржи – в честь плододавца Ильи-пророка: это называется завязать Илье бороду; а в Переяславль-Залесском уезде оставляют на ниве несколько колосьев кудрявого овса на бороду святому Николе или самому Христу. Такая замена имени Волоса весьма знаменательна: она прямо указывает на религиозное значение закрута и ярко свидетельствует за тождество древнего Волоса с божеством небесных гроз, ибо Илья-пророк и св. Никола заступили в христианскую эпоху дождящего Перуна.

Кроме святого Власия, крестьяне наши признают покровителем стад великомученика Георгия или Юрия. Так как память его празднуется весной – 23 апреля и так как предание, сложившееся еще в Палестине и Сирии, приписывает ему победу над драконом, то в народных верованиях он заступает место бога-громовника, творца весеннего плодородия.

дия, победителя демонического змея и пастыря небесных стад. С таким характером является он в эпических сказаниях и преданиях почти у всех христианских народов. По свидетельству русского народного стиха, святому Георгию принадлежат те же чудесные знамения, какие дают сказки своим мифическим героям, олицетворяющим собою могучие силы весенней природы.

По мнению поселян, весна начинается с Юрьева дня; тогда же приступают и к земледельческим работам. Святой Юрий, как выражаются о нем поговорки и обрядовые причитанья, отмыкает землю, низводит росу и дает рост травам: «Юрий росу спустил». На внешний Юрьев день по всей Руси служат на пашнях молебны и окропляют их святой водою; в Тульской губернии молебны совершаются у колодцев, с которыми в глубочайшей древности сравнивались дождевые источники = тучи; рано поутру крестьяне катаются на нивах по росе, чтобы «быть сильными и здоровыми, как Юрьева роса», а на другой день начинают сеять яровые хлеба.

В некоторых местностях России выбирают

на Юрьев день красивого парня, одевают его в зелень и кладут ему на голову большой круглый пирог, украшенный цветами; с зажженным факелом в руке он несет этот пирог в поле, а следующая за ним толпа девиц поет в честь Юрия обрядовые песни. Так обходят они трижды вокруг засеянных нив; после того разводят наподобие круга костер, оставляя в середине его пустое место, куда кладут принесенный пирог. Все усаживаются возле огня, пируют и делят между собою пирог – так, чтобы каждому досталось по куску.

Пастырский характер святого Юрия ярко свидетельствуется народными поговорками и обрядами: «святой Юрий коров запасает», т. е. выпускает их на пастбище; «Егорий да Влас всему богатству глаз». 23 апреля поселяне наши впервые, после минувшей зимы, выгоняют скот в поле, и выгоняют его непременно освященной вербою. При этом окликают Егория, т. е. обращаются к нему с мольбою.

Обряд этот имеет символическое значение; он указывает на стада дожденосных коров, которых в весеннюю пору выгоняет Перун на небесные луга ударами молнии; в чис-

ле различных метафорических представлений молнии она, между прочим, уподоблялась древесной ветке. Прутья вербы, освященной в неделю Ваий, приносят в хлева и коровники и втыкают в стены, как средство, предохраняющее скотину от нападения нечистой силы. Первый выгон стад в поле совершается ранним утром, пока еще не обсохла на траве ночная роса: делается это с целию, чтобы коровы были тучны и удоины; так как роса признавалась за небесное молоко, то народное поверье приписывает ей чудесное свойство умножать молоко земных коров.

Предания о мифических, облачных волках, сопутствующих бога-громовника во время его грозного шествия по небу, заставили признать святого Юрия вождем и владыкою волков: он собирает их вокруг себя и каждому определяет, где и чем кормиться. Между поселениями существует поверье, что волк ни одной твари не задавит без божьего соизволения, что на Юрьев день Егорий Храбрый разъезжает по лесам на белом коне и раздает волкам наказания; по пословице: «Что у волка в зубах, то Егорий дал»; «Ловит волк роковую

овечку», «Обреченная скотинка – уж не животинка!». В народной сказке о Георгии Храбром волк обращается к этому святому с просьбами о пище; то же указание встречается и в других сказках, только вместо Георгия Храброго – волк прибегает со своими просьбами к Спасителю.

Любопытен следующий рассказ: захотелось пастуху водицы испить, и пошел он через лес к колодцу. Шел-шел и увидел большой ветвистый дуб, а под ним вся трава примята и выбита. «Дай посмотрю, что тут делается!» – подумал пастух и взлез на самую верхушку дерева. Глядь – едет святой Георгий, а вслед за ним бежит большая стая волков. Остановился Георгий у самого дуба; начал рассылать волков в разные стороны и всякому наказывает, как и чем ему пропитаться. Всех разослал, собирается уж в путь ехать; на ту пору тащится хромой волк и спрашивает: «А мне-то что ж?» – «А тебе, – говорит Егорий, – вон на дубу сидит!» Волк день ждал, и два ждал, чтобы пастух слез с дерева, так и не дождался; отошел подальше и схоронился за куст. Пастух осмотрелся, спустился с дерева – и бежать! А

волок выскочил из-за куста, схватил его и тут же съел.

Стихийные боги, издревле представляемые существами человекоподобными, не чуждались и звериных образов; облакаясь в облачные покровы (= шкуры), они или совершенно превращались в животных, или усваивали себе какие-нибудь отдельные их признаки. Славянский Ради-гость изображался с головою буйвола на груди, а ведьмам (вещим облачным женам) и на Руси, и в Германии придаются коровьи хвосты. Но если, с одной стороны, древний человек в явлениях природы усматривал различных животных и своим небесным богам придавал звериные типы, то, с другой стороны, от этих мифических образов он брал чудесные, божественные свойства и наделял ими обыкновенных, земных зверей. Утрачивая живую связь с древнейшими выражениями языка, он мало-помалу забывал о небе и свое религиозное чувство обращал на мир окружавших его животных. Исконное, коренное значение слова терялось; мысль о могучем стихийном явлении, для которого оно служило метафорой, делалась

недоступною сознанию, и затем оставалась странная, лишенная смысла мифическая форма. Настоящее божество исчезало; в старинных сказаниях о нем, в молитвенных к нему обращениях народ не узнавал более небесного властителя; понимая каждое слово, каждое выражение буквально, он вместо бога обретал простого быка, барана или козла и, твердо убежденный в святости прародительского предания, – нес им свои мольбы и жертвы.

В Калужской губернии в двенадцатый день после того, как отелится корова, ее омаливают. Это делается так: хозяйка варит молочную кашу, горшок с приготовленной кашею ставит в чашку овса, а чашку эту – в решето, наполненное сеном; помолившись Богу, она вынимает крестообразно четыре частицы каши и каждую часть кладет в соответственную сторону сена; потом смешивает сено с овсом и корм этот отдает корове, чтобы она была здорова и обильна молоком; оставшаяся каша съедается в семье. В некоторых деревнях корове, которая принесла первенца, обвязывают около рогов белую тесемочку.

Когда старинные сказания о мифических

стадах с высоты облачных пространств были низведены на землю, тогда возник целый ряд суеверных примет и обрядов, основанных на буквальном понимании различных метафорических выражений. Многие из этих примет и обрядов указаны нами выше. Так к богу-громовнику, доителю небесного молока = дождя, стали прибегать с мольбами наполнить обильным молоком сосцы земных коров; пожар, произведенный молнией, стали гасить коровьей шерстью, навозом или молоком. В Томской губернии ожоги до сих пор лечат овечьим пометом.

Во время засухи в некоторых русских деревнях крестьяне нарочно оставляют свой скот в полях без воды, чтобы они ревом своим понудили Бога сжалиться и даровать дождь (Черниговская губерния): мычание стад – метафора грома, сопровождающего дождевые ливни. По мычанию коров славяне гадали о будущем, точно так же, как гадали они по ржанию коней.

В Перуне, бороздящем небо своими огнедышащими быками, язычник признавал бога-дарователя всякого плодородия, устроите-

ля брачных союзов и охранителя поземельного владения. Поэтому как вержение молота (эмблема молний) освящало право на владение землею, так освящалось оно и опахиванием быками.

Древнейшим воззрением на грозовые тучи, как на стада различных животных и звериные шкуры, объясняется обряд ряженья. На праздник Коляды, когда народившееся солнце и прибывающий свет дня возбуждают мысль о грядущем оживлении природы, и в дни Масленицы, Великого поста и Пасхи, когда начинается весна и природа действительно просыпается от зимнего сна, было в обычае с радостными песнями и кликами водить по полям и селам тех животных, в образе которых чтились творческие силы весенних гроз, проливающих дожди, просветляющих небо и дающих земле плодородие. Это торжественное, обрядовое шествие имело символический характер и наглядно выражало возврат ясных, теплых дней и дождевых, молниеносных облаков. То же значение принадлежит и обряду, совершаемому ряженными или окрутниками. Вместо шествия с действи-

тельными животными поселяне сами облакаются в звериные шкуры и принимают вид оборотней, они наряжаются быками, баранами, козлами, лисицами, медведями, собаками и волками, наряжаются Бабой-ягой (ведьмою) и чертями. Чаще всего употребляется в дело вывороченный тулуп и длинная льняная борода. Представляющий черта натягивает на себя что-нибудь косматое, лицо обмазывает сажею, к голове приставляет рога, а в зубы берет горячий уголь. В таких нарядах окрутники бегают по улицам шумными вереницами, пляшут и кривляются, распевают громкие песни и бьют в тазы, заслонки и бубны, чем обозначался тот неистовый разгул, с каким являлись весной облачные духи, ибо в полете грозовых туч народ видел их буйные пляски, а в свисте бури и раскатах грома слышал их дикие песни и оглушительный звон.

Собака, волк и свинья

Ветер стал олицетворяться в образе рыскающего пса. Свист ветров и гул бури были уподоблены собачьему лаю и вою.

Так как в самой природе дуновение бурных вихрей нераздельно с полетом грозовых облаков, то и в мифических сказаниях собака принималась за воплощение не только ветра, но и тучи. На Руси рассказывается легенда, что собака создана была голою и что шерсть ей дана дьяволом, в чем слышится темный намек на старинное представление облаков звериными шкурами, которыми демоны застилают небесный свод.

Между славянскими племенами сказание о «дикой охоте» далеко не получило такого полного развития, хотя отдельные метафоры, под влиянием которых оно возникло, и не были им чужды.

Чтобы охота была удачная, в Новгородской губернии читают следующее заклятие: «Пойду я в чистое поле, в чистом поле млад месяц народился, от млада месяца – млад молодец: сидит на вороном коне, по колена ноги в зо-

лоте, по локоть руки в серебре, на буйной голове все кудри в золоте. Держит молодец золотую кису, золотой топор и булатный нож; в золотой кисе лежит мясо, и сечет мясо молодец булатным ножом и бросает на мой волок... Возговорил добрый молодец: гой еси лисицы черноухие, черноусые, лисицы бурые, рыси и росомахи, и седые волки! сбегайтесь на мой волок, на мою отраву – днем по солнцу, а ночью по месяцу. Ключ да замок!» Мифический молодец с золотыми кудрями и руками – бог весенних гроз; он скачет на вороном коне-туче, держа в руке золотой топор-молнию, и разбрасывает притраву, чтобы сбегались на нее волки, лисицы, рыси и росомахи. К нему, как небесному ловчему, обращено вещее слово заговора, силою которого лесной зверь должен сам бежать на охотника.

По древнейшим воззрениям, твердо запечатленным в языке, губительная зараза приносилась бурным дыханием вихрей, а души усопших, как существа стихийные, воздушные (дух – ветер), возносились в небесные страны на крыльях ветров и на летучих ко-

раблях-тучах. Вот почему в свите дикого охотника шествуют Смерть и покойники; вот почему и собаке, как мифическому олицетворению ветра и грозы, дается участие в представлениях о загробной жизни, а знойное время года, порождавшее моровую язву.

Вой собаки принимается за предвестие тяжелой болезни и смерти, и потому, услышав его, говорят: «Вой на свою голову!» Если собака роет на дворе яму, то непременно к покойнику: вырытая ею яма намекает на скорую необходимость в могиле.

Простой народ связывает с собакою различные приметы и поверья об атмосферных явлениях: так валяется она – летом к дождю и ветру, а зимой к мятели; черная собака и черная кошка, по мнению одних (как животные, посвященные издревле богу-громовнику), предохраняют дом от удара молнии, а по мнению других (как воплощения темных туч), они служат убежищем для нечистой силы, которая, входя в них, тем самым привлекает на дом громовые удары. В житии Феодосия рассказывается, что нечистый дух являлся к нему в образе черного пса, и когда святой

«восхотех ударити его – и се невидим бысть».

Если собака бросается на гостя – это знак, что он пришел не с добрым намерением; если она жметя к хозяину – знак, что ему грозит несчастье: в обоих случаях она предвидит грядущую опасность. Собачий вой, с которым древние народы сближали вой разрушительной бури, предзнаменует неурожай, войну и пожары. Как на остаток старинного уважения к собаке можно указать на ходячий в народе совет: «Не пихай собаку – не то судороги потянут».

Волк, по своему хищному, разбойничьему нраву, получил в народных преданиях значение враждебного демона. В его образе фантазия олицетворила нечистую силу ночного мрака, потемняющих небо туч и зимних туманов. Такое олицетворение стоит в тесной связи с верою в благодатные небесные стада, дарующие земле плодородие. Как обыкновенный, домашний скот имеет страшного врага в поедучем волке, так и небесные стада, выводимые богиней Утренней Зорею и весенним Перуном, должны были иметь своих мифических волков, представителей темной ночи и

губительного влияния зимы. Первобытное, младенческое племя усматривало на небе свой пастушеский быт, во всей его житейской обстановке.

Сахаров записал любопытный заговор, произносимый, по народному поверью, наоборот: «На море на окиане, на острове на Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень – в зеленый лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый», т. е. волкодлак или, по объяснению Кормчей, облакогонештий захватывает своими зубами небесные стада. Низводя это мифическое представление на землю, крестьяне думают, что на Ильин день, когда бог-громовник разъезжает по небу в огненной колеснице, волки и змеи (=тучи и молнии) выходят из своих нор, бродят по полям и лесам, жалят и терзают домашнюю скотину, и только один гром в состоянии разогнать их; потому-то в этот день не выгоняют стад в поле. С обоими понятиями: и с облаком, и с волком равно соединялась мысль о тайном сокрытии и похищении; как тучи, заволакивая небесный свод, скрывают светила и, пока не

будут разбиты Перуном, таят в своих затворах благодатное молоко дождя, так волк уносит овец и коз и истребляет коров. «Страх тепло волочет», – выражается народная загадка о волке, увлекающем овцу. Хищный характер волка возбуждал представления о грабеже, насилии и резне.

Губительная хищность волка по отношению к лошадям, коровам и овцам представлялась пастушеским племенам аналогичною с тою враждебною противоположностью, в какую поставлены природою тьма и свет, ночь и день, зима и лето. Солнце, луну и звезды фантазия древнего человека признавала за небесные огни, то отсюда возникло поверье, будто волки пожирают огонь (сравни с подобным же поверьем о богатырских конях-туцах).

О падающих звездах рассказывают на Руси, что звезды эти бегут и прячутся в дальних областях неба, будучи преследуемы нечистым духом. Когда небо заволокут тучи, то простой народ обращается к солнцу с заклинанием: «Выглянь, солнышко! твои детки плачут». Этим думают освободить дневное

светило из власти темных сил. Ниже приведем мы летописные свидетельства, что при солнечных затмениях в старину раздавался непритворный плач населения, которое опасалось за судьбу солнца, захваченного злым демоном мрака. По преданиям западных славян, царь-Солнце борется с нечистой силою (= Зимою), которая нападает на него в виде волка. О Перуновом цветке папоротника, который горит пламенем и есть метафора молнии, можно сказать следующее.

По русскому поверью, папоротник распускается в таинственную Купальскую ночь; злые духи неусыпно сторожат кусты и, как только покажется чудесный цветок, сейчас захватывают его в свою власть, т. е. молния цветет (= сверкает) во мраке ночеподобных туч, и едва успеет блеснуть – как в то же мгновение исчезает в их темном царстве. Кроме папоротника, мифическое представление о Перуновом цветке было соединяемо и с другими земными травами, на что указывают их простонародные названия: лютик (лютяк), борец, преград, волкобой; имя лютик придается и траве купало или купальнице

(granunculus acris). Травы эти обладают силою прогонять нечистых духов – подобно тому как прогоняют их молниеносные стрелы громовника.

Колючие сорные травы, напоминающие своими иглами острые стрелы, называются волчец и чертополох (т. е. растение, способное всполошить, испугать чертей); заметим, что и самый папоротник слывет в народе волчьей травой. Июнь месяц, когда совершается Купальский праздник, есть период полного развития плодотворных сил природы, время победы светлых богов над темными, почему и называют его макушкою лета и месяцем огня (кресником). Наоборот, зима и особенно декабрь месяц представлялись периодом торжества демонов (холода, туманов и снеговых туч) над благодатною силою солнечного света и теплоты. От того все продолжение зимы, от ноября до февраля включительно, известно под именем волчьего времени. Февраль у славян назывался лютый (характеристический эпитет волка).

В Южной Руси есть поверье, что с 9 декабря волки начинают рыскать стаями и что это

продолжается до Крещения; 6 января, при водосвятии, существует обычай стрелять из ружей, и как скоро раздастся первый выстрел – волки тотчас разбегаются в разные стороны: святая вода – символ весеннего дождя, а выстрел – символ громового удара, разящего тучи. При встрече с волками в лесу поселяне произносят: «А де ви тоди були, як Исус Христос на Йордани христивсь?» – и думают, что от этих слов волки убегают и прячутся в делях.

Народные сказки родившееся на Коляду Солнце представляют прекрасным младенцем, захваченным злою ведьмою-Зимою, которая превращает его волчонком, и только тогда, как будет совлечена с него волчья шкура и сожжена на огне (т. е. в то время, когда весенняя теплота растопит зимние тучи), оно принимает свой божественный образ и является во всем блеске несказанной красоты.

Затмения солнца и луны, издревле называвшиеся божьими знаменьями, у всех языческих племен объяснялись враждебным нападением демонов тьмы на светлых богов, обитающих на высоком небе. Народы различ-

ных стран и веков равно боялись затмений, усматривали в них действительный вред, наносимый светилам, и считали их предвестиями общественных бедствий; цари запирались в то время в своих дворцах и в знак горести остригали детям волосы. По мнению древних, солнечные затмения происходили оттого, что силы холода и мрака брали перевес над теплом и светом и погашали все озаряющий светильник дня. То же воззрение находим и у славян. Пока мировые законы оставались неведомой тайною, подобные явления и не могли быть объясняемы иначе. Замечено, что при полном солнечном затмении (когда на омраченном небе, словно ночью, выступают далекие звезды) все животные приходят в более или менее сильную тревогу: птицы, до того спокойно парившие в воздухе, будучи поражены внезапным отсутствием света, упадают на землю; куры садятся на насест, а при окончании затмения петухи начинают свою обычную песню, которою каждое утро встречают восходящее солнце; домашний скот обнаруживает видимое беспокойство и радостным ревом приветствует возврат дневного

света. И человек испытывал некогда тот же смутный страх наравне с прочими животными. В солнечном затмении он видел дело злых духов, ненавидящих все живое и стремящихся уничтожить верховный источник жизни – ясное солнце. Оттого старинные памятники упоминают о затмениях солнца и луны как о страшной гибели, грозившей этим светилам.

Понятно, что в уменьшении света, как источника всякого плодородия и жизни, язычники должны были видеть зло (= смерть) и предвестия грядущих бедствий. «Сицевая бо знамения, замечает летописец, не на добро бывають, но точию к гладу, или к мору, или к кровопролитию и к пленению». Долгое время, после принятия христианства, славяне «сходяшеса, смотряху, дивляхуся и слезно моляшеса к Богу и пречистой Богородици, да обратит Господь Бог знамение на добро». Всякое печальное событие, случившееся вскоре после затмения, они связывали с этим последним. Так под 1064 годом читаем в летописи: «Солнце без луч съяше – се же проявляше крамолы, недужи, человеком умертвие бяше. Сол-

нечное затмение 1091 года сочтено было предвестием смерти великого князя Всеволода, а затмение 1113 года – предзнаменовани-ем кончины великого князя Святополка. Под 1161 годом сказано: «Сему же (кн. Изяславу Давидовичу) рекоша старии люди: неблаго есть сяково знамение, се прообразует княжю смерть – еже бысть»; под 1201 годом: «Тое же зимы явися знамение в луне – и на утрии представися княгини Ярославля» и т. д. Главная эпическая основа «Слова о полку Игореве» заключается в том, что природа и преимущественно солнце шлют Игорю печальные предвещания, которые потом и сбываются: «Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты (затмение 1185 г.), и рече Игорь к дружине своей: братие и дружино! луце ж бы потягу быти, неже полонену быти» и в другом месте: «Солнце ему тьмою путь заступаше». Напротив, с увеличением света связывались идеи счастья, добра, изобилия и богатства. Период возрастания луны почитался более благоприятным, нежели время ее убыли; утро счастливее вечера. Под 1143 годом летописи находим такое замеча-

ние: «Бысть знамение в солнци – огородись в три дуги и быша другыа три дуги хребты вместо; и сиа знамениа добра велми». Поселяне убеждены, что красные круги около солнца обещают плодородие.

До сих пор еще простолюдины видят в затмениях недобрые знаменья; а в старину невелики даже боялись, чтобы светило не было окончательно пожрано нечистою силою и не погибло навсегда. С таким совершенным уничтожением солнца они соединяли верование в кончину мира. Мысль о гибели солнца и других светил необходимо возбуждала представление разрушающейся Вселенной: погаснут небесные светочи – и вечный мрак и холод обнимет природу, земля оцепенеет и все живое на ней истребится; слово «гасить» в некоторых областных говорах донныне употребляется в смысле истребить, уничтожить.

Летописцы, сближая солнечное затмение с каким-либо печальным для христианского мира событием, выражались: «И сего не терпя, солнце лучи свои скры»; таким образом они объясняли затмение гневом солнца, раздраженного человеческими поступками. Ста-

ринное воззрение на это светило, как на живое и доступное чувствам существо, продолжало еще тяготеть над умами людей и невольно высказывалось в их речи.

В нашем народе рассказывают, что в день своего воскресения Христос посадил сатану в подземелье под скалою, заковал его в двенадцать железных цепей и запер двенадцатью железными дверями и двенадцатью железными замками. Сатана, в продолжение года, грызет двери, замки и цепи, но всякий раз, как только остается ему перегрызть последнее звено цепи, раздается радостный клик: «Христос воскрес!» – и в то же мгновение двери, замки и цепи становятся по-прежнему целыми и крепкими. Будет, однако, время, когда он успеет разорвать цепи – и тогда наступит конец мира.

Вообще следует заметить, что народные предания о создании и кончине Вселенной, о страшном дне суда, аде и рае возникли из древнейших воззрений на природу и ее годичные превращения. Неутолимая жажда человека ведать и неизвестное прошедшее и таинственное будущее нашла для своих гада-

ний готовые образы и краски в поэтических сказаниях о природе; он только придал этим сказаниям более широкий смысл, нежели какой они имели первоначально, и сделал это не произвольно, а под влиянием метафорических выражений родного языка. По свидетельству русского стиха о Страшном суде, вслед за всеобщим развращением человеческого рода – явится с неба молниеносный Илья-пророк, и

*Загорится матушка сыра земля,
С востока загорится до запада,
С полуден загорится да до ночи,
И выгорят горы с раздольями,
И выгорят леса темные.
И сошлет Господи потопие
И вымоет матушку сыру землю,
Аки харатью белую,
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную.
И сойдет Михаил-архангел-ба-
тюшко,
Вострубит в трубоньку золоту:
Пойдут гласы по всей земле,
Разбудят мертвых и вызовут их
из гробов.*

Народные предания соединяют с волком и тот охотничий характер, какой присваивался мифической собаке, так как оба эти зверя послужили для олицетворения одинаковых стихийных явлений. По указанию господина Костомарова, южнорусы в созвездии Большой Медведицы видят запряженных коней (Воз); черная собака каждую ночь силится перегрызть упряжь и чрез то разрушить весь строй мироздания, но не успевает в своем пагубном деле: перед рассветом побежит она к студенцу, чтобы утолить жажду, а тем временем упряжь снова срастается. Рассказывают и так: есть на небе три сестрицы-Зоряницы (вечерняя, полуночная и утренняя), приставленные сторожить пса, который прикован у Малой Медведицы на железную цепь и всячески старается перегрызть ее; когда цепь будет порвана – тогда и кончина мира. В том же созвездии Большой Медведицы болгары усматривают волка, который грозит смертью двум волам, запряженным в повозку. Поверье это известно и между киргизами, которые две звезды Малой Медведицы принимают за пару небесных иноходцев, а семь звезд Большой

Медведицы – за караульщиков. Дьявол, в образе волка, давно подстерегает этих иноходцев, и когда удастся ему пожрать их, то караульщики разбегутся и будет преставление света.

Волк-туча, пожиратель небесных светил, в народных русских сказках носит характеристическое название волка-самоглота; он живет на море-на окиане (т. е. на небе), добывает сказочному герою гусли-самогуды (метафора грозовой песни), пасть у него – страшная, готовая проглотить всякого супротивника; под хвостом у волка – баня, а в заду – море: если в той бане выпариться, а в том море выкупаться, то станешь молодцем и красавцем, т. е. волк-туча хранит в своей утробе живую воду дождя, с которою нераздельны понятия силы, здоровья и красоты. Согласно с метафорическим названием дождя молоком, этот сказочный волк заменяется иногда молочною рекою с кисельными берегами, которая всех питает и всем дарует красоту и силу. Трава молочай (*euphorbia lathyris*), названная так по белому, молочному цвету своего сока. Богатыри народного эпоса, представители молние-

носного Перуна, сосут в детстве молоко мифических животных, т. е. дождевые тучи.

По свидетельству славянской сказки, победители страшного змея – богатыри Валигора и Вырвидуб (прозвания, издревле присвоенные богу-громовнику как рушителю облачных гор и лесов) были вскормлены зверями: один – львицею, а другой – волчихою. Замечательно, что малорусская сказка заменяет богатыря Вертодуба волком, который «пиляе хвостом дуби». Чтобы пчелы собирали больше меда, для этого в Калужской губернии советуют класть на пчельнике волчью губу: суеверие, возникшее из метафорических названий тучи – волком и дождя – медом.

В баснословных сказаниях о волке-туче находят объяснение некоторые народные обряды и приметы. Вой волков (метафора завывающей бури) почитался вещим и у славян, и у немцев. По выражению Слова о полку, Игорь ведет воинов к Дону, а «вльци грозу вьсрочат по яругам»; у летописца Нестора записан следующий рассказ: «идущема же има (на битву), сташа ночлегу, и яко бысть полунощи, встав Боняк, отъеха от вой, и поча выти

волчьскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози. Боняк же приехав, поведи Давыдови: яко победа ны есть на Угры заутра». В сказании о Мамаевом побоище замечено, что Дмитрий Волынец «седе на конь свой, поим с собою вел, князя, выехав на поле Куликово и став посреде обоих полков, обратився на полки татарские, слышах стук велик и крик... трубы гласяще. И бысть же назади татарских полков волцы воют вельми грозно, по правой же стране их вороны и галицы беспрестанно кричаше».

По народной, доньне существующей примете, вой волков предвещает мороз, голод, мор и войну, если волки ходят по полям стаями и воют – это знак будущего неурожая.

Понятия победы, торжества над врагами так же неразлучны с смелым и хищным волком, как, наоборот, понятия поражения, гибели, неуспеха – с робким и трусливым зайцем. В бурной грозе неслись воинственные боги на битву с демонами и радовали жадных волков и воронов, которые следовали за ними на поле сражения пожирать трупы убитых. Зимние вьюги и разрушительные бури «волчьего

времени» порождают неурожаи, голод и мор; те же печальные последствия вызывают и человеческие войны, опустошающие нивы земледельца и водворяющие на земле владычество смерти: вот почему вой волков пророчит не только военные тревоги, но и общее оскудение и поварьные болезни. Так как звон принимался за метафору грома, разбивающего темные тучи, то отсюда возникло поверье, что волки, слышав звон почтового колокольчика, со страхом разбегаются в разные стороны; точно так же боятся звона колоколов и нечистые духи и ведьмы. Для того, чтобы волки не трогали домашней скотины, в Новгородской губернии крестьяне бегают вокруг деревень с колокольчиками, причитывая: «Около двора железный тын; чтобы через этот тын не попал ни лютый зверь, ни гад, ни злой человек!» Во время свадебных поездов колдуны, на пагубу молодых, бросают на дорогу высушенное волчье сердце; чара эта, по мнению простонародья, заставляет лошадей становиться на дыбы и ломать повозки. Волчья шерсть и волчий хвост употребляются ведьмами в чарах, с целью произвести непо-

году.

Не менее значительная роль выпала в преданиях индоевропейских народов на долю свиньи. Как животное, которое роет землю, она явилась символом, во-первых, плуга, бороздящего нивы, и, во-вторых, вихря, взметающего прах по полям и дорогам; а как животное необыкновенно плодучее, свинья поставлена в близкую связь с творческими силами весенней природы. Вместе с тем мифы приписали ей то же влияние на земледелие и урожай, какое принадлежит грозовым тучам, бурное дыхание которых, подымая пыль и сокрушая деревья, как бы роет землю.

Впрочем, народные приметы ставят свинью в таинственное соотношение с различными атмосферными явлениями: когда стадо свиней бежит с поля с визгом и хрюканьем, когда свинья чешется об угол избы – это считается предвестием дождя и ненастья; если свинья бежит с соломой во рту – это знак приближающейся бури; если свиньи жмутся друг к другу, то следует ожидать мороза (Орловская губерния).

Молния, уподобляемая в мифических ска-

заниях острию копья и стрелы, в применении к туче-борову казалась его сверкающей щетиною или золотым, блестящим зубом (клыком). Народная загадка, означающая огонь, выражается так: «Дрожит свинка золотая (или острая) щетинка». Острые зубы борова, крысы, мыши, белки и крота, по их белизне и крепости были сближены с разящею молнией. Во всех разнообразных олицетворениях тучи зубы служат для обозначения кусающих (= разящих) молний. В русском заговоре на умилоствление судей и начальников читаем: «Помолюсь я (имярек) на восточную сторону, с восточной стороны текут ключи огненные, воссияли ключи золотом (= изображение грозы) – и возрадовались все орды, и приклонились все языки. В тех ключах я умываюсь и господнею пеленою утираюсь, и показался бы я всем судьям и начальникам краснее солнца, светлее месяца. Кто на меня зло помыслит, того человека я сам съем: у меня рот волчий, зуб железный!» Чтобы охранить себя от судейских преследований, заклинатель обращается к защите бога-громовника, который должен прикрыть его облачной

пеленою и омыть очистительною водою дождя; одеянный облаком, он принимает на себя волчий образ, получает железный зуб-молнию и становится страшен своим недругам.

Колдуны, обладающие силою вызывать бури и грозы и превращаться в волков, сохраняют свое чародейное могущество до тех пор, пока не выпадут у них зубы. По народному поверью, вещее слово заговора только тогда достигает цели, когда произнесено заклинателем, у которого все зубы целы. В наших сказках встречаем любопытное предание о змеином зубе; подобно волку, змей – демоническое олицетворение тучи.

Так как молния наносит смертельные удары, то змеиному зубу присваивается эпитет мертвого. Злая царевна – полюбовница змея, желая извести брата-богатыря, вызвалась поискать у него в голове и запустила ему в волосы змеиный зуб. Богатырь тотчас помер и был зарыт в могилу, но у него была любимая охота – вещие звери: откопали они царевича и стали думать, как бы возвратить его к жизни. Говорит лиса медведю: «Если ты перепрыгнешь через покойника, а сам увернешь-

ся от зуба, то и хозяин наш, и ты – оба будете живы!» Косолапый Мишка прыгнул, да не успел увернуться – зуб так и впился в него! Царевич ожил, а медведь ноги протянул. Прыгает через медведя другой зверь и тоже не сумел увернуться: Мишку оживил, а сам упал мертвый. И вот так-то прыгали звери друг за другом, и дошла наконец очередь до лисицы; она всех ловчей, всех увертливей, как прыгнула – зуб не поспел за нею и вонзился в зеленый дуб: в ту же минуту засох дуб от верху и до низу.

В одном заговоре змеиный зуб называется золотым. Этот любопытный заговор произносится на исцеление от змеиного укуса и состоит из следующего обращения к змее-змеице, всем змеям царице: «Собери ты весь свой гад и вынимай из раба (имярек) свой злат зуб; а не вынешь ты своего злата зуба, то я заклянну тебя со всеми твоими змеями, а не я тебя заклянну – закляннет тебя Господь Бог и Михаил-архангел». Затем заговор упоминает о Божьей Матери, которая из болящих ран змеиные зубы выбирает, опухоль умаляет. Низводя древние метафорические выражения от

небесных явлений к земным, народ в золотом зубе-молнии, которым поражает змея-туча, начинает видеть не более как губительный зуб обыкновенной змеи, и заклятие, направленное, собственно, против громового удара, принимает за целебное средство в тех случаях, когда кого-нибудь ужалит гадюка. Народная русская сказка повествует о змее-ведьме, которая хочет пожрать малолетнего Ивашку; смелый мальчик ушел и засел на высокий дуб; ведьма принимается грызть дерево, ломает свои зубы, бежит к кузнецу и просит: «Ковалику, ковалику! скуй мне железные зубы», – и тот исполняет ее желание. Не касаясь основного значения этой сказки, которое объяснено нами ниже, заметим, что злая ведьма точно так же грызет железными зубами, т. е. молниями, Перуново дерево (дуб = облако).

На Руси заставляют детей бросать выпавший зуб за печку с таким приговором: «Мышка, мышка! на тебе зуб костяной (или: репяной), а мне дай железный (или: костяной).

Существует стародавний миф о мышши-молнии, грызущей корабль-облако, который уцелел в средневековой переделке ветхозаветно-

го сказания о потопе. По свидетельству апокрифических сочинений, дьявол прокрался в ковчег и, желая окончательно погубить людской род, оборотился мышью и стал грызть дно корабля; тогда, по молитве Ноя, выскочили из ноздрей льва пес и кошка и удавили нечистого. Народная легенда говорит, что дьявол в образе мыши прогрыз в ковчеге дыру, а уж заткнул ее своей головою. Если в доме бегают днем мыши и крысы, это, по мнению простонародья, предвещает пожар (Архангельская губерния); чье платье будет изъедено мышами или крысами, тому человеку угрожает беда, болезнь и самая смерть. Мыши дают поселянам приметы о будущих урожаях и ценах на хлеб; если полевая мышь сошьет на ниве гнездо высоко, то предвещает неурожай и высокие цены на хлеб, и наоборот: низко свитое гнездо обещает низкие цены; если мышь точит ковригу от нижней корки кверху – то хлеб будет дорог, а если от верхней корки вниз – то дешев; изгрызенная середина ковриги указывает на средние цены; когда мыши портят сено – будет худой укос, а когда вылазят из подполья и производят

визг – будет голодный год. Рядом с уподоблением разящих молний – зубам, хохот служил метафорой грома. Так как смех возбуждает представление об открытом рте и оскаленных зубах, то обе метафоры нераздельно сочетались с мифическим образом демона-тучи: дьявол постоянно насмехается, злобно хохочет и скрежещет зубами; адская бездна изображается колоссальной разинутой пастью с страшными зубами.

На Руси к Рождественским Святкам и Новому году бьют свиней и поросят, и доселе неизменным кушаньем на первый день праздника бывает свиная голова с хреном или жареный поросенок с кашею; почти по всем деревням варят свиные ноги, начиняют свиные кишки и желудки и раздают колядовщикам, песни которых сопровождаются просьбами наделить их именно этими обычными дарами. Кровью убитого кабана брызгают в огонь, на котором обжигают тушу, и думают, что вследствие такого обряда нечистая сила перестанет ходить по хлевам и портить скотину. По селезенке кабана гадают о погоде: если селезенка толще к спине, то зима бу-

дет холоднее в конце, чем в начале; если она толще в середине, то сильную стужу надо ожидать в половине зимы, а если толще к стороне брюха, то при конце зимнего периода морозы будут слабее.

В Виленской губернии всякий достаточный хозяин закаляет к Рождеству нарочно откормленного кабана, что на местном говоре обозначается выражением: забиц каляду. В Орловской губернии под Новый год режут годовалого поросенка, жарят и вечером непременно съедают всего, а кости зарывают в потаенном месте. Святой Василий, память которого празднуется 1 января, почитается крестьянами покровителем свиней, откуда объясняется народная поговорка: «Бывает и свиным в году праздник!»

В тучах, потемняющих небесный свет, и в крутящихся вихрях древние племена признавали существа демонические; поэтому прожорливой свинье, как воплощению этих стихийных явлений, часто придается в народных сказаниях тот же злобный, враждебный характер, как и хищному волку.

Встреча с свиньей признается за несчаст-

ливую примету, на что указывал еще Нестор, осуждавший тех, которые, повстречав свинью, немедленно возвращались домой. Народный эпос рассказывает о борьбе богатыря (=Перуна) с демоническими змеями (= тучами); в некоторых вариантах чудовищная змея заменяется огромной прожорливой свиньей, причем все другие подробности предания удерживаются без малейших отступлений. Спасаясь от свиньи, богатырь бежит в кузницу, и там «нечистая» свинья, будучи схвачена за язык горячими клещами, погибает под кузнечными молотами. С таким враждебным Перуну, демоническим характером свинья по преимуществу являлась как мифическое воплощение зимних туманов и облаков, помрачающих солнечный блеск, посылающих на землю холодные ветры, метели и разрушительные бури; вместе с этим ее острые зубы получили значение мертвящего, всеоцепяющего влияния зимы. По народному выражению, Зима с гвоздем ходит, оковывает воды и землю и, накладывая на реки и озера ледяные мосты, скрепляет их гвоздями; следовательно, действие и ощущение, производимые мо-

розами, уподобляются опутыванию цепями и уколу острого, крепко прибитого гвоздя. Временное усыпление или зимняя смерть природы происходит от губительного укола Зимы.

Представляя тучи в различных животненных и человеческих образах, первобытные племена называли дождь – их плотским семенем, молоком и кровью. Богатырь русской сказки Незнайко точит кровь из задней ноги своего чудесного коня, окропляет ею опустошенный сад, и где только пали кровавые капли – там вырастают роскошные цветы и деревья: эпизод, по своему значению совершенно тождественный с преданием, будто богатырские кони ударом своих копыт выбивают источники живой воды. Возврат к жизни окаменелых (= оцепененных зимнею стужею) героев народный эпос приписывает взбрызгиванию живой водою или окроплению детской кровью, т. е. дождем, этою живительною кровью только что народившегося бога весны.

Стоит в этой связи вспомнить летописную повесть о смерти Олега, который ступил ногою на череп своего издохшего коня, «и выникнучи змея, и уклюну и в ногу, и с того раз-

болевся умысле». Значение того и другого преданий одно: кабан и конь = туча, зуб и змея-молния; в той форме, в какой передана басня летописцем, она уже является в исторической обстановке и связана с героическим именем вещего Олега. Колючие иглы (щетина) кабана сравниваются с острием булавки (иголки, шпильки); народная загадка называет иголку свинкою-золотою спинкою: «бежит свинка – золотая спинка, носочик стальной, а хвосточик льняной (нитка)». Вместе с этим булавка в народных сказках служит не только метафорой молниеносной стрелы, но и обладает волшебною силою погружать в непробудный сон и превращать в камень, т. е. уколом своим предавать природу зимней смерти.

Народная загадка о зоре, расстилаемойходящим солнцем, выражается метафорически, как о червонном платье: «За лисом, за пролисом червоне платья». Любопытно, что свои блестящие одежды сказочная героиня до поры до времени скрывает в дубе или под камнем, т. е. за мраком туманов, ибо и дуб и камни (скалы) служили метафорами для обозначения этих последних. Облекаясь в весен-

ние наряды, дева-Солнце блистает «несказанною и ненаглядною красотою»; жаркими лучами своими она топит льды и снега, или, выражаясь метафорическим языком сказки: оставляет след своей ноги, свой золотой башмачок, в растопленном дегте.

Как метафора «живой воды», деготь, по мнению крестьян, обладает целебною силою: при поварных болезнях советуют держать в избе кадку с дегтем; чтобы предохранить домашнюю скотину от нечистой силы, вешают на хлевах лапти, обмоченные в деготь: во время скотской чумы заболевшим коровам мажут дегтем язык, лоб и крестец. Люди, страдающие куриною слепотою, нагибаясь над дегтярною кадкою, произносят следующий заговор: «деготь, деготь! возьми от меня куриную слепоту, а мне дай светлые глазушки»; таким образом, ему приписывается то же свойство просветлять зрение (=свет), что и утренней росе и весеннему дождю. Злого домового усмиряют метлою, обмоченною в деготь. Когда хотят обесчестить дом, в котором есть нецеломудренная девушка, то мажут дегтем ворота, по вышеобъясненной связи любовно-

го акта с пролитием дождя; позднее этот символический обряд стал приниматься в смысле запятнать, замарать чью-нибудь честь.

По народным поверьям, занесенным во многие сказки, превращение совершается набрасыванием на себя шкуры или кожи того животного, наружный вид которого желают воспринять; снятие этой шкуры влечет за собою восстановление первоначального образа; в устах поселян доньше живут рассказы о том, как иногда, застрелив волка, под шкурою его находят человека, который за несколько лет до того был превращен в вовкулака. Самое слово «оборачиваться», в простонародном произношении обворачиваться (обернуться = обвернуться), указывает на переряживание, покрытие себя («обвертывание») каким-нибудь одеянием. Потому о солнце, затемненном облаками, было представление, что оно рядилось (облачалось) в шкуры тех животных (преимущественно: змея, волка, свиньи и быка), в образах которых миф олицетворял туманы и тучи. Чтобы освободить оборотня, надо снять, совлечь с него звериную шкуру и для того обезглавить его чудо-

действенным мечом (= молнией) или похитить снятую им на время кожуру и сжечь ее на огне.

В русской сказке о богатыре Незнайке этот добрый молодец, преследуемый злою мачехою (которая покушается предать его смерти), должен удалиться из-под родной кровли и скрыть на время свои золотые кудри, молодость и красоту под бычачьими пузырями и шкурою, т. е. солнце заволакивается зимою холодными туманами и снежными облаками, утрачивает свои горячие лучи и делается на определенный срок плешивым оборотнем; но когда срок испытания окончится и богатырь трижды победит арапского короля (позднейшая замена древнего демонического существа; черный цвет – знамение враждебной силы, мешающей солнечным лучам согревать землю), тогда спадают с него и пузыри и шкура, золотые кудри снова рассыпаются по могучим плечам, и неузнаваемый прежде юноша, показываясь во всем блеске своей красоты, вступает в благословенный союз с прекрасною царевною-Землею. Эта победа над губительным влиянием зимы совершается при

помощи весенних гроз и дождей, и, выражаясь поэтическим языком мифа, солнце только тогда начинает красоваться золотыми кудрями, когда выкупается в источнике живой воды и умастит свои волосы змеиною мазью (= дождем грозовой тучи).

Мы указали на целый ряд тех животненных образов, какие придавались народами арийского происхождения своим стихийным божествам. Разнообразие этих представлений послужило источником верований в превращения богов и демонов и вообще в оборотничество.